

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (53) 2020

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2020

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Выпуск 2 (53) 2020 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2020. — 164 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23 мая 2019 г. Регистрационный номер **ПИ № ФС77-75804**

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **22761**

Сайт журнала: www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
15.06.2020.

Дата выхода в свет:
27.06.2020.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 20,5.
Усл. печ. л. 19,1.
Тираж 500. Заказ 24.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2020

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
Issue 2 (53) 2020 :
scientific and methodical
journal. — Volgograd :
VA MVD Russia, 2020. —
164 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription index
at the catalogue
"Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№ 2 (53)
2020**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Department of the Criminal Procedure of the University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

Editors

T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP

N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
15.06.2020.

Date of publication:
27.06.2020.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 20,5.
Conventional print sheets 19,1.
500 copies. Order 24.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400131, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2020

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

- Дикарев И. С.* 8
Персональный признак подсудности
уголовных дел военным судам

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Боренов А. Ю.* 14
Детерминация насильственной преступности
спортсменов, занимающихся профессиональным боксом
Квашис В. Е. 19
Смертная казнь как политико-правовой феномен
Ничуговская О. Н. 30
Уголовно-правовые меры противодействия
коррупции в России
Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пахомов А. Н. 36
Неотвратимость наказания
как принцип уголовного права
Шевелева С. В., Яковлева Е. О. 41
Проблемы экономизации уголовного права России:
тенденции и пределы реализации

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Климова Я. А.* 47
Проблемные аспекты правового регулирования
статуса прокурора в досудебном производстве
Козловский П. В. 53
Проверка и оценка доказательств,
основанных на обобщении
и систематизации сведений
Корнуков В. М., Корнукова Е. В., Устинов Д. С. 59
Об обеспечении права
на справедливое судебное разбирательство
и опровержение обвинения
Костенко Н. С. 66
Возможности применения компромисса
в уголовном судопроизводстве:
особенности и правовые основания
Лавнов М. А. 72
Право прокурора на отказ от обвинения
в условиях длящейся реформы
российского уголовного процесса
Лыков Д. А. 79
Правовая природа коллегиальности
рассмотрения уголовных дел
в отечественном уголовном процессе

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

- Dikarev I. S.*
Personal indicator of jurisdiction of criminal cases
to military courts

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Borenov A. Yu.*
Determination of violent crime of athletes
involved in professional boxing
Kvashis V. E.
Death penalty as a political and legal phenomenon
Nichugovskaya O. N.
Criminal law measures to counter corruption in Russia
Strilets O. V., Semenenko G. M., Pakhomov A. N.
Inevitability of punishment
as a principle of criminal law
Sheveleva S. V., Yakovleva E. O.
Problems of economization of criminal law in Russia:
trends and limits of implementation

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

- Klimova Ya. A.*
Problematic issues of public prosecutor's
status legal regulation in pretrial proceedings
Kozlovskiy P. V.
Verification and evaluation of evidence,
based on generalization
and systematization of information
Kornukov V. M., Kornukova E. V., Ustinov D. S.
On ensuring the right to true court/legal proceedings
and rebutting the charge
Kostenko N. S.
The potentials of the compromise application
in criminal proceedings: features and legal bases
Lavnov M. A.
Prosecutor's right to refuse the charge
in the context of ongoing reform
of the criminal proceedings of Russia
Lykov D. A.
Legal nature of collegiality
while investigating criminal cases
in the domestic criminal procedure

<i>Мелихов А. И., Костюченко Н. И.</i> Роль и значение оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса в обеспечении национальной безопасности	86	<i>Melikhov A. I., Kostuchenko N. I.</i> Role and significance of operational investigative activities and criminal proceeding in ensuring national security
<i>Мельникова А. С.</i> Способы фальсификации показаний полиграфа и возможные пути их преодоления	93	<i>Melnikova A. S.</i> Methods of fabrication of polygraph readings and possible ways to overcome them
<i>Проваторова К. В.</i> Отдельные аспекты систематизации общих условий судебного разбирательства	99	<i>Provatorova K. V.</i> On certain aspects of systematization related to general conditions of court proceedings
<i>Решняк О. А., Ковалев С. А.</i> Организация расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет», на первоначальном и последующем этапах	106	<i>Reshnyak O. A., Kovalev S. A.</i> Arranging the investigation of Internet frauds at the initial and subsequent stages
<i>Смагоринский Б. П., Сычева А. В.</i> Новые способы совершения мошенничеств, связанных с распространением коронавирусной инфекции	111	<i>Smagorinsky B. P., Sycheva A. V.</i> The new methods of fraud associated with the spread of coronavirus infection
<i>Чичерин Ю. С., Лугинец Е. А.</i> О некоторых тенденциях организованной преступности в сфере фальшивомонетничества и мерах, направленных на противодействие ее развитию (оперативно-разыскной аспект)	117	<i>Chicherin Yu. S., Luginets E. A.</i> About some trends in organized crime in the field of counterfeiting and measures aimed at counteracting its development (operational-search aspect)
<i>Чурикова А. Ю.</i> Правовая модель деятельности прокурора в уголовном процессе Франции	125	<i>Churikova A. Yu.</i> Legal model of prosecutor's activity in the criminal procedure of France

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Жуланов А. В.</i> Деятельность государства в борьбе с политическим терроризмом во второй половине XIX в.	133	<i>Zhulanov A. V.</i> State activity in the fight against political terrorism in the second half of the XIX century
<i>Самарский А. Н.</i> Влияние либеральных реформ 60—70-х гг. XIX в. на государственно-правовую политику Российской империи	138	<i>Samarsky A. N.</i> Influence of liberal reforms of the 60—70 th of the XIX century on the state and legal policy of the Russian Empire

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

<i>Демидов Н. Н., Зувеева О. В.</i> Проблемы изучения уровня доверия органам внутренних дел и следственным подразделениям полиции со стороны населения Волгоградской области	145	<i>Demidov N. N., Zueva O. V.</i> The problems of studying of the level of trust in the interior bodies and investigative police units on the part of the population of Volgograd region
--	-----	---

PAGES OF HISTORY

<i>Zhulanov A. V.</i> State activity in the fight against political terrorism in the second half of the XIX century	133
<i>Samarsky A. N.</i> Influence of liberal reforms of the 60—70 th of the XIX century on the state and legal policy of the Russian Empire	138

SCIENTIFIC DISCUSSION

<i>Demidov N. N., Zueva O. V.</i> The problems of studying of the level of trust in the interior bodies and investigative police units on the part of the population of Volgograd region	145
---	-----

И. С. Дикарев**ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПОДСУДНОСТИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ВОЕННЫМ СУДАМ**

Статья посвящена вопросам подсудности военных судов. Анализируется сущность персонального признака подсудности, отмечается его сложный состав. Данный признак включает в себя не только персональный элемент, но и временной. По этой причине сделан вывод о необходимости именовать его персонально-временным. Раскрывается значение исследуемого признака как критерия специальной подсудности военных судов. Особое внимание уделено вопросам подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных гражданами до начала и после завершения прохождения военной службы либо военных сборов. Анализируются правила разграничения компетенции военных судов различного уровня внутри подсистемы военных судов (гарнизонный, окружной или флотский), сделан вывод, что в основу такого разграничения положен предметный признак. Автором проведен экскурс в историю регламентации подсудности военных судов: рассмотрены действовавшие ранее правила учета должностного положения и воинского звания подсудимого при определении подсудности уголовных дел военным трибуналам.

Ключевые слова: военнослужащий, военная служба, военный суд, военный трибунал, подсудность, персональный признак подсудности, предметный признак подсудности.

I. S. Dikarev**PERSONAL INDICATOR OF JURISDICTION
OF CRIMINAL CASES TO MILITARY COURTS**

The article deals with issues of jurisdiction to military courts. Author of the article analyses the essence of personal indicator of jurisdiction and points out its complex structure. The mentioned indicator includes not only a personal component, but also a temporary one. Taking it into account the author concludes that it is necessary to define this indicator as a personal-temporary one. Author of the article interprets the significance of this indicator as a criterion for special jurisdiction of military courts. The author pays great attention to the jurisdiction of criminal cases related to crimes to have been committed by citizens before and after military service or military training. The author analyzes the rules to differentiate competence of military courts of various levels within the subsystem of military courts (garrison, district or naval ones). The author concludes that a subject indicator is the basis of such differentiation. The author mentions some facts related to the history of the jurisdiction regulation of military courts: previously existing rules with regard for the official position and military rank of the defendant while determining the jurisdiction of criminal cases to court martial are analyzed.

Key words: military man, military service, military court, military tribunal/commission, jurisdiction, personal indicator of jurisdiction, subject feature of jurisdiction.

Конституционно-правовая гарантия права каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации), реализуется посредством закрепления в процессуальном законодательстве четких правил определения подсудности, применение которых на практике обеспечивает правовую определенность, а значит, исключает необходимость разрешения

вопросов подсудности на основе субъективного усмотрения и дискреции. С этой целью уголовно-процессуальный закон закрепляет комплекс нормативных критериев, получивших в теории название признаков подсудности, заранее предопределяющих, в каком суде подлежит рассмотрению по первой инстанции соответствующее уголовное дело.

В юридической литературе подсудность трактуется по-разному.

Одни исследователи исходят из того, что подсудность есть ни что иное, как *свойство уголовного дела*, в силу которого оно относится к компетенции того или иного суда [1, с. 15—16]; [2, с. 10]. Разновидностью данного подхода является толкование подсудности как *совокупности признаков уголовного дела*, определяющих суд, правомочный рассматривать это дело по первой инстанции [3, с. 8]; [4, с. 242].

Другие исследователи полагают, что подсудность представляет собой *право суда рассмотреть уголовное дело* по существу. В частности, такой позиции придерживался Л. Г. Гусев, писавший, что «...подсудность — это право суда *рассматривать определенную категорию уголовных дел в качестве суда первой инстанции*. Право каждого суда разбирать уголовные дела в качестве суда первой инстанции является только частью его прав, его компетенции, поэтому подсудность есть часть компетенции каждого суда» [5, с. 4].

При всем кажущемся различии обозначенных подходов к определению подсудности они вовсе не исключают друг друга. *Нормативными критериями подсудности выступают признаки уголовного дела, образующие в своей совокупности свойство, которое, с одной стороны, выражает отнесенность уголовного дела к компетенции конкретного суда, а с другой — является основанием реализации данным судом полномочия рассмотреть это дело по существу.*

Признаки подсудности детально разработаны в юридической науке — даже краткое изложение содержания и правил применения каждого из них вышло бы за пределы любой, самой объемной статьи. В связи с этим основное внимание в данной работе будет сосредоточено на проблематике подсудности только военных судов.

Будучи элементом судебной системы Российской Федерации, военные суды встраиваются в нее как самостоятельная подсистема специальных судов, действующая на уровне гарнизонных и окружных (флотских) судов параллельно с соответствующими звеньями системы общих судов. Этот момент обуславливает специфику подсудности военных судов, заключающуюся в том, что она имеет два уровня: на первом уголовное дело переносится в систему военных судов, а на втором — уже внутри системы — определяется военный суд, уполномоченный рассматривать данное уголовное дело в качестве суда первой инстанции. Таким образом, подсудность уголовных дел военным судам носит характер *специальной*.

Общим местом в работах, посвященных подсудности, является утверждение о том, что разграничение подсудности общих и военных судов происходит по персональному (личному) признаку [3, с. 13]; [6, с. 133—134]. При этом отмечается, что данный признак определяет подсудность дела в зависимости от служебного или должностного положения лица, совершившего преступление [4, с. 247]. Заметим, что в современных условиях подсудность военных судов в значительной мере определена также предметным признаком (ч. 6.1 ст. 31, ч. 4 ст. 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), однако персональный, несомненно, остается ключевым, в связи с чем именно ему в этой работе будет уделено основное внимание.

Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ относит к подсудности военных судов «дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранцами гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов». Из приведенной формулировки видно, «что уголовная юрисдикция военных судов определена не сугубо по персональному признаку, а в сочетании с временным признаком — применительно к служебному статусу обвиняемого во время совершения им преступления» [7, с. 35]. Это означает, что основанием отнесения уголовного дела к подсудности военного суда является не само по себе наличие у гражданина статуса военнослужащего или лица, проходящего военные сборы, а совершение преступления данным лицом в момент, когда оно обладало таким статусом. Соответственно, исходя из этой общей посылки, должен решаться вопрос и о подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных гражданами до начала прохождения военной службы либо военных сборов. Как писал А. С. Кобликов, дела о преступлениях, совершенных гражданами до их призыва или поступления на военную службу, но ко времени рассмотрения указанных дел в суде проходящих военную службу, военным трибуналам не подсудны [8, с. 34], что обусловлено учетом правового положения лица именно в момент совершения преступления [9, с. 52].

С учетом сказанного следует согласиться с критикой в адрес редакции ч. 6 ст. 31 УПК РФ, по буквальному смыслу которой окружному военному суду подсудны те же дела, что и областному суду, но только в отношении военнослужащих, хотя

во время совершения преступления эти лица, возможно, военнослужащими не являлись [6, с. 115]; [10, с. 255]. Как верно отмечает В. С. Авдонкин, в данном случае необходимо руководствоваться п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»: «Уголовные дела в отношении лиц, которые на момент совершения преступления не проходили военную службу, а ко времени передачи дела в суд приобрели статус военнослужащего, не подсудны военному суду» [7, с. 35].

Прежняя редакция п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» прямо предусматривала отнесение к подсудности военных судов уголовных дел о преступлениях в отношении граждан, уволенных с военной службы или уже прошедших военные сборы, при условии, что преступления совершены ими в период прохождения военной службы, военных сборов. В новой редакции подобного уточнения не содержится, однако от этого смысл рассматриваемой нормы не изменился. Поскольку подсудность уголовных дел военным судам поставлена в зависимость от прохождения лицом военной службы или военных сборов именно в момент совершения преступления, то изменение правового положения данных лиц ко времени рассмотрения уголовного дела в суде юридического значения не имеет. Такие дела остаются подсудными военным судам.

Интересно, что в специальной литературе по вопросам военной подсудности советского периода исследователи считали необходимым делать оговорки даже относительно лиц, не состоящих на военной службе, но имеющих право ношения воинской формы. «Дела о преступлениях, совершенных этими лицами, — писал в 1955 г. Л. Г. Гусев, — подсудны общим судам даже в тех случаях, когда они совершают преступление и при ношении воинской формы, так как они и в этом случае являются гражданскими лицами, а не военнослужащими» [5, с. 11].

На основании изложенного приходим к выводу, что в настоящее время критерием отнесения уголовного дела к подсудности военных судов является *персонально-временной признак*, выражающийся в совершении преступления лицом в период прохождения им военной службы или военных сборов.

Впрочем, так было не всегда. В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. в жизнь проводилась идея единого народного суда, с которой были несовместимы любые попытки учреждения специальных военных судов. Как следствие,

уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, в этот период рассматривались в местных судах и революционных трибуналах. Неспособность общегражданских судов эффективно осуществлять правосудие в войсках, их некомпетентность в разрешении дел о воинских преступлениях привели к тому, что в Красной Армии начали создаваться организационно с ней связанные судебные органы, укомплектованные работниками, хорошо знающими условия жизни войск и специфику боевой обстановки. Приказом Реввоенсовета Республики от 14 октября 1918 г. № 94 был учрежден Революционный военный трибунал республики [11, с. 54—55].

Принятое в последующем уголовно-процессуальное законодательство устанавливало весьма узкие рамки подсудности уголовных дел военным трибуналам. Так, согласно ст. 29 УПК РСФСР 1922 г. [12, с. 190—191] уголовное дело в отношении военнослужащего попадало в ведение военного трибунала только при условии, что военнослужащим совершено воинское преступление. Кроме того, Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. (см.: Собрание законодательства СССР. 1926. № 27. Ст. 413) относилось к подсудности военных трибуналов дела с воинских преступлениях, тогда как дела об общеуголовных преступлениях военнослужащих, как правило, подлежали рассмотрению в общих судах (за исключением ограниченного перечня деяний). Следовательно, необходимо говорить о том, что в первые десятилетия существования Советского государства подсудность уголовных дел военным трибуналам определялась на основании главным образом *персонально-предметного признака*. Только в 1940 г. впервые уголовные дела обо всех преступлениях, совершенных военнослужащими, были переданы в подсудность военных трибуналов. В статье 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов» от 13 декабря 1940 г. было закреплено: «Передать в подсудность военных трибуналов все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, а также о преступлениях, совершенных военнообязанными во время прохождения учебных сборов, независимо от того, по какой статье Уголовного кодекса квалифицируется преступление» [12, с. 373]. С этого времени именно *персонально-временной признак* становится ключевым критерием, наличие которого служит основанием для перенесения уголовного дела в подсистему военных судов. Далее определение подсудности уголовного дела осуществляется исходя из общих

правил предметной (родовой) и территориальной подсудности.

Если говорить о разграничении компетенции судов различного уровня уже внутри подсистемы военных судов (гарнизонный, окружной или флотский), то в основу такого разграничения положен главным образом *предметный признак*. Подсудность окружных (флотских) военных судов уголовно-процессуальный закон определяет путем отсылки к ч. 3 ст. 31 УПК РФ, а подсудность гарнизонных военных судов — методом исключения: они, сказано в ч. 5 ст. 31 УПК РФ, рассматривают уголовные дела обо всех преступлениях, совершенных военными служащими и гражданами, проходящими военные сборы, кроме дел, подсудных вышестоящим военным судам. Здесь важно заметить, что до недавнего времени уголовные дела между различными звеньями системы военных судов распределялись по двум признакам: наряду с предметным использовался также персональный. Последний был своего рода конкретизацией того общего персонального признака, который служил основанием отнесения уголовных дел к подсудности военных судов. Конкретизация заключалась в учете должностного положения и воинского звания военнослужащего, в связи с чем данный признак можно назвать «специальным персональным». Он имеет давнюю историю. Так, еще в изданном князем А. Д. Меншиковым в 1706 г. «Кратком артикуле» для войск предусматривалось создание судов двух видов: полкового (низшего) и генерального (высшего). Первому из них были подсудны дела строевых офицеров ротного звена и все дела низших чинов, за которые предусматривалось лишение жизни, чести, чина или телесные наказания. Второму — дела полковых и штаб-офицеров, а также дела о преступлениях, совершенных целыми воинскими частями или подразделениями, и др. [11, с. 22].

Подобный подход сохранялся и в дальнейшие годы. Например, Военно-судебный устав 1867 г. устанавливал рассмотрение уголовных дел по первой инстанции полковыми и военно-окружными судами. Первым по-прежнему оставались подсудны дела о преступлениях нижних чинов, за совершение которых следовали исправительные наказания, тогда как в ведение военно-окружных судов попадали дела в отношении генералов, штаб-и обер-офицеров, чиновников военного ведомства и некоторые другие [11, с. 126—129]. Важно иметь в виду, что в полковых судах командир полка не только утверждал приговоры, но и назначал состав суда. Представляется, именно потому, что полко-

вой суд был, по сути, судом командира, под его юрисдикцией могли находиться только подчиненные военнослужащие. Впрочем, в юридической литературе дореволюционного периода предлагалось и иное объяснение. В частности, Д. Ф. Огнев придерживался мнения о том, что правило, согласно которому председатель суда должен быть старше чином подсудимого, является проявлением сословного характера военных судов [13, с. 9].

Должность и звание военнослужащих учитывались при определении подсудности военных трибуналов и в советское время (например, ст. 10 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. (см.: Собрание законодательства СССР. 1926. № 27. Ст. 413), ст. 16—18 Положения о военных трибуналах 1958 г. (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 14)). Интересно, что в юридической науке этого периода установление специального персонального признака подсудности объяснялось не только тем, что «по своему воинскому званию судьи и народные заседатели военных трибуналов объединений, гарнизонов значительно ниже, чем лица персонально подсудные военным трибуналам округов» [9, с. 59], но также необходимостью «обеспечить максимальную осторожность, внимательность и наиболее квалифицированное разбирательство уголовных дел о командном составе армии и, в особенности, дел о старшем командном составе, который играет исключительно большую роль в боевой готовности армии, и подготовка которого для Советского государства сопряжена с большими трудностями и требует длительного времени» [5, с. 7].

Что же касается современного уголовно-процессуального законодательства, то УПК РФ изначально не предусматривал учет специального персонального признака при распределении компетенции между гарнизонными и окружными (флотскими) военными судами. Со временем судьи военных судов утратили статус военнослужащих (см.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 29 июня 2009 г. № 3-ФКЗ // Российская газета. 2009. 1 июля; О внесении изменения в статью 32 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 27 декабря 2009 г. № 9-ФКЗ // Российская газета. 2009. 29 дек.), в связи с чем потеряла свою актуальность проблема соотношения званий судей и подсудимых.

В заключение необходимо еще раз обратить внимание на ключевые положения рассматривае-

мого вопроса. Персональный признак подсудности военных судов имеет сложный состав, включая в себя не только персональный элемент (наличие статуса военнослужащего или лица, проходящего военные сборы), но и временной, выражающийся в том, что статус лица имеет значение только в том случае, если лицо обладало им в момент совершения преступления. По этой причине правильнее данный признак называть персонально-временным. Далее следует принять во внимание, что рассмат-

риваемый признак учитывается при определении подсудности не в совокупности с другими — предметным и территориальным, а имеет самостоятельное значение, выражающееся в том, что его наличие служит основанием для перенесения уголовного дела в подсистему военных судов. Другими словами, персонально-временной признак является критерием специальной подсудности военных судов.

1. Семенов С. Н. Уголовно-процессуальная подсудность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

2. Строгович М. С. Предание суду военного трибунала. Ашхабад: Воен.-юрид. акад. РККА, 1942. 73 с.

3. Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 23 с.

4. Советский уголовный процесс: учеб. пособие для УП факультета / под ред. заслуж. юриста РСФСР, проф., д-ра юрид. наук А. С. Кобликова. М.: Воен. Краснознам. ин-т, 1989. 430 с.

5. Гусев Л. Г. Подсудность уголовных дел военным трибуналам: лекция. М.: Воен.-юрид. акад., 1955. 24 с.

6. Угренинова А. М. Подсудность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 205 с.

7. Авдонкин В. С. Подсудность уголовных дел военным судам России по персональному признаку // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 34—41.

8. Кобликов А. С. Военные суды России: учеб. пособие. М.: Воен. ун-т, 2001. 94 с.

9. Кобликов А. С. Подсудность уголовных дел военным трибуналам: учеб. пособие. М.: ВПА, 1965. 67 с.

10. Халилова В. Л. Некоторые особенности определения подсудности уголовных дел военным судам // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. № 2. Т. 2. С. 255—261.

11. Авдонкин В. С. Подсудность уголовных дел военным судам России (историко-правовое исследование): монография. М.: ВУ, 2008. 176 с.

12. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917—1954 гг.: сб. документов / сост. Л. Н. Гусев; под ред. С. А. Голунского. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. 635 с.

1. Semyenov S. N. Criminal Procedural Jurisdiction: Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2007: 28.

2. Strogovich M. S. Bringing to Court Martial (for Trial). Ashgabat: Military Law Academy of the Red Army; 1942: 73.

3. Portseva O. B. Jurisdiction of Criminal Cases: Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Izhevsk; 2004: 23.

4. Soviet Criminal Procedure. Textbook for Staff Management Department. Ed. by merited lawyer of RSFSR, prof., dr. of juridical sciences A. S. Koblikov. Moscow: Military Red Banner Institute; 1989: 430.

5. Gusev L. G. Jurisdiction of Criminal Cases to Military Tribunals. Lecture. Moscow: Military Law Academy; 1955: 24.

6. Ugreninova A. M. Jurisdiction in Criminal Procedure: Dissertation of the candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2018: 205.

7. Avdonkin V. S. Jurisdiction of Criminal Cases to Military Courts of Russia Based on a Personal Indicator. Russian Justice. 2012; 8: 34—41.

8. Koblikov A. S. Military Courts of Russia. Textbook. Moscow: Military University; 2001: 94.

9. Koblikov A. S. Jurisdiction of Criminal Cases to Military Tribunals. Textbook. Moscow: VPA; 1965: 67.

10. Khalilova V. L. Specifics of Bringing Criminal Cases to Court Martial. Vestnik of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2016; 2; 2: 255—261.

11. Avdonkin V. S. Jurisdiction of Criminal Cases to Military Courts of Russia (Historical and Legal Research): Monograph. Moscow: VU; 2008: 176.

12. History of Legislation of the USSR and the RSFSR on Criminal Procedure and Court and the Prosecutor's Office Composition 1917—1954. Collection of Documents. Collected by L. N. Gusev; ed. by S. A. Golunsky. Moscow: State Publishing House of Law Literature; 1955: 635.

13. Огнев Д. Ф. Военная подсудность. Сравнительный очерк. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1896. 339 с.

© Дикарев И. С., 2020

Дикарев Илья Степанович,

заведующий кафедрой уголовного процесса
Военного университета
Министерства обороны
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: iliadikarev@gmail.com

13. Ognev D. F. Military Jurisdiction. Comparative Essay. Saint-Petersburg: Edition by A. S. Suvorin; 1896: 339.

© Dikarev I. S., 2020

Dikarev Iliya Stepanovich,

head of the department of criminal procedure
of the Military University
of the Ministry of Defense
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: iliadikarev@gmail.com

* * *

А. Ю. Боренов

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ БОКСОМ

В статье рассматривается проблема криминализации спортсменов, занимающихся профессиональным боксом. Выделяются основные детерминанты, обуславливающие генезис насильственной преступности спортсменов, в числе которых ведущая роль принадлежит факторам, способствующим негативному формированию личности и психологии микросреды: неблагоприятным обстоятельствам, пережитым в детском и подростковом возрасте; алкоголизации и наркотизации боксеров; экономическим отношениям, складывающимся в закрытой среде профессионального бокса, поощряющим агрессию, порождающим чувства вседозволенности и безнаказанности. Отмечается связь между личностными качествами социального плана и природными свойствами и качествами человека. Приводятся примеры совершения насильственных преступлений боксерами-профессионалами. Уделяется внимание деструктивной агрессии, причинами которой выступают конфликты, особое состояние психики — фрустрация, а также поведенческие расстройства, возникающие в результате черепно-мозговых травм, которые типичны для профессионального бокса.

Ключевые слова: насильственная преступность, профессиональный бокс, детерминанты, агрессия.

A. Yu. Borenov

DETERMINATION OF VIOLENT CRIME OF ATHLETES INVOLVED IN PROFESSIONAL BOXING

The article discusses the problem of criminalization of athletes involved in professional boxing. The main determinants that determine the genesis of violent crime of athletes are identified, among which the leading role belongs to factors contributing to the negative formation of personality and psychology of the microenvironment: adverse circumstances experienced in childhood and adolescence; alcoholism and anesthesia of boxers; economic relations developing in a closed professional boxing environment, encouraging aggression, generating feelings of permissiveness and impunity. The connection between the personal qualities of the social plan and the natural properties and qualities of a person is noted. Examples of violent crimes by professional boxers are given. Attention is paid to destructive aggression caused by conflicts, a special state of the psyche — frustration, as well as behavioral disorders resulting from traumatic brain injuries that are typical of professional boxing.

Key words: violent crime, professional boxing, determinants, aggression.

Под насильственной преступностью обычно понимается вид преступности, посягающий на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность и половую свободу граждан. Основным признаком таких преступлений выступает физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения, а их результатом — причинение смерти, телесных повреждений или психического вреда. Л. В. Сердюк отмечает, что как социальное явление насилие многолико, а как социально-правовая категория оно обладает определенными признаками: совершается противоправно, против или помимо

воли потерпевшего, с умышленной формой вины, причиняет или способно причинить вред здоровью человека или общественным интересам [1].

По мнению американского психолога и психотерапевта Р. Мея, понять поведение человека возможно, если раскрыть его смысл, т. е. чтобы составить представление о поведении человека, совершающего насильственные преступления или склонного к их совершению, нужно ответить на ряд вопросов: что движет его поступками, зачем ему подкрепление собственной значимости в виде насилия над другими, какие факторы способствуют

генезису насильственной преступности в той или иной среде?

Насильственные преступления обуславливаются примерно теми же причинами, что и вся преступность в целом. Однако они «совершаются под воздействием и ряда иных факторов, связанных с конфликтностью в макро- и микросреде, со сложившимися стереотипами поведения, представлениями о дозволенности насилия в ней» [2].

История профессионального бокса знает немало случаев совершения насильственных преступлений спортсменами. Так, в 1935 г. канадский средневес Дэл Фонтейн был приговорен к смертной казни за убийство женщины и причинение тяжкого вреда здоровью ее матери. В 1988 г. аргентинский боксер Карлос Монсон избил и задушил свою супругу, а затем сбросил с балкона ее тело, за что получил наказание в виде 11 лет лишения свободы. В 1992 г. за изнасилование был приговорен к шести годам заключения и последующим четырем годам условно Майк Тайсон (вышел на свободу через три года). Позже, в 1999 г., за избивание двух людей его осудили еще на два года (пробыл за решеткой три месяца). В 2002 г. Айк Ибеабучи был приговорен к 30 годам лишения свободы за нанесение побоев и попытку изнасилования. В 2005 г. за разбойное нападение, похищение людей и попытку убийства офицеров полиции на 105 лет был осужден Клиффорд Этьен. В этот список можно добавить имена Эстебана де Хесуса (убийство), Эдриэна Бронера (нанесение телесных повреждений), Тревора Бербика (сексуальное нападение), Флойда Мейвезера (нанесение телесных повреждений) и др.

По мнению экспертов причин, толкающих известных спортсменов, часто находящихся на пике карьеры, на совершение преступлений, довольно много. Рассмотрим некоторые из них. Безусловно, в этот перечень следует включить обстоятельства, формирующие агрессивную насильственную направленность личности в детском и подростковом возрасте: неблагоприятную обстановку в семье, бедность, издевательства, нанесение побоев и т. д. Многие боксеры-профессионалы, совершившие насильственные преступления, имели «трудное» детство. Так, Майк Тайсон рос в Браунсвилле, где уровень преступности был чрезвычайно высок, часто подвергался издевательствам со стороны старших. В восемь лет начал совершать кражи и грабежи, в 11 лет впервые попробовал наркотики. Эдвин Валеро в 12-летнем возрасте оказался на улице, был вынужден трудиться на разных работах и промышлять воровством. За чертой бед-

ности прошло детство аргентинского боксера Карлоса Балдомира. Бокс был выбран будущими спортсменами в качестве деятельности, способной принести крупный доход, помочь обрести уверенность в собственных силах и доказать всем свою состоятельность.

Еще одним детерминантом насильственной преступности выступают алкоголизация и наркотизация боксеров-профессионалов. Алкоголь и наркотики снижают уровень самоконтроля и нередко становятся катализаторами агрессии. При этом «различные наркотики обладают различной криминогенностью. Преступления с насилием над личностью свойственны злоупотребляющим снотворными, гашишем, стимуляторами. Для злоупотребляющих стимуляторами также характерны сексуальные преступления» [3]. В случае с алкоголем выражение агрессии прямо пропорционально дозе, крепости напитка и частоте его потребления.

По мнению экспертов Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского лицам, принимающим наркотические препараты, свойственно как целенаправленное агрессивное поведение, так и экспрессивные реакции — ненаправленные разрядки эмоционального напряжения в неожиданных поведенческих актах [3]. Примером первого может послужить трагедия, разыгравшаяся в семье венесуэльского боксера Эдвина Валеро. Его супруга Дженнифер Каролина Виера неоднократно доставлялась в госпиталь с многочисленными травмами и ушибами. В марте 2010 г., находясь в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, знаменитый спортсмен в очередной раз нанес ей побои, сломал ребро, которое повредило легкое. В апреле того же года тело Дженнифер Каролины Виеры было обнаружено в одном из номеров отеля «Интерконтиненталь» в Валенсии. Боксер, находившийся под действием алкоголя, спустился к стойке регистрации отеля и признался в ее убийстве. Экспрессивную реакцию, вызванную потреблением наркотических средств, продемонстрировал на пресс-конференции, состоявшейся 22 января 2002 г., Майк Тайсон. Находясь под действием запрещенных препаратов, он, ударив телохранителя, внезапно набросился на второго участника мероприятия — Леннокса Льюиса, укусил его за ногу и спровоцировал массовую драку.

В числе детерминантов насильственной преступности боксеров-профессионалов необходимо назвать культивируемые в профессиональном боксе экономические отношения, которые гипертрофируют агрессию, разрушают границы дозво-

ленного, формируют чувство безнаказанности, и развращают спортсменов. По мнению экспертов «профессиональный бокс исходит из чисто коммерческих интересов: чем больше в бою „драки“ и крови, чем чаще противники падают на пол, тем больше восторга у публики и тем больше на этом можно заработать денег» [4], т. е. погоня за коммерческой выгодой провоцирует агрессию, поощряет ее.

Безусловно, агрессивное поведение в спорте играет важную роль. Это отмечают и А. П. Алексеева, которая пишет: «Воспитание профессионального спортсмена часто базируется на развитии агрессивных черт его характера» [5], — и Ю. В. Краев, А. А. Мерзликин, сделавшие акцент на том, что «во многих видах спорта, где предусмотрен непосредственный физический контакт, различные формы контролируемой физической агрессии просто необходимы» [6].

Э. Фромм выделил два вида агрессии: конструктивную (агрессивные эмоции проявляются в социально принимаемой форме) и деструктивную (выражается в проявлении агрессивности с нарушением саморегуляции, потерей самообладания). В профессиональном боксе наблюдается и та, и другая. Если первая позволяет добиться высоких спортивных результатов, то проявления второй часто приводят к печальным последствиям.

Деструктивная агрессия может быть направлена как на непосредственный раздражитель, так и на тех, кто не причастен к сложившейся ситуации. В первом случае примером может послужить известный инцидент, произошедший 28 июня 1998 г. во время боя Майка Тайсона с Эвандером Холифилдом. В третьем раунде Тайсон обрушил град ударов на своего противника, затем укусил его сначала за правое, затем за левое ухо. Причины агрессии боксера остались невыясненными. Однако, по его версии, это была реакция на неспортивное поведение Холифилда и бездействие судьи. В качестве другого примера приведем случай, произошедший в мае 2013 г. в одном из отелей Лас-Вегаса. Американский боксер Деонтей Уайлдер застал в своем номере неизвестную женщину, которая, по его мнению, пыталась похитить его личные вещи (впоследствии выяснилось, что это не соответствует действительности). Недолго думая, спортсмен напал на нее, нанес ей побои и попытался задушить. В результате у потерпевшей были зафиксированы гематомы на лице, расщепление верхней губы и перелом носа. Уайлдер был арестован, затем отпущен под залог.

Агрессия и насилие, объектом которых становятся не причастные к ситуации люди, часто обу-

словливаются особым состоянием психики, именуемым фрустрацией. Н. А. Чернова отмечает: «Отдельные индивиды, глубоко переживая фрустрацию, никак не проявляют своего состояния. Другие, напротив, демонстрируют агрессивность „быстро переходящую в гнев, который появляется в бурных и неадекватных реакциях: оскорбление, физические нападки на человека... или объект“» [7]. Фрустрация возникает тогда, когда желания, направленные на социальную реализацию, не могут быть удовлетворены в течение продолжительного времени. По мнению спортивных аналитиков именно это состояние, вызванное многолетней бесславной карьерой, внезапно обрушившимся успехом и богатством и последовавшими затем неудачами, в совокупности с навязчивыми мыслями о долге, который обязана отдать спортсмену семья, привели за решетку Карлоса Балдомира. В 2019 г. он был приговорен к 18 годам лишения свободы за неоднократные сексуальные домогательства к собственной малолетней дочери, продолжавшиеся с 2010 (по некоторым данным с 2008 г.) по 2014 гг., когда девочке было всего 7—11 лет. «„Вы мне должны“ — эта фраза фигурировала в рассказе дочери боксера, пострадавшей от насилия отца... Балдомир строил у себя в голове логичную цепочку: я дал своей семье блага, теперь они обязаны делать все то, что я пожелаю. Он не чувствовал вины за свои действия и не раскаялся в содеянном» [8].

Деструктивная агрессия может быть вызвана расстройствами поведения, возникающими в результате черепно-мозговых травм, которые в профессиональном боксе не редкость. Психологи отмечают, что такие расстройства выражаются в «неспособности контроля внезапно возникшего желания что-то сделать или сказать, агрессии, социальной дезадаптации, импульсивности, снижении мотивации и необдуманности решений, влекущих за собой опасное поведение» [9]. Здесь в качестве примера приведем случай, произошедший 10 июля 1935 г. Дэл Фонтейн, страдавший от посттравматической энцефалопатии, услышав, как его возлюбленная Хильда Микс разговаривает по телефону с другим мужчиной, внезапно выхватил у нее телефонную трубку, достал пистолет и произвел несколько выстрелов в нее и ее мать. Хильда Микс скончалась, ее матери удалось выжить. Аргумент о том, что у боксера имеется соответствующее заболевание, суд не учел и приговорил спортсмена к смертной казни через повешение.

По мнению врачей травматическая энцефалопатия «чаще формируется у лиц с патологическими

чертами характера в преморбиде (до болезни) и выражается в истерических формах поведения и эксплозивных (взрывчатых) реакциях. У больного с истерическими особенностями личности выражена демонстративность в поведении, эгоизм и эгоцентризм... У личностей с преимущественно возбудимыми чертами характера отмечаются грубость, конфликтность, злость, агрессивность, нарушения влечений. Такие больные склонны к злоупотреблению алкоголем, наркотиками. В состоянии опьянения устраивают драки, погромы, потом не могут воспроизвести в памяти содеянное» [10], т. е. роль биологических факторов в формировании преступного поведения тоже не стоит умалять. С точки зрения Л. В. Сердюка, «нельзя отрицать того, что личностные качества социального плана (мировоззрение, нравственные установки, характер) формируются на основе природных свойств и качеств человека (его умственных способностей, темперамента, физических и волевых данных и даже способностей сексуального плана)» [11]. Так, для людей, склонных к нанесению побоев, телесных повреждений (средней тяжести и тяжких), совершению убийства, характерны проявления экстраверсии, тенденции к холерическим свойствам темперамента, импульсивность, агрессивность, возбудимость, раздражительность, грубость, отказ от усвоения нравственно-правовых норм, склонность к деструктивным способам выхода из конфликта, эмоциональная неустойчивость, влечение к острым аффективным переживаниям и т. д. Для тех, кто совершает преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, —

интроверсия, тенденции к меланхолическим свойствам темперамента, отчужденность, высокие чувствительность нервной системы и тревожность. По мнению Т. В. Гриценко, Н. С. Диденко, «данные особенности личности не являются психическими расстройствами. В то же время переоценить роль и движущую силу выделяемых свойств личности в механизме совершения насильственных посягательств вряд ли возможно» [12].

Конечно, говорить о том, что совершение насильственных преступлений боксерами-профессионалами, как и другими категориями граждан, определяется только одним каким-либо детерминантом, в корне неверно. Как правило, этому способствует комплекс причин и условий, имеющих социальную, биологическую и психологическую природу. Назовем еще раз основные из них: обстоятельства, формирующие агрессивную насильственную направленность личности в детском и подростковом возрасте; алкоголизация и наркотизация спортсменов; экономические отношения, преследующие исключительно достижение коммерческой выгоды и поощряющие агрессию; черепно-мозговые травмы, влекущие за собой поведенческие расстройства; некоторые индивидуальные черты личности спортсменов. Детальное исследование этих и других детерминантов насильственной преступности боксеров-профессионалов может послужить основой целенаправленной предупредительной работы и дальнейшего сокращения числа преступлений рассматриваемой категории.

1. Сердюк Л. В. *Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование* / под ред. С. П. Щербы. М., 2002. 384 с.

2. Кейдунова Е. Р. *Детерминация и основные направления предупреждения насильственной преступности* // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. *Общественные науки*. 2014. № 5. С. 85—88.

3. *Агрессивное поведение у наркоманов*. URL: www.spbnarcolog.ru (дата обращения: 24.04.2020).

4. Ковтик А. Н. *Бокс. Секреты профессионала*. СПб., 2010. 169 с.

5. Алексеева А. П. *Преступность в сфере профессионального спорта: криминологическое исследование: монография*. Волгоград, 2010. 120 с.

6. Краев Ю. В., Мерзликин А. А. *Проявление агрессии в спорте* // Московский экономический журнал. 2018. № 4. С. 40.

1. Serdyuk L. V. *Violence: Criminological and Criminal Law Research*. Ed. by S. P. Shcherba. Moscow; 2002: 384.

2. Keydunova E. R. *Determination and the main directions of the prevention of violent crime*. News of universities. North Caucasus region. *Social Sciences*. 2014; 5: 85—88.

3. *Aggressive behavior among drug addicts*. Available from: www.spbnarcolog.ru. Accessed: 24 April 2020.

4. Kovtik A. N. *Boxing. Secrets of a professional*. Saint Petersburg; 2010: 169.

5. Alekseeva A. P. *Crime in the field of professional sports: criminological research*. Monograph. Volgograd; 2010: 120.

6. Kraev Yu. V., Merzlikin A. A. *The manifestation of aggression in sports*. Moscow Economic Journal. 2018; 4: 40.

7. Чернова Н. А. Фрустрации и преступления // Юридический вестник Самарского университета. 2015. Т. 1. № 4. С. 68—73.

8. 7 демонов Карлоса Балдомира. URL: boxanalitika.ru (дата обращения: 24.04.2020).

9. Черепно-мозговая травма: последствия и психические нарушения. URL: <https://like-site.ru/zdorove/cherepno-mozgovaya-travma-psiicheskie-rasstrojstva/#i-2> (дата обращения: 25.04.2020).

10. Психические расстройства при черепно-мозговых травмах. URL: <https://pozvonok.ru> (дата обращения: 25.04.2020).

11. Сердюк Л. В. О субъективных и объективных детерминантах насильственной преступности в системе правоохранительных органов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3 (26). С. 31—36.

12. Гриценко Т. В., Диденко Н. С. Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45). С. 7—13.

© Боренов А. Ю., 2020

Боренов Алим Юрьевич,

старший преподаватель
кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

7. Chernova N. A. Frustration and crime. Legal Bulletin of Samara University. 2015; 1; 4: 68—73.

8. 7 demons of Carlos Baldomir. Available from: boxanalitika.ru. Accessed: 24 April 2020.

9. Traumatic brain injury: consequences and mental disorders. Available from: <https://like-site.ru/zdorove/cherepno-mozgovaya-travma-psiicheskie-rasstrojstva/#i-2>. Accessed: 25 April 2020.

10. Mental disorders in traumatic brain injuries. Available from: <https://pozvonok.ru>. Accessed: 25 April 2020.

11. Serdyuk L. V. On the subjective and objective determinants of violent crime in the law enforcement system. Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012; 26 (3): 31—36.

12. Gritsenko T. V., Didenko N. S. Actual problems of preventing violent crime in Russia. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 45 (3): 7—13.

© Borenov A. Yu., 2020

Borenov Alim Yurevich,

senior lecturer at the department
of physical training
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.25
ББК 67.408.022.25

DOI 10.25724/VAMVD.NWXY

В. Е. Квашис

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Тема смертной казни много лет не сходит со страниц мировой прессы, политической и юридической литературы; ей посвящено множество научных исследований, она долгие годы находится в фокусе общественного интереса и внимания. Эта тема не обошла стороной и автора, который более 15 лет собирал и анализировал соответствующие материалы по всему миру. Итоги этих исследований нашли отражение в ряде монографий и статей автора, его аспирантов и докторантов. Спустя почти 15 лет кардинальные изменения политической ситуации в мире, практике применения смертной казни, а также в умонастроениях в обществе вновь привлекли внимание автора. В статье анализируются основные тенденции в практике применения смертной казни в США и Японии.

Ключевые слова: наказание, смертная казнь, смертный приговор, казнь (исполнение приговора), общественное мнение.

V. Ye. Kvashis

DEATH PENALTY AS A POLITICAL AND LEGAL PHENOMENON

The theme of the death penalty for many years has not disappeared from the pages world press, political and legal literature, many large scientific studies and special literature are devoted to it, for many years it has been the focus of public attention. This theme has not bypassed the author, who has been collecting and analyzing relevant materials all over the world for more than 15 years. The results of these studies are reflected in a number of monographs and articles of the author, his graduate students and doctoral students. After almost 15 years, dramatic changes in the World, in practice of applying of the death penalty in many countries and in attitudes in society once again attracted the attention of the author. The article examines the main problems and trends of death penalty application in the United States of America and in Japan.

Key words: punishment, death penalty, death sentence, execution, public opinion.

Мировая палитра ситуации, связанной с применением смертной казни, остается весьма пестрой и существенно отличается при анализе положения дел в разных регионах и особенно в разных странах. С учетом наибольшего объема накопленной информации, ее социальной, политической, правовой и криминологической значимости речь пойдет о положении дел в двух наиболее развитых странах, принадлежащих, по сути, к одной системе политического устройства, но разных по всем параметрам, по которым принято анализировать практику смертной казни. Подобных различий немало, они касаются разных тенденций и масштабов применения смертной казни, информационного обеспечения, состояния общественного мнения и т. д.; во многих отношениях ситуация в этой сфере является контрастной. Отсюда и необходимость ее раздельного анализа в каждой из двух стран — США и Японии. Такой подход, с одной стороны, облегчает

восприятие большого массива специфической информации, а с другой — дает возможность сравнительного анализа тенденций и отдельных показателей, характерных для ситуации в каждой из этих стран.

Смертная казнь в США

В истории законодательства, регламентирующего применение этой меры наказания, есть несколько важных вех, отразившихся на деятельности всей системы уголовной юстиции, динамике общественного мнения, развитии правозащитного движения и в итоге на прошлом и современном положении дел в практике применения смертной казни. Первая из них связана с принятием 4 июля 1776 г. Декларации независимости, в которой указывалось: «Мы почитаем за истину то, что Бог создал всех людей равными, наделив их неотчуждаемыми правами, в том числе правом на жизнь, свободу и стремление к счастью; что обеспечение

этих прав есть обязанность правительств...». Другая относится к 1791 г., когда был ратифицирован Билль о правах — первые десять поправок к Конституции США, одна из которых запрещала «жестокие и необычные наказания» (VIII Поправка). Развитие этих положений шло в законодательстве штатов, где, в частности, вводился запрет на публичные казни (в 1835 г. в Нью-Йорке, а затем и в других штатах), дифференцированные меры ответственности за убийство первой и второй степени, по-разному определялся перечень деяний, наказуемых смертной казнью, отягчающих обстоятельств и т. д. В 1847 г. Мичиган первым из штатов отменил смертную казнь после того, как выяснилось, что казненный осужденный позднее оказался невиновным. Примеру Мичигана в 1853 г. последовали Висконсин и Род Айленд (с тех пор в этих трех штатах смертная казнь не вводилась).

Штаты, законодательство которых предусматривало наказание в виде смертной казни, можно разделить на три группы. В первой из них данная мера наказания хотя и предусмотрена в законе, но в судебной практике долгие годы фактически не применялась. Во второй группе штатов смертная казнь назначалась судом, но такие приговоры практически не приводились в исполнение. В третьей группе штатов смертная казнь применялась и приводилась в исполнение в наиболее широких масштабах. В последние 50 лет внутри каждой из этих групп происходили заметные перемены: одни штаты вводили моратории на вынесение смертных приговоров, другие — на их исполнение или полностью запрещали смертную казнь, третьи, наоборот, увеличивали интенсивность ее применения.

В федеральном законодательстве США казнь хотя и предусмотрена в качестве наказания за широкий круг преступлений, на практике применялась и применяется крайне редко. В 1994 г. был принят Закон об усилении борьбы с преступностью (The Violence Crime Control and Law Enforcement Act of 1994), в силу которого перечень деяний, наказуемых смертной казнью, насчитывал уже более 60 составов преступлений. Принятый в 1996 г. Закон о борьбе с терроризмом и эффективном применении смертной казни (Anti-Terrorism and Effective Death Penalty Act of 1996) ужесточил положение таких осужденных, ограничив их права на апелляции в федеральные суды. Смертная казнь предусматривается и военными законами (Military Order); ее применение — прерогатива органов юстиции Вооруженных Сил США.

Наряду с законами штатов и федеральным законодательством в правовом регулировании применения смертной казни значимую роль играют решения Верховного Суда США и верховных судов штатов. В стране прецедентного права эти решения были не только важными ориентирами для судебной практики, но и во многом влияли на изменения в общественных умонастроениях, законодательстве и практике исполнения смертных приговоров. В качестве примеров назовем два решения Верховного Суда США, имевших особо важные политические и правовые последствия; неслучайно без анализа этих решений не обходится ни один из источников, где рассматриваются проблемы смертной казни.

Верховный Суд США 29 июня 1972 г. в решении по знаменательному для уголовной юстиции делу *Furman v. Georgia* большинством голосов — пять против четырех — постановил, что смертная казнь представляет собой «жестокое и необычное наказание», противоречащее VIII и XIV поправкам к Конституции (поскольку, помимо всего прочего, казнь осуществлялась «неприемлемым способом»). Этому решению (сохранившему, кстати, жизнь 601 осужденному) посвящено много американской и зарубежной правовой литературы, огромное количество комментариев деятелей юстиции, сотни диссертаций и специальных исследований. Неслучайно последующий период развития американской уголовной юстиции называют «постфурмановской эрой». Данное постановление Верховного Суда США, конечно, не означало отмену смертной казни, но оно привлекло внимание общественности к фактам произвола и дискриминации при вынесении смертных приговоров, вселяя определенные надежды противникам смертной казни, которые, как вскоре выяснилось, оказались неоправданными. Более того, оно породило обратную реакцию, активизировав усилия сторонников этой меры в законодательных органах штатов и среди деятелей юстиции. Нараставшие в те годы консервативные настроения в обществе привели к тому, что уже через полгода более половины штатов ужесточили свои законы и стали еще чаще выносить смертные приговоры. К 1976 г. в 37 штатах были приняты законы, установившие обязательное вынесение смертного приговора за убийство при отягчающих обстоятельствах.

Рассматривая апелляцию по другому, не менее знаменательному делу (*Gregg v. Georgia*), 2 июля 1976 г. Верховный Суд США большинством голосов — семь против двух — вынес противополож-

ное решение, указав, что смертная казнь сама по себе не нарушает Конституцию США. Признав, что смертная казнь есть «жестокое» наказание, Верховный Суд отказался признать ее «необычным наказанием», подчеркнув в своем решении, что смертная казнь «не является таким наказанием, которое никогда не может применяться, независимо от обстоятельств совершения преступления, личности преступника и процедуры принятия решения». Вместе с тем Верховный Суд отметил значение строго определенных процессуальных правил вынесения смертного приговора, и главное — признал требование обязательного назначения смертной казни в законах ряда штатов не соответствующим Конституции страны.

В течение многих десятилетий статистика показывала, что в штатах, применяющих смертную казнь, уровень убийств значительно выше, чем там, где она была запрещена. Этот очевидный и, кстати, до сих пор неизменный статистический факт всегда приводился противниками смертной казни в качестве доказательства ее неэффективности и одного из главных доводов в пользу отказа от нее [1]; [2]. В 1975 г. против этих аргументов выступил экономист И. Эрлих, опубликовавший в ведущем экономическом журнале США статью «Сдерживающий эффект смертной казни: вопрос жизни и смерти». Данная публикация стала мировым бестселлером, популярность которого сохранялась до конца XX столетия. Главный вывод из исследования И. Эрлиха сводился к тому, что смертная казнь одного убийцы спасает как минимум пять других человеческих жизней [3]. В основе его теории лежала модель, вошедшая в историю экономической науки как «модель трех вероятностей» — ареста, осуждения и смертного приговора. Правда, в заключение Эрлих сделал ряд оговорок, указав, что исследование «не доказало сдерживающего эффекта казни», так как результаты могли быть искажены из-за отсутствия данных о тяжести других наказаний за убийство, использования национальной статистики вместо статистики штатов и других недостатков. Эта публикация сыграла важную роль в расширении практики применения смертной казни, а некоторые штаты, ранее от нее отказавшиеся, вновь вернулись к ней.

Ограничим на этом экскурс в прошлое и сосредоточим внимание на современном положении дел, где формируются существенно иные, чем в XX в., тенденции практики применения и исполнения смертной казни.

В XXI в. законодательство и практика применения смертной казни претерпели существенные изменения, выразившиеся во все более очевидных тенденциях к значительному снижению числа смертных приговоров и еще более заметному снижению числа казней. На фоне этих тенденций и в условиях обострившейся конфронтации различных политических сил в США идут жаркие дискуссии по поводу сохранения смертной казни, а на верхних этажах власти и судебной системы, причем не только на уровне штатов, но и на федеральном уровне, все чаще приходится отвечать на сложные юридические, философские и этические вопросы о жизни и смерти, главный из которых: вправе ли государство лишать человека жизни? Не менее остро стоит и вопрос о том, как сделать исполнение приговора менее болезненным и исключить физические страдания осужденного, с чем прямо сказано в Восьмой поправке к Конституции США. В целом проблема давно разделила страну и политические классы. Отношение к тому, имеет ли государство право осуждать человека к смерти, стало одним из маркеров, по которому либералы и консерваторы отличают «своего». В этих условиях США балансируют между сохранением и отказом от смертной казни. Аргументы ее сторонников и противников за последние два века принципиальных изменений не претерпели. Противники указывают на ее неэффективность в деле предупреждения убийств; сторонники по-прежнему утверждают, что в случае отмены смертной казни число убийств было бы значительно выше. Впрочем, это лишь один из многих аспектов острой полемики, где в ближайшей перспективе рассчитывать на достижение консенсуса, компромисс рационального и эмоционального довольно трудно.

Сегодня смертная казнь в стране разрешена в 27 из 50 штатов; в 23 штатах она отменена или на нее введен мораторий. Об изменениях в отношении к этой мере наказания говорит и тот факт, что только за последние годы о ее запрете было объявлено в семи штатах США. В 2016 г. такое решение вынес Верховный Суд штата Мэриленд, в 2018 г. мораторий на казни был введен в Колорадо, Орегоне, Пенсильвании и Вашингтоне. Весной 2019 г. о запрете смертной казни было объявлено в Нью-Гэмпшире и Калифорнии, где смертные приговоры не исполнялись 15 лет и содержалась четверть осужденных в стране «смертников». Объявляя об этом решении, губернатор штата Г. Ньюсом сделал заявление, суммирующее всю совокупность доводов противников смертной казни: «Наша система смертной казни с любой точки

зрения не работает. Она дискриминационна по отношению к подсудимым с психическими заболеваниями, чернокожим и латиноамериканцам, а также к тем, кто не может позволить себе хорошего адвоката. Она не улучшает общественную безопасность и не является фактором, сдерживающим преступность. Она тратит впустую миллионы долларов налогоплательщиков. Она необратима, и в случае человеческой ошибки исправить уже ничего нельзя» [4]. Это решение сохранило жизнь 737 «смертникам», которым суд назначил другие меры наказания.

Пока политики и законодатели в штатах ведут полемику, а федеральная бюрократия стремится сохранять статус-кво, судебная практика все более последовательно идет своим путем. В 2015 г. Б. Обама первым из президентов посетил тюрьму в Северной Каролине, где резко критиковал условия содержания осужденных и практику суровых

наказаний. Он распорядился принять меры к реформе уголовной юстиции, в том числе практики применения казни. Однако череда отставок министров юстиции и саботаж федеральных чиновников в ожидании смены власти заблокировали эти меры. По традиции, уходя с поста, Б. Обама помиловал две тысячи осужденных (больше всех президентов). Придя к власти, Д. Трамп призвал Верховный Суд США к ужесточению судебной практики, в том числе ускорить казнь 62 осужденных федеральным судом (за эти годы казнили лишь двух осужденных). На это указывают и данные статистики, Они, как нигде в мире, широко публикуются Министерством юстиции и Death Penalty Information Center, на сайте которого всегда можно получить любую информацию об осужденных, о приговорах и казнях (их расписание составлено на несколько лет вперед) (рис. 1).

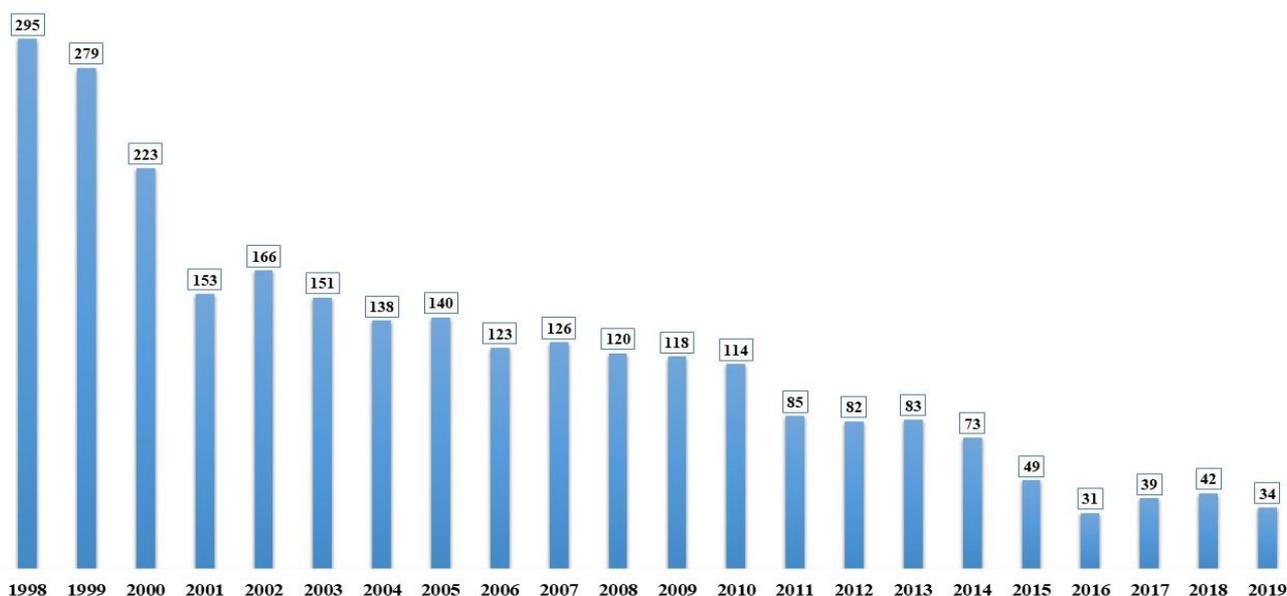

Рис. 1. Динамика смертных приговоров в США в 1998—2019 гг.

Как видно, динамика смертных приговоров характеризуется тенденцией к их последовательному снижению; за 20 лет их количество сократилось в 8 раз и достигло минимума за современную историю применения смертной казни. В эти же годы число убийств оставалось стабильным, и лишь в 2015—2018 гг. возросло. Соответственно, уровень убийств вырос с 4,4 до 5,3. Однако это данные о динамике убийств в целом [5]; они не позволяют судить о динамике убийств с отягчающими обстоятельствами, и потому говорить о корреляции

убийств и смертных приговоров нельзя. Первый из этих динамических рядов можно считать лишь общим фоном, не оказывающим сколько-нибудь заметного влияния на практику вынесения смертных приговоров.

Снижение числа смертных приговоров, казалось бы, должно сократить число казней; однако здесь следует различать перспективу и ретроспективу. Дело в том, что специфика исполнения таких приговоров связана с длительным периодом ожидания казни, который, в свою очередь, обу-

словлен длительным рассмотрением неограниченного числа апелляций на ранее вынесенный приговор. В итоге даже после решения Верховного Суда США исполнение утвержденного приговора может затянуться на годы, в связи с чем исполнение приговоров, вынесенных в последние несколько лет, следует, на наш взгляд, оценивать как менее перспективное, и значит, есть основания рассчитывать на дальнейшее сокращение

числа казней. Этот прогноз подтверждают и данные о казнях за первые четыре месяца 2020 г.

Как видно из рисунка 2, за 20 лет количество казней сократилось в 4,5 раза. Их снижение наряду с продолжающимся вынесением смертных приговоров приводят к росту числа «смертников» в тюрьмах («накопительный эффект»). К 2020 г. этот показатель (Death Row) составил 2 780 человек (в том числе 57 женщин).

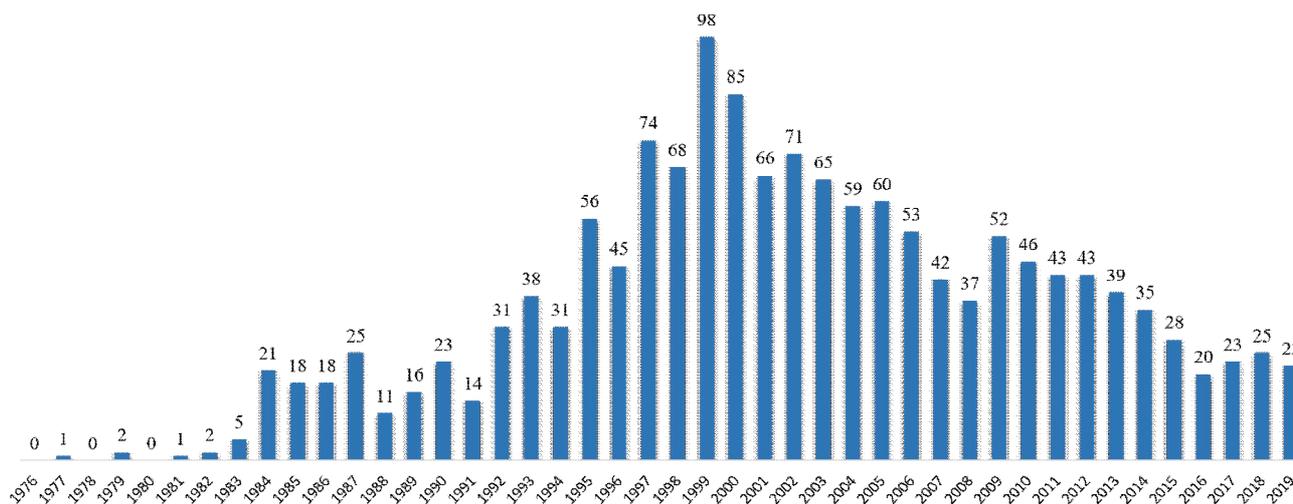

Рис. 2. Динамика казней в США в 1976—2019 гг.

Далее следует отметить ряд особенностей практики применения смертной казни в США. К их числу относятся: а) расовая дискриминация обвиняемых и их жертв; б) социальное неравенство; в) непостоянство и произвол при назначении и выборе способа исполнения наказания; г) географическое неравенство (разная распространенность и интенсивность казней в штатах); д) применение смертной казни к душевнобольным и несовершеннолетним, а также нарушение прав иностранных граждан [6, с. 205—208]; е) отсутствие ограничений на апелляции и, как следствие, длительные сроки ожидания казни; ж) высокая стоимость расходов на процессы по преступлениям, наказуемым казнью; з) растущее число судебных ошибок и рост числа оправданных осужденных.

С 1976 г. в США казнили 22 несовершеннолетних; с 2005 г. после подписания международной конвенции таких казней не было, а в отношении душевнобольных и умственно отсталых этот запрет иногда еще нарушается.

По данным на начало 2020 г. среди казненных 34 % — афро-американцы, 8,5 % — латиноамериканцы и 56 % — белые; среди жертв белые составляют 76 %, а на долю афроамериканцев при-

ходится 15 %; наконец, среди ожидающих казни афроамериканцы и белые распределяются поровну — по 42 %. Чтобы представить масштабы дискриминации по расовому признаку, достаточно указать, что численность афроамериканцев среди всего населения США составляет лишь 12 %, тогда как доля белых в 6 раз больше.

Другая особенность состоит в различной интенсивности применения смертной казни в разных регионах и разных штатах страны. Из 1 517 казней с 1976 г. — 1 242 (или 80 %) приходятся на долю южных штатов, где гораздо шире распространены консервативные настроения. При этом 50 % всех казней приходится на долю четырех южных штатов — Техаса, Виржинии, Оклахомы и Флориды; 30 % казней проводится в Техасе. Географические различия в интенсивности применения казни сохраняются десятилетиями.

Ранее уже отмечалось, что уровень убийств значительно ниже в тех штатах, где смертная казнь не применяется (и наоборот), хотя, с другой стороны, прямая корреляция между уровнем убийств и частотой применения смертной казни отсутствует. В связи с этим отметим, что ныне при среднем по стране уровне убийств (5,0) данный

показатель в соответствии с принятым в США административно-территориальным делением составляет: на Юге — 6,0; на Западе — 4,1; на Северо-Востоке — 3,4.

О продолжительности апелляционных процедур и, следовательно, о длительности ожидания казни уже говорилось; добавим, что эти сроки варьируются в широком диапазоне. Из четырех казненных в первые три месяца 2020 г. один ожидал казни 21 год, а второй — 34 года. Сегодня срок ожидания казни составляет в среднем 14 лет.

Американские юристы часто отмечают, что отсутствие ограничений на подачу апелляций служит дополнительной гарантией обоснованности смертного приговора. Такие гарантии, несомненно, являются важными, поскольку постоянные исследования выявляют новые факты судебных ошибок (особенно широко распространенных в прошлом). Сегодня в стране насчитывается 167 человек, оправданных судом, в отношении которых ранее вынесенные смертные приговоры (с 1976 г.) оказались по разным причинам ошибочными; исследователи составили даже классификацию этих причин (фальсификация доказательств; отсутствие доказательств вины; «человеческая» ошибка судьи; доказанность невиновности тестами ДНК; выявление подлинного преступника и т. д.). В среднем в США ежегодно оправдывают 5 осужденных. Этот факт сам по себе является еще одним из весомых аргументов в пользу отказа от данной меры наказания.

Не менее важным доказательством противников смертной казни служит чрезвычайно высокая стоимость уголовного процесса по преступлениям, наказуемым смертной казнью, и еще большая стоимость расходов на исполнение этих приговоров. Так, в Оклахоме расходы на подобные процессы в 3,2 раза выше, чем по делам, где смертная казнь не предусмотрена, а в Канзасе — в 4 раза. В Делавэре каждый такой процесс обходился налогоплательщикам штата в среднем в 2,4 млн долларов. Во многих штатах стоимость расходов на казни в последние годы выросла в три раза. За 40 лет применения смертной казни в Калифорнии потрачено около 5 млрд долларов, хотя с 1978 г. здесь казнили 13 осужденных, а в последние 15 лет, как отмечалось, казней вообще не было. Между тем налогоплательщики штата ежегодно платили 150 млн долларов на поддержание системы смертной казни, хотя эти средства могли бы компенсировать расходы на исполнение наказания в виде пожизненного заключения и содержание служб пробации и надзора за досрочно освобожденными из тюрем.

Исполнение смертных приговоров находится на стыке политических, экономических, правовых, моральных, нравственных, технологических, психологических, этических и других проблем. К сказанному о политических проблемах следует добавить всплески активности законодателей штатов в ходе выборных компаний, в том числе обострения политической борьбы между республиканцами и демократами, демонстрацию самостоятельности и независимости штатов от федеральной власти в выборе законодательных решений и отправлении правосудия. Дают о себе знать правовые проблемы, тем более что каждый штат имеет свой перечень способов исполнения смертного приговора, часть из которых Верховным Судом США в разное время признавались противоречащими Конституции. Между тем в Юте вернулись к расстрелам и исполнителям из добровольцев, в Теннесси — к электрическому стулу, в Аризоне — к газовой камере, в Оклахоме планируют свои нововведения; они поддерживаются и демократами, и республиканцами (первыми по соображениям «моральным», вторыми — по экономическим).

Правовые проблемы пересекаются с технологическими. Они связаны, в частности, с дефицитом компонентов для смертельной инъекции (она применялась в 80 % казней), отказом ряда национальных и европейских компаний от поставки этих компонентов по этическим соображениям. Не менее остро стоят моральные и этические проблемы, в том числе проблемы профессиональной медицинской этики, связанные с необходимым участием в казнях медицинского персонала (национальная врачебная ассоциация в категорической форме выступает против); специалисты думают о том, как сделать исполнение приговора менее мучительным и болезненным, тем более что все это осложняется опытом неудачного применения инъекции.

В апреле 2019 г. Верховный Суд США по апелляции осужденного Р. Баклю вынес решение, которое не гарантирует безболезненного исполнения приговора. Баклю пытался оспорить способ казни, указывая, что инъекция — это мучительный способ казни, противоречащий Конституции. Верховный Суд счел доводы осужденного необоснованными, отметив, что мучительные наказания — это те, что дополнительно увеличивают страдания или унижают осужденного. Это, однако, не означает, указал Верховный Суд, что казнь должна быть безболезненной, а власти штата вовсе не собираются причинять ему мучение и унижение. Иначе говоря, болезненные ощущения при инъекции не могут

служить препятствием для исполнения приговора, тем более что причинение боли не является намеренным (это решение принято большинством с перевесом в один голос). Можно, конечно, сказать, что доводы Верховного Суда США — казуистика. Но очевидно, что отказ от смертной казни избавит общество от необходимости размышлять на такие темы. Кстати, об обществе. Все сказанное об истории и особенностях института смертной казни в США, все, что за два века «пережевано» прессой, а затем телевидением и Интернетом, все, что и ныне ежедневно и в огромных дозах «жует» политиками и деятелями юстиции, потерпевшими от преступлений и правозащитниками, — словом, все, что применительно к рассматриваемой проблеме озвучивает гигантская индустрия информации, оказывает ощутимое влияние на мировосприятие, изменение общественных умонастроений, в том числе на отношение людей к смертной казни. Анализ этой самостоятельной проблемы выходит за пределы статьи; ей посвящены другие исследования и публикации автора [7]; [8]. Ограничимся лишь кратким описанием показателей данного социально-психологического феномена.

Как показывают итоги опросов общественного мнения, проведенных Национальным исследовательским советом, 88 % американцев сейчас считают, что применение смертной казни не снижает уровня убийств (иного мнения придерживаются лишь 5 %). Схожие результаты показывают и другие исследования. По опросам Института Гэллага, более 60 % респондентов отдадут предпочтение такой мере наказания за убийство, как пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение (этот показатель остается стабильным в течение 10 лет). В целом отношение к смертной казни, как показывают опросы ABC News и Washington Post, все заметнее меняется. В последние три года доля тех, кто поддерживает применение смертной казни, впервые снизилась с 46 до 35 % — это самый низкий показатель за полувековую историю социологических наблюдений.

Итак, США, как уже отмечалось, еще балансируют между сохранением и отменой смертной казни. Хотя федеральная власть предпочитает как минимум сохранение status-quo, похоже на то, что институт смертной казни постепенно умирает. Другое дело, что его кончина будет, скорее всего, медленной и довольно болезненной...

Смертная казнь в Японии. Архаика в стране роботов

В отличие от США показатели смертных приговоров, числа казненных и лиц, ожидающих казни,

здесь во много раз ниже. Можно сказать, что по масштабам такое сравнение похоже на эффект перевернутого бинокля. Как и в США, они во многом производны от состояния криминальной ситуации, уровня насилия и убийств, за совершение которых может быть назначена смертная казнь. Объем информации о ее применении здесь тоже меньше, ибо до начала 2000-х гг. все, что связано с этой мерой наказания, было окутано плотной завесой секретности и обсуждению в обществе не подлежало.

Что же происходит в Японии последние 20 лет и какие сегодня тенденции в данной сфере? Отметим, что за эти годы число преступлений снизилось в 2,3 раза; на таком фоне число убийств сократилось в 1,6 раза (с 1 250 до 890 в год), а уровень убийств, который является общепринятым индикатором общественной безопасности, снизился почти в 3 раза — с 0,9 до 0,3 [9]; [10].

Если в США смертная казнь может быть назначена только за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, то в Японии такое наказание (shikei) предусмотрено в санкциях 11 статей Уголовного кодекса (УК) 1907 г. (в редакции закона № 91 от 12.05.1995): за государственные преступления, убийство, грабеж, повлекший тяжкие последствия, изнасилование, поджог и др. При этом лишь в ст. 81 УК смертная казнь предусмотрена как безальтернативная мера наказания. В статье 199 УК говорится: «Тот, кто убил человека, наказывается смертной казнью либо бессрочным лишением свободы с принудительным физическим трудом или на срок не менее трех лет». Как видно, закон устанавливает довольно широкий диапазон санкций за убийство, а процессуальные нормы дают суду возможности для выбора меры наказания, соответствующей обстоятельствам конкретного уголовного дела и личности виновного. Другое дело, что ныне в судебной практике оно, как правило, назначается за убийство двух или более лиц, а также за грабеж, сопряженный с убийством или изнасилованием.

В целях борьбы с так называемыми чудовищными убийствами (heinous murder) 1 декабря 2004 г. был принят Закон об усилении ответственности за убийство при особо отягчающих обстоятельствах, который, сохраняя смертную казнь, повысил нижние и верхние пределы санкций и увеличил срок отбывания лишения свободы для получения права на ходатайство о досрочном освобождении (10 лет). Такое решение было связано с тем, что с начала 2000-х гг. участились убийства с большим числом жертв. Здесь сложилось «противоречие» между снижением преступности, относитель-

ной стабильностью числа убийств и хаотическими «чудовищными» убийствами, поскольку они обусловлены разным сочетанием ситуативных факторов и внезапными обострениями в психике убийц. Рост распространенности таких деяний сформировал одну из особенностей убийств — массовость жертв. Главное Управление полиции (NPA) указало на типичный характер этих убийств, где жертвами, как правило, становятся старики, дети и женщины.

30-летний У. Сатоси, работник дома престарелых для душевнобольных и инвалидов, в 2016 г. во время ночного дежурства убил 19 спавших инвалидов, двух дежурных санитаров и поджег помещение. По сообщению Агентства The Jiji Press, 16 марта 2020 г. окружной суд Йокогамы приговорил его к смертной казни.

В мае 2019 г. в городе Кавасаки (префектура Канагава) 50-летний мужчина, вооруженный ножами, напал на группу детей и родителей, ожидавших автобус, убил двух детей, ранил 18 детей и родителей, а затем совершил самоубийство.

Широкое использование ножей, мечей и другого холодного оружия — еще одна из особенностей убийств в Японии. Дело в том, что здесь наряду с Уголовным кодексом действует ряд так называемых специальных законов. Один из них, важный в социально-политическом и историко-культурном плане и принятый еще в 1858 г., установил строжайший запрет на хранение и применение огнестрельного оружия, нарушение которого влечет серьезные наказания. Неслучайно здесь самые низкие в мире показатели жертв подобных

убийств. По данным NPA, в 2017 г. при таких преступлениях в Японии погибли 3 человека, а в США — 15 612 человек [11].

Об адекватности японской судебной практики по делам об убийствах судить трудно, поскольку в большинстве таких дел тяжесть приговора или, что здесь не редкость, его относительная мягкость — вопрос факта, который обусловлен обстоятельствами конкретного дела и личностью виновного. Это особенно очевидно в практике смертных приговоров, где нельзя говорить о какой-то заметной тенденции. Ежегодное число смертных приговоров в разные годы XXI в. колеблется в относительно широком коридоре — от 4 до 20; судя по многолетнему снижению преступности и числа убийств, оно практически никак не связано с динамикой тяжких преступлений и зависит, что было отмечено ранее, лишь от обстоятельств конкретного дела. Поэтому с учетом их эпизодичности можно сказать, что в целом практика вынесения смертных приговоров носит спорадический, «разовый» характер. За 20 лет вынесено около 200 приговоров; их число меняется, поскольку больше 25 % приговоров после апелляций были заменены другими наказаниями [12; 13]. За те же годы в США вынесено 1 939 смертных приговоров, т. е. в 10 раз больше. Из диаграммы (рис. 3) видно, что с 2000 по 2019 г. в Японии казнили 94 осужденных; при этом в 2008 г. (впервые за 30 лет), как и в 2018 г., зафиксированы пиковые показатели казней (15), хотя в обоих случаях они были связаны с разными факторами.

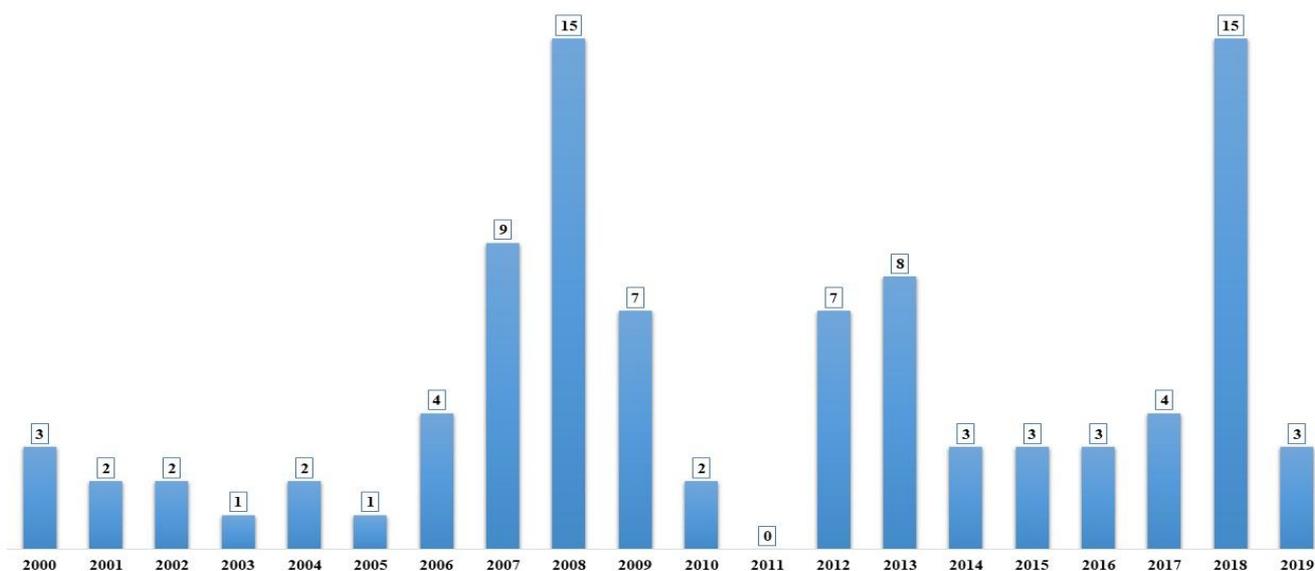

Рис. 3. Динамика казней в Японии в 2000—2019 гг.

Что именно произошло в 2018 г., почему за год (и именно в этот год) число казней выросло в четыре раза? Причины такой метаморфозы никак не были связаны ни с ростом преступности, ни с ростом убийств. Наоборот, к 2018 г. страна подошла с самыми низкими показателями криминала за 70 лет; уже более десяти лет она признана самой безопасной страной в мире. Все оказалось куда прозаичнее. Во-первых, накануне очередных парламентских выборов резко возросла активность общественности, которая требовала казни членов секты «Аум Сенрике», осужденных почти 20 лет назад. Во-вторых, в связи с предстоящей в 2019 г. сменой императора власти хотели провести намеченные казни раньше, чтобы не омрачить торжества по случаю инаугурации нового формального главы государства. Наконец, были и политические причины, связанные с критикой японской системы правосудия за рубежом и необходимостью улучшения имиджа страны в глазах мирового сообщества перед предстоящими в 2020 г. Олимпийскими играми в Токио. В итоге в июле 2018 г. были казнены 15 осужденных. Что же до запланированного на 2019—2020 гг. моратория, то он был прерван уже в конце 2019 г., когда казнили 3 осужденных.

Итак, за 20 лет в Японии казнили 94 осужденных (в США — 902, или в 10 раз больше). Как видно, в сравнении с другими странами смертная казнь в Японии во многом носит символический характер.

Некоторые особенности имеет и процедура исполнения смертных приговоров. В Японии все, что с этим связано, находится в исключительной компетенции министра юстиции. Только он подписывает приказ о казни и по своему усмотрению решает, кого и когда следует казнить. За 20 лет было несколько министров, которые в силу своих взглядов на эту меру наказания не подписали ни одного приказа о казни. Поскольку исполнение таких приговоров носит произвольный характер, о дате казни осужденные не знают; им сообщают об этом за несколько часов, а их родственникам и СМИ — спустя несколько дней. Сроки исполнения приговоров здесь также весьма продолжительные (в среднем 16 лет), но режим и условия содержания «смертников» максимально суровые. Сегодня в тюрьмах Японии в ожидании казни содержатся 110 осужденных (в 25 раз меньше, чем в США) [14].

Несмотря на участие в конвенции, запрещающей казни психически больных, в Японии при назначении и исполнении смертных приговоров «заморачиваться» психическим состоянием виновного

не принято, тем более что растущий ригоризм массового сознания и играющие на эмоциях людей СМИ подталкивают к таким решениям. В США их принимают тоже не ангелы, но в последние годы они становятся скандальными. И все же судебная практика идет своим путем, не оглядываясь на международные акты. Похоже, прав был А. Эйнштейн, заметив, что «международные законы существуют только в сборниках международных законов».

В Японии, в отличие от США, не принято говорить о судебных ошибках, природе и истоках этой проблемы. Из зарубежной литературы известно лишь о пяти экстраординарных фактах, относящихся к середине 1980-х и началу 1990-х гг.; их объединяют вынужденные признательные показания обвиняемых и сверхдлительные сроки ожидания казни. Так, О. Масару провел в камере «смертников» 46 лет (Японии до сих пор принадлежит этот мировой «рекорд»); девять раз он подавал жалобы, указывая, что дал признательные показания по обвинению в убийстве под пытками, и лишь перед смертью его освободили в связи с отсутствием достаточных доказательств. Такой же была история И. Хакамаде с той разницей, что до освобождения он ожидал казни всего лишь на год меньше. В целом эта проблема связана с многими недостатками японской машины правосудия, основные узлы которой явно не соответствуют традиционному японскому качеству, присущему другим сферам производства и социальной практики.

Причин подобного положения дел довольно много, хотя они лежат в разной плоскости. Несмотря на резкую критику международных организаций, полиция до сих пор имеет право задерживать подозреваемого на срок до 23 дней в полной изоляции и без допуска адвоката, когда для подозреваемых, подвергаемых непрерывным допросам, признательные показания становятся единственным выходом. Неслучайно такую практику часто называют «заложническим правом» [15]. Судьи полностью доверяют следователям и, невзирая на презумпцию невиновности, как правило, без раздумий дают санкцию на арест. В целом в стране аресту подвергаются 30 % подозреваемых в преступлении; при этом лишь в 3,4 % дел суды отказали в санкции на арест. В итоге факт ареста уже сам по себе означает виновность подозреваемого. Особо ощутимы отсутствие правовых традиций, достаточного уровня образования, научного обеспечения правосудия и главное — острая нехватка адвокатов, способных к участию в уголовном процессе, их материальная незаин-

тересованность и весьма низкая квалификация (в отличие от «цивилистов»). В Японии вообще всего лишь около 40 тысяч адвокатов, тогда как в США, например, больше 990 тысяч. В начале 2000-х гг. квалификационные экзамены успешно сдавали 2—3 % из тех, кто хотел поступить в ассоциацию адвокатов; в 2018 г. — лишь 26 %. На таком общем фоне всесильному обвинению обеспечивается 99,9 % успеха, оправдательным приговорам остаются уникальные для планеты 0,03 % [16]; [17]. В 50 % случаев судьи приходят к выводу об «отсутствии рациональных оснований» для отмены решений суда первой инстанции, поэтому, как отмечают знаменитые ученые-процессуалисты М. Тошикуни и К. Мураока, «тропинка к повторному рассмотрению дела оказывается слишком узкой».

В отличие от ситуации в США проблема смертной казни в Японии находится далеко за пределами общественной дискуссии, ибо обсуждать ее вообще не принято. Массовое сознание японцев, осно-

ванное на конформизме и давних традициях общины, старается не замечать и обходить ее стороной. Между тем опросы общественного мнения, проводимые Канцелярией кабинета министров, показывают, что 80—85 % населения поддерживают сохранение смертной казни. Здесь в этом плане особая политическая культура, которая сформировалась под влиянием общинного сознания, национальной психологии и менталитета и поддерживается властью через средства массовой информации. Примечательно, что в канун 2019 г., отвечая на критику в зарубежной прессе, министр юстиции Такаси Ямасита заявил: «Власти Японии считают разговоры об отмене смертной казни неуместными». Как видно, ближайшие перспективы применения этого института в Японии весьма существенно отличаются от его основных тенденций и общественных умонстрое-ний в США.

1. Acker J., Bohm R., Lanier C. America's Experiment with Capital Punishment. Reflections on the Past, Present, and Future of the Ultimate Penal Sanction. Carolina Academic Press, 1998. 774 p.

2. Hood R. The death penalty: a worldwide perspective / 3rd ed., rev. and updated. London: Oxford University press, 2002. X, 316 p.

3. Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life and Death // American Economic Review. 1975. Vol. 65. P. 397—417.

4. Index AI — ACT 50/1847/2020. P. 7.

5. Квашис В. Е. Основные показатели и тенденции преступности в США // Виктимология. 2019. № 1. С. 9—13.

6. Квашис В. Е. Куда идет смертная казнь = The death penalty: where is it going: мировые тенденции, проблемы и перспективы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. 606 с.

7. Квашис В. Е. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. 1997. № 4. С. 50—56.

8. Kwashis V. Die Todesstrafe in Russland. Zur Aktualitat der Todesstrafe. Interdisziplinare und globale Perspektiven. Berlin Verl., 2002. P. 357—374.

9. Квашис В., Морозов Н. Основные тенденции преступности в Японии // Уголовное право. 2015. № 2. С. 131—134.

10. Морозов Н. А. Япония: Преступность и уголовная политика / под ред. и вступ. ст. В. Е. Квашиса. СПб.: Юрид. центр, 2016. 400 с.

11. Современный взгляд на Японию: сайт. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h001787> (дата обращения: 15.03.2020).

1. Acker J., Bohm R., Lanier C. America's Experiment with Capital Punishment. Reflections on the Past, Present, and Future of the Ultimate Penal Sanction. Carolina Academic Press; 1998: 774.

2. Hood R. The Death Penalty. A Worldwide Perspective. London: Oxford University Press; 2002: X, 316.

3. Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: A Question of Life and Death. American Economic Review. 1975; 65: 397—417.

4. Index AI — ACT 50/1847/2020: 7.

5. Kwashis V. E. Main indicators and trends of crime in the USA. Victimology. 2019; 1: 9—13.

6. Kwashis V. E. Where the death penalty goes. World problems, trends and prospects. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2011: 606.

7. Kwashis V. E. Capital punishment and public opinion. State and law. 1997; 4: 50—55.

8. Kwashis V. The death penalty in Russia. On the topicality of the death penalty. Interdisciplinary and global perspectives. Berlin publishing house; 2002: 357—374.

9. Kwashis V., Morozov N. Main trends of crime in Japan. Criminal law. 2015; 2: 131—134.

10. Morozov N. A. Japan: Crime and Criminal Policy. Ed. V. E. Kwashis. Saint Petersburg: Center Press; 2016: 398.

11. Modern view of Japan: website. Available from: <https://www.nippon.com/ru/features/h001787/>. Accessed: 15 March 2020.

12. Квашиш В. Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008. 800 с.

13. White Paper on Crime, 2018. Tokyo, 2019. URL: <http://hakusyo1.moj.go.jp/en/67/nfm/mokuji.html> (дата обращения: 10.03.2020).

14. Квашиш В. Е. Архаика в стране роботов. Смертная казнь в Японии как политический феномен // Общество и право. 2019. № 2. С. 12—17.

15. Кэйити М., Тосикуни М. Размышления о «заложническом праве», ложных обвинениях, повторном рассмотрении дел и системе смертной казни // Современный взгляд на Японию: сайт. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c05403/> (дата обращения: 15.03.2020).

16. Квашиш В. Е. О некоторых особенностях правосудия в Японии и России (сравнительно-правовое исследование) // Научный портал МВД России. 2019. № 1. С. 28—36.

17. Johnson D., Hirayama M. Japan's Reformed Prosecution Review Commission: Changes, Challenges, and Lessons // Asian Journal of Criminology. 2019. № 14. P. 77—102.

© Квашиш В. Е., 2020

Квашиш Виталий Ефимович,

главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России;
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации;
e-mail: kvashis@mail.ru

12. Kvashis V. E. Death penalty. World trends, problems and prospects. Moscow: Jurayt; 2008: 800.

13. White Paper on Crime, 2018. Tokyo; 2019. Available from: <http://hakusyo1.moj.go.jp/en/67/nfm/mokuji.html>. Accessed: 10 March 2020.

14. Kvashis V. E. Archaic in the country of robots. Society and law. 2019; 68 (2): 12—17.

15. Kaiti M., Toshikuni M. Reflections on "hostage law", false charges, retrial and the death penalty system. Modern view of Japan: website. Available from: <https://www.nippon.com/ru/features/c05403/>. Accessed: 15 March 2020.

16. Kvashis V. E. On Some Peculiarities of Justice in Japan and Russia (Comparative Legal Study). Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019; 1: 28—36.

17. Johnson D., Hirayama M. Japan's Reformed Prosecution Review Commission: Changes, Challenges, and Lessons. Asian Journal of Criminology. 2019; 14: 77—102.

© Kvashis V. E., 2020

Kvashis Vitaly Efimovich,

senior researcher
of National Research Institute
of the Ministry of Interior
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor,
honored science worker
of the Russian Federation;
e-mail: kvashis@mail.ru

* * *

*О. Н. Ничуговская***УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ**

В статье автором анализируются конвенции Организации Объединенных Наций, принятые в целях противодействия коррупционным преступлениям. Часть изложенных в них рекомендаций уже включена в российское уголовное законодательство (такие, как определение предмета взятки и элементы транснационального преступления — участие иностранного должностного лица и должностного лица публичной международной организации). Однако предпринимаемых мер для противодействия преступлениям должностных лиц явно недостаточно, поскольку они обладают высокой степенью латентности, причиняя огромный материальный ущерб экономике России. В связи с этим автор предлагает вернуть «конфискацию имущества» в качестве уголовного наказания, а также разработать механизм изъятия преступных доходов с помощью включения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации обязанности лиц доказывать законность происхождения доходов.

Кроме того, проанализировав положение Конвенции Организации Объединенных Наций о введении уголовной ответственности за «обещание взятки», автор предлагает включить в Уголовный кодекс Российской Федерации новую статью 290.1 «Обещание взятки», под которым следует понимать устное или письменное предложение должностному лицу передать денежные средства или совершить другие действия имущественного или неимущественного характера, подкрепленное иными подготовительными действиями, за совершение незаконных действий в будущем.

Ключевые слова: коррупционные преступления, превентивные меры, конфискация имущества, обещание взятки.

*О. N. Nichugovskaya***CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTER CORRUPTION IN RUSSIA**

In the article, the author analyzes the United Nations conventions adopted in order to combat corruption crimes. Some of the recommendations contained in them have already been incorporated into Russian criminal law (such as the definition of the subject of a bribe and elements of a transnational crime — the participation of a foreign official and an official of a public international organization). However, the measures taken to counteract the crimes of officials are clearly not enough, since they have a high degree of latency, while causing huge material damage to the Russian economy. In this regard, the author proposes to return the "confiscation of property" as a criminal punishment, but also to develop a mechanism for confiscation of criminal proceeds by including in the code of criminal procedure of Russian Federation duties of officials to prove the legality of incomes.

In addition, analyzing the situation of the United Nations Convention on the criminalization of "the promise of a bribe", the author proposes to include in the criminal code of the Russian Federation a new article 290.1 "the Promise of a bribe", which should be understood a verbal or written offer official to transfer funds or take other actions material or non-material nature, supported by other preparatory acts for committing illegal actions in the future.

Key words: corruption crimes, preventive measures, confiscation of property, promise of a bribe.

Формирование правового государства представляет собой длительный процесс создания нормативно-правовой базы, совершенствования юридической техники по подготовке актуальных правовых актов и их применению на практике. Механизм защиты прав личности и интересов всего общества подвержен постоянной динамике по при-

чине влияния политических процессов, происходящих в государстве и вне его пределов, а также ввиду недостаточности мер по обеспечению национальной безопасности.

Одну из наиболее опасных угроз в XXI в. для национальной безопасности представляет коррупция. Ее транснациональный экономический

характер подтверждает многообразие международно-правовых актов, принятых для борьбы с ней. Международное сообщество давно осознало необходимость объединения усилий в противодействии преступности, что проявилось сначала в заключении двусторонних и многосторонних договоров, а впоследствии — в принятии конвенций по различным направлениям борьбы с коррупционными преступлениями.

Организация объединенных наций (ООН) в 1996 г. разработала Декларацию о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, в 1999 г. — Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию [1], в 2000 г. — Конвенцию против транснациональной организованной преступности [2], в 2003 г. — Конвенцию против коррупции [3]. Последний документ обязал государства устанавливать и поощрять эффективные методы противодействия коррупции. Он предписывает «проводить эффективную скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности» [3], определив принципы данной политики.

В соответствии с существующими принципами национальной правовой системы в России появились Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273 и Указ Президента России «О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы» от 13 апреля 2010 г. № 460. Национальный план раз в два-три года обновляется, в настоящее время действует Национальный план противодействия коррупции на 2018—2020 гг. (№ 378 от 29 июня 2018 г.). Национальная стратегия, утвержденная Президентом в 2010 г., продолжает действовать в настоящее время и признает коррупцию «системной угрозой безопасности государства», определяя главные принципы борьбы с ней. Система мер борьбы с коррупцией определяется как «совокупность мер по предупреждению, уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, а также минимизации последствий, причиненных коррупционными деяниями». Что касается мер предупреждения коррупции, Национальный план предполагает:

- разработку системы запретов и ограничений;
- предотвращение и урегулирование конфликта интересов;

- противодействие коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд;

- популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;

- защиту субъектов предпринимательской деятельности от злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц;

- устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции;

- укрепление международного авторитета России.

Наиболее существенной мерой по выявлению коррупционных преступлений выступает функция осуществления контроля за расходами должностного лица [4, с. 653], который устанавливается на основании Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 г. № 230.

Основаниями для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лица могут выступать поступившие в органы прокуратуры материалы на должностное лицо от других лиц либо достаточная информация, представленная правоохранительными и другими компетентными органами, о том, что должностным лицом (его супругом и (или) несовершеннолетними детьми) были приобретены объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акции на сумму, превышающую доход данного лица за последние три года [5].

Другие важнейшие превентивные меры сформулированы в Федеральном законе № 273 от 25 декабря 2008 г. Первостепенной из них выступает оценка нормативно-правовых актов и административных мер с целью определения их состоятельности в противодействии коррупции.

Вступление России в международные организации означает тесное сплетение национального уголовного законодательства с международным в решении проблем противодействия коррупционной преступности [6, с. 45]. Влияние международного права на совершенствование отечественного уголовного законодательства в данной области неуклонно растет. Например, определение предмета взятки было заимствовано Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) из содержания конвенции ООН о борьбе с транснациональной организованной преступностью 2000 г. и об уголовно-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. Предмет коррупции в конвенциях изложен

более лаконично: «Какое-либо неправомерное преимущество для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей». Тогда как предмет взятки (согласно УК РФ) может быть представлен в виде «денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав... за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе».

Конвенция ООН 2000 г. содержит признаки транснационального преступления и определяет его как «серьезное» (тяжкое) преступление, за которое следует наказание в виде не менее четырех лет лишения свободы или более строгая мера наказания. Транснациональный характер коррупционных преступлений проявляется в «участии в совершении преступления иностранного должностного лица либо должностного лица публичной международной организации». В связи с этим в 2016 г. в ст. 290, 291 УК РФ были внесены изменения, касающиеся ответственности за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) в виде получения и дачи взятки помимо должностного лица также иностранным должностным лицом и должностным лицом публичной международной организации.

Факт недостаточности предпринимаемых мер подтверждается количеством привлекаемых должностных лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности. За 2019 г. правоохранные органы выявили в России 30 991 коррупционное преступление, суммарный ущерб от которых превысил 100 млрд рублей. Возмещение ущерба обеспечено на сумму 27 млрд рублей. 7 223 преступления были совершены в крупном и особо крупном размерах. 16 832 уголовных дела о коррупционных преступлениях были направлены в суд, 1,6 тыс. из них были совершены группой лиц по предварительному сговору, 632 — в составе организованной группы либо преступного сообщества. Установлены 16 387 преступников, в отношении 9 004 преступников уголовные дела направлены в суд [7]. Подобные цифры обращают на себя внимание

в связи с тем, что при минимальном приросте выявленных коррупционных преступлений (+0,8 к аналогичному периоду прошлого года (далее — АППГ)) количество совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб увеличилось более чем на 6 %, в то время как количество уголовных дел, направленных в суд, и лиц, привлеченных к уголовной ответственности, снизилось (-0,7 % и -3,5 % к АППГ соответственно).

Большое число коррупционных преступлений в России совершается руководителями государственных органов, которые незаконным путем получают значительные денежные суммы. Как правило, у них изымаются только те денежные средства, которые были обнаружены сотрудниками правоохранительных органов в жилище или других осмотренных в рамках расследования преступления помещениях. Однако мер по выявлению, отслеживанию, аресту и выемке имущества, приобретенного на полученные преступным путем денежные средства, в большинстве случаев не предпринимается [8, с. 76].

Конвенция ООН 2000 г. призывает все государства-участники «обеспечивать применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные». Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. — принимать «законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых... или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам».

Государства в соответствии с исторически сложившимися традициями, правилами правовой системы, социальными, криминологическими особенностями и применяемыми средствами юридической техники могут относить общественно опасные деяния к числу уголовно наказуемых. Так, благодаря имплементации положений протоколов Конвенции ООН 2000 г. в российском уголовном законе появились нормы, предусматривающие конфискацию средств, полученных в результате совершения преступлений. Термин «конфискация» в международно-правовых актах означает «изъятие доходов, полученных только преступным путем, а также орудий и средств совершения преступления». Статья 12 Конвенции ООН 2000 г. закрепляет норму, определяющую в рамках частных правовых систем в качестве предмета конфиска-

ции «доходы от преступлений, охватываемых Конвенцией, или имущество, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов, а также имущество, оборудование и другие средства, использовавшиеся или предназначавшиеся для использования при совершении обозначенных преступлений». В целях имплементации ст. 12 Конвенции ООН 2000 г. в уголовное законодательство России предлагаем включить п. «ж» в ст. 44 УК РФ, вернув обратно конфискацию имущества как вид уголовного наказания, который был ранее исключен Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162. Данный ошибочный шаг существенно ограничил возможности выполнения Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств по целому ряду конвенций [9]. Одновременно следует разработать методические рекомендации о способах исполнения данного вида наказания (выявлению имущества, приобретенного на незаконные средства), не затрагивая при этом интересы невинных лиц. В качестве уголовно-процессуальных мер на стадии предварительного расследования преступления нужно обязать обвиняемых должностных лиц доказывать законности происхождения доходов, использованных на приобретение конкретного имущества, закрепив порядок доказывания в уголовно-процессуальном законе, который не должен противоречить отечественному законодательству и характеру судебного и иного разбирательства в целом, тем более что Конституционный Суд Российской Федерации по делам о коррупции признал правомерным возложение на собственника обязанности доказывать законность приобретения своего имущества [10].

В Венской конвенции против наркотиков 1988 г. [11] и Страсбургской конвенции против отмывания денежных средств [12] содержатся указания на то, что государства могут принимать нормы, которые потребуются для признания соответствующих деяний преступлениями. В то же время Конвенцией ООН 2000 г. государства обязываются «признать в качестве уголовно наказуемых» следующие деяния:

1) «обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

2) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредни-

ков, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей».

Современным российским уголовным законом не предусмотрено наказание за «обещание взятки». С инициативой внедрения этого института в УК РФ еще в 2016 г. выступал депутат А. Б. Выборный, который предложил законодательному органу власти в связи с ратификацией в 2006 г. Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию в целях усиления ответственности за коррупцию и соблюдения взятых на себя обязательств Россией привести национальное уголовное законодательство в соответствие с международным [13]. Данную инициативу поддержали и ученые. Так, профессор Э. Л. Сидоренко предлагала рассматривать уголовную ответственность за обещание дать взятку «в качестве условия создания единого правового пространства для борьбы с национальной и транснациональной коррупцией» [14]. Ведущий советник отдела Департамента конституционного законодательства Минюста России А. Магуза уточнял, что «обещание взятки, подкрепленное определенными деяниями, подтверждающими высокий риск доведения задуманного до цели преступления (обещание дарения, долговая расписка и др.), выступает в качестве приготовления к совершению дачи взятки, если обещанное не удастся реализовать по не зависящим от лица обстоятельствам» [15]. Тем не менее «обещание взятки» в УК РФ было внедрено только в рамках ч. 5 ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве», что в современной криминологической ситуации представляется крайне недостаточным.

В целях противодействия коррупции и дальнейшей имплементации международных стандартов в отечественную правовую систему предлагаем включить в УК РФ новую норму — ст. 290.1 «Обещание дачи взятки», изложив ее диспозицию в следующей редакции: «устное или письменное предложение должностному лицу передать денежные средства или совершить другие действия имущественного или неимущественного характера, подкрепленное иными подготовительными действиями, за совершение незаконных действий в будущем...». Данный шаг позволит более дифференцированно давать юридическую оценку действиям коррупционеров, привлекая к ответственности виновных на стадии приготовления к совершению преступления.

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию: заключена в Страсбурге 27 января 1999 г. (ратифицирована Российской Федерацией в 2006 г.; Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята Генеральной Ассамблеей ООН в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюция 55/25 (ратифицирована Российской Федерацией в 2006 г.; Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конвенция ООН против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. (ратифицирована Федеральным законом РФ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Абезин Д. А., Алексеева А. П. Законодательные запреты как одно из направлений противодействия коррупции среди государственных гражданских служащих в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 652—660.

5. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходами: федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

6. Алексеева А. П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 44—49.

7. Состояние преступности январь-декабрь 2019 // МВД России: сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 21.02.2020).

8. Алексеева А. П. Коррупционная преступность в сфере профессионального спорта // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 74—77.

9. Зорькин В. Д. Конституционный суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 3—9.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарченко Д. В. и Семьиной М. А. на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О го-

1. Convention on Criminal Liability for Corruption, concluded in Strasbourg on 27 January 1999 (ratified by the Russian Federation in 2006 by Federal Law No. 125-FZ of 25 July 2006). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Convention against Transnational Organized Crime: adopted by the United Nations General Assembly in New York on 15 November 2000 Resolution 55/25 (ratified by the Russian Federation in 2006 by Federal Law No. 26-FZ of 26 April 2004). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. United Nations Convention against Corruption: adopted by the UN General Assembly on 31 October 2003 (ratified by the Russian Federation by Federal Law No. 40-FZ of 8 March 2006). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Abezin D. A., Alekseeva A. P. Legislative Prohibitions as One of the Directions of Anti-Corruption among State Civil Servants in Russia. Criminological Journal of the Balkal State University of Economics and Law. 2015; 9; 4: 652—660.

5. Federal Law of Russian Federation No. 230-FZ of 3 December 2012. "On control over compliance of expenses of persons in public positions and other persons with their income". Collection of legislation of the Russian Federation. 2012; 50 (Part IV); Art. 6953.

6. Alekseeva A. P. Anti-Corruption Policy of the State: Merits and Shortcomings. Library of Criminal Law and Criminology. 2016; 13 (1): 44—49.

7. State of Crime January-December 2019. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/184.x50/>. Accessed: 21 February 2020.

8. Alekseeva A. P. Corruption crime in the field of professional sports. Journal of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009; 8: 74—77.

9. Zorkin V. D. Constitutional Court of Russia in the European Legal Field. Journal of Russian Law. 2005; 3: 3—9.

10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2653-O of 2 October 2019. "On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Zakharchenko D. V. and Semynina M. A. on violation of their constitutional rights and constitutional rights of their minor daughter by the provisions of the federal laws "On Control over Compliance of Expenses of Persons in Public Office and

сударственной гражданской службе Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2653-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf> (дата обращения: 21.01.2020).

11. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: принята Конференцией ООН на 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Конвенция об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141: принята в Страсбурге 8 ноября 1990 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за коррупцию: проект федерального закона № 3633-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество»: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/3633-7> (дата обращения: 01.03.2020).

14. Сидоренко Э. Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки. Уголовная политика: теория и практика // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 40—45.

15. Магуза А. Особенности криминализации обещания и предложения взятки в свете международных антикоррупционных обязательств // Уголовное право. 2013. № 5. С. 91—93.

© Ничуговская О. Н., 2020

Ничуговская Олеся Николаевна,

доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права
Воронежского института
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
кандидат юридических наук,
E-mail: vifsin@mail.ru

Others with their Income, "On Combating Corruption" and "On the State Civil Service of the Russian Federation". Available from: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision432187.pdf>. Accessed: 21 January 2020.

11. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances: adopted by the United Nations Conference at the 6th plenary meeting, on 19 December 1988. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds of Crime ETS No. 141: adopted in Strasbourg on 8 November 1990. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. Draft Federal Law No. 3633-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to Strengthen the Liability for Corruption". The State Department of Civil Society "Lawmaking": website. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/3633-7>. Accessed: 1 March 2020.

14. Sidorenko E. L. To the question of the expediency of criminalizing the promise and offer of bribes. Criminal policy: theory and practice. Society and law. 2017; 59 (1): 40—45.

15. Magusa A. Peculiarities of criminalizing the promise and offer of bribes in the light of international anti-corruption obligations. Criminal law. 2013; 5: 91—93.

© Nichugovskaya O. N., 2020

Nichugovskaya Olesya Nikolaevna,

associate professor at the department
of criminal enforcement and criminal law
of the Voronezh Institute
of the Federal penitentiary service of Russia,
candidate of juridical sciences,
E-mail: vifsin@mail.ru

* * *

О. В. Стрилец, Г. М. Семенов, А. Н. Пахомов

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье рассматривается принцип неотвратимости наказания как ключевой фактор процесса декриминализации.

Криминализация социума является одной из самых злободневных проблем современности. Ее актуальность обусловлена тем, что увеличение количественных показателей преступности в полной мере способно дестабилизировать общемировую обстановку и привести к трагическим событиям в обществе.

Авторами изучена сущность принципа неотвратимости наказания с учетом исторического и компаративистского подходов. Выявлены проблемы и возможные пути их решения при законодательном закреплении принципа неотвратимости наказания в нашем государстве.

Целью статьи является исследование теоретических и практических вопросов реализации принципа неотвратимости наказания в уголовном праве России.

Ключевые слова: преступление, право, делинквент, неотвратимость наказания, срок давности, криминализация, декриминализация, социум.

O. V. Strilets, G. M. Semenenko, A. N. Pakhomov

INEVITABILITY OF PUNISHMENT AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL LAW

This article considers the principle of inevitability of punishment as a key factor in the decriminalization process.

Criminalization of the society is one of the most urgent problems of our time. The relevance of this issue is due to the fact that an increase of the crime rate is fully capable of destabilizing the global situation and leading to tragic events in the society.

The authors studied the essence of the principle of inevitability of punishment, taking into account the historical and comparative approaches. Problems, as well as possible solutions with the legislative consolidation of the principle of inevitability of punishment in our state were identified.

The purpose of the article is to study theoretical and practical issues of implementation of the principle of inevitability of punishment in the criminal law of Russia.

Key words: crime, law, delinquent, inevitability of punishment, statute of limitations, criminalization, decriminalization, society.

Важность точного отражения процессов, происходящих в обществе, в содержании уголовного законодательства вызывает необходимость учета общественного правосознания. Такой подход позволяет совершенствовать уголовный закон и институты уголовного права по критериям справедливости или несправедливости прежде всего потому, что в общественном правосознании всегда воплощены идеи разумного устройства права: справедливости, равенства, гуманизма и законности — именно они, «преломленные через содержание предмета уголовного права, и образуют то, что сейчас принято называть принципами уголовного права» [1, с. 4].

Принципы уголовного права формулируются на основе принципов правосознания и обусловлены теми происходящими в России социальными процессами, которые находятся в сфере уголовного права, определяя при этом его границы и содержание [2, с. 4].

Сегодня общемировой социум претерпевает стадию существенного роста уровня криминализации. Данную проблему необходимо решать в том числе радикальными методами воздействия на законотворческий процесс и общество в целом. Провести декриминализацию социума в России возможно дифференциальными путями, один из которых заключается в официальном принятии на зако-

нодательном уровне принципа неотвратимости наказаний в его полной и абсолютной форме.

Принципы права — основные и руководящие идеи, направляющие правовое регулирование. В соответствии с Толковым словарем русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой под принципом обычно понимается «исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы» [3, с. 595]. В. К. Бабаев отмечает: «Принципы права выражают то главное, основное в праве, что должно быть ориентировано, устремлено на его развитие. В сравнении с правовыми нормами, соответствующими той или иной эпохе, определенному историческому периоду, принципы права отличаются большей устойчивостью, остаются неизменными в течение длительного времени» [4, с. 24].

При толковании социальной сущности принципа неотвратимости наказания нужно учитывать, что для успешного предупреждения криминализации социума действенность наказания должна состоять не в его суровости и строгости, а в неизбежности его применения согласно законодательству. Кроме того, должно осуществляться равнозначное соответствие между общим количеством преступлений и наказаний. Данный принцип нашел наиболее полное отражение в трудах итальянского публициста Ч. Беккариа. В работе «О преступлениях и наказаниях» подробно изложена идея о том, что предупреждение преступлений намного эффективнее, когда наказание неизбежно, т. е. действует принцип неизбежности наказания. Результативность его влияния на уровень криминализации обусловлена тем, что гражданское общество сильнее реагирует на него, чем на степень суровости наказания и строгости мер воздействия на преступника. Данный парадокс возможен по причине такого явления, как надежда на безнаказанность. Роль принципа неотвратимости наказания здесь состоит в уничтожении основ той самой надежды, что дает преступникам право думать о безнаказанности [5].

В процессе развития отечественной уголовно-правовой доктрины сущность принципа неотвратимости наказания несколько раз видоизменялась вплоть до закрепления принципа неотвратимости ответственности. Попытки реализовать его предпринимались в 1960-х гг., однако это было сопряжено с рядом трудностей: в действующем на тот момент Уголовном кодексе РСФСР (далее — УК РСФСР) регламентировались нормы и положения, освобождающие при определенных условиях от наказания некоторые категории лиц. Дальней-

шее развитие данного принципа определялось закреплением в марте 1977 г. ст. 501 УК РСФСР, смысловая часть которой заключалась в освобождении от уголовного наказания преступников путем их привлечения к административной ответственности. В результате его регресс в российском законодательстве продолжился, а внимание законодателя и научных деятелей было обращено на сущность и терминологию принципа неотвратимости ответственности, а не наказания [5].

В середине 1980-х гг. при разработке теоретической модели уголовного кодекса в систему специфических принципов уголовного права ее авторы предлагали включить законность, равенство граждан перед законом, принцип личной ответственности, виновной ответственности, неотвратимости ответственности, гуманизм, справедливость ответственности, демократизм [6, с. 18—19].

Сущность принципа неотвратимости ответственности состояла в том, что преступные деяния любого гражданина подлежали наказанию или иным мерам воздействия, что удовлетворяло требованиям уголовного закона. Отличие заключалось именно в возможности применения иных мер воздействия к делинквенту, т. е. преступнику. Руководствуясь современным уголовным законодательством России, отметим, что под иными мерами подразумевается административное и общественное воздействие на преступника. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), принятом в 1996 г., принцип неотвратимости ответственности, тем более наказания, в большей степени утратил свое значение. Это произошло по причине появления значительного количества вариантов именно законодательного характера, освобождения от уголовной ответственности преступников, причем без осуществления замены меры пресечения другими видами ответственности. Отсюда, конечно же, можно сделать вывод о том, что принцип неотвратимости ответственности, тем более наказания, не может продуктивно существовать в реалиях современного российского законодательства.

Рассматриваемый вопрос породил ряд дискуссий. Так, С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев отмечают, что такие виды освобождения от ответственности, как амнистия, срок давности преступления и помилование, имеют место быть и не препятствуют продуктивному развитию и успешному существованию принципа неотвратимости ответственности. Главный фактор их присутствия и эволюции, согласно общей теории названных авторов, заключается в принципе исключительности, который содержит

мысль о том, что эти прецеденты являются исключениями из общих правил процессуальной деятельности [6]. Ф. С. Бражник и А. В. Барков придерживаются другой точки зрения. По их мнению, ключевым выступает процесс утраты деянием признаков общественной опасности.

Казалось, на основе сказанного допустим вывод о том, что главные факторы возможности освобождения от ответственности, наказания при условии успешной работы принципа неотвратимости ответственности состоят в исключительности подобных прецедентов освобождения, а также в утрате как преступлением, так и делинквентом признаков общественной опасности. Однако при тщательном анализе в современном законодательстве можно выделить такие статьи, где эти факторы отсутствуют, но существует возможность освобождения от ответственности, наказания [7]. Вместе с тем наличие в законодательстве норм, освобождающих делинквентов от ответственности, наказания, явно противоречит смысловой составляющей принципа неотвратимости ответственности, тем более наказания. Согласно фактору исключительности в результате любых прецедентов исключения принцип неотвратимости ответственности, наказания теряет смысл. Таким образом, в России принцип неизбежности ответственности, тем более наказания, не реализован в полной мере в целях декриминализации социума. Факт его отсутствия обусловлен тем, что в самом УК РФ существует глава 11, входящая в состав освобождающих институтов [8].

Декриминализацию социума следует проводить путем внедрения в современное российское законодательство именно принципа неотвратимости наказания. Для этого необходимо глобально модернизировать уголовный закон: отменить большинство статей, содержащих положения об освобождении от наказания, ответственности; оставить лишь те из них, применение которых может быть специально направлено на эффективность правоохранительной деятельности. Иными словами, нужно сохранить только отдельные позиции законодательных актов, статей, способные стать компромиссом по предупреждению определенных категорий преступлений. Из весомых видов освобождения от ответственности, наказания, таких как амнистия, сроки давности преступлений и помилование, следует оставить только первую в качестве значительного элемента периодических изменений в системе государственного устройства [9].

Дальнейшим шагом в реализации принципа неотвратимости наказания должна быть модерни-

зация действующего законодательства на предмет отмены сроков давности, представляющих собой период, по истечении которого дело прекращается, а преступник может чувствовать свою безнаказанность. Здесь нужно обратить внимание на опыт зарубежных стран. В России сроки давности в зависимости от вида преступления варьируются от двух до 15 лет. В других государствах минимальный срок давности составляет от одного года (в Сан-Марино) до пяти лет (в Швейцарии). Максимальный — от 15 лет (в Швеции) до 30 лет (в Германии). Интересно, что в Турции срок давности подлежит отмене, если было совершено преступное деяние тяжкого характера вне страны, которое предусматривает тюремное заключение на срок более 10 лет. Это же нужно сделать и в России для успешной реализации принципа неотвратимости наказания и декриминализации социума [10].

Конечно же, реализация указанной идеи повлечет за собой рутинную работу и рост числа документов, что, в свою очередь, вызовет шквал критики со стороны сотрудников практических органов и деятелей науки. Однако эту проблему можно решить по образцу Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Еще в 2014—2015 гг. она начала реализацию масштабной программы по созданию и формированию Единого центра электронной базы данных по всей России, офис которого должен был находиться в Краснодаре. На осуществление проекта ушло пять лет. Вся документация была переведена в электронный вид и собрана в базе данных. Подобная база необходима и нам.

Принципы права «пронизывают (должны пронизывать) всю структуру права — правосознание, нормы, правоотношения, а также правоприменительную практику. Каждый принцип — это идея, то есть мысль как продукт человеческого мышления об общем и наиболее существенном представлении о праве, правовом мировоззрении, о ценности права. Идеи-принципы дают представление о должествующем в праве, каким оно должно быть» [11, с. 12—13].

Исходя из сказанного, можно заключить, что залогом успешной декриминализации социума может стать реализация принципа неотвратимости наказания во всей полноценности его сущности. Следует изменить положения многих нормативных актов, некоторые отменить вовсе, отдельно рассмотреть позиции законодательства о сроках давности, где обратить внимание на опыт зарубежных стран. Кульминационным звеном в реализации

принципа неотвратимости наказания будет процесс создания единой базы данных по преступным деяниям независимо от сроков давности, что, на наш взгляд, значительно облегчит работу сотрудников органов внутренних дел. Воплощение представлен-

ных идей в жизнь позволит в полной мере реализовать принцип неотвратимости наказания во взаимосвязи с другими принципами уголовного права, определяющими содержание и характер норм российского уголовного законодательства.

1. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 266 с.

2. Стрилец О. В. Принцип вины в уголовном праве России. Волгоград, 2010. 176 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.

4. Бабаев В. К. Теория современного советского права. Н. Новгород, 1991. 155 с.

5. Сабитов Т. Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы права. 2017. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neotvratimosti-nakazaniya-i-ego-transformatsiya-v-ugolovno-pravovoy-nauke-i-zakonodatelstve> (дата обращения: 23.01.2020).

6. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987. 278 с.

7. Барков А. В. Неотвратимость ответственности за правонарушение: теория, практика. М., 2016. 146 с.

8. Коляда А. В. Принцип неотвратимости уголовного наказания и этапы его развития в уголовном праве, науке и законодательстве // Студенческий форум: Электронный научный журнал. 2019. № 19 (70). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/70/52779> (дата обращения: 23.01.2020).

9. Нечепуренко А. А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. Омск, 2017. 94 с.

10. Борисова В. Д. Проблемы сроков давности уголовного преследования в условиях современной правоприменительной практики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-srokov-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya-v-usloviyah-sovremennoy-pravoprimenitelnoy-praktiki> (дата обращения: 23.01.2020).

11. Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12—18.

1. Maltsev V. V. Century. Principles of criminal law. Volgograd; 2001: 266.

2. Strilets O. V. The principle of guilt in the criminal law of Russia. Volgograd; 2010: 176.

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow; 1999: 944.

4. Babaev V. K. The theory of modern Soviet law. Nizhny Novgorod; 1991: 155.

5. Sabitov T. R. The principle of the inevitability of punishment and its transformation in criminal science and legislation. Actual problems of law. 2017; 18. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neotvratimosti-nakazaniya-i-ego-transformatsiya-v-ugolovno-pravovoy-nauke-i-zakonodatelstve>. Accessed: 23 January 2020.

6. The criminal law. The experience of theoretical modeling. Ed. by V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. Moscow; 1987: 278.

7. Barkov A. V. The inevitability of responsibility for the offense: theory, practice. Moscow; 2016: 146.

8. Kolyada A. V. The principle of inevitability of criminal punishment and the stages of its development in criminal law, science and legislation. Student forum: electronic scientific journal. 2019; 70 (19). Available from: <https://nauchforum.ru/journal/stud/70/52779>. Accessed: 23 January 2020.

9. Nechepurenko A. A. The inevitability of punishment as a principle of criminal law. Omsk; 2017: 94.

10. Borisova V. D. Problems of limitation periods of criminal prosecution in the context of modern law enforcement practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2017; 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-srokov-davnosti-ugolovnogo-presledovaniya-v-usloviyah-sovremennoy-pravoprimenitelnoy-praktiki>. Accessed: 23 January 2020.

11. Malein N. S. Legal principles, norms and judicial practice. State and Law. 1996; 6: 12—18.

© Strilets O. V., Semenenko G. M., Pakhomov A. N., 2020

© Стрилец О. В., Семенов Г. М., Пахомов А. Н., 2020

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

Семенов Григорий Михайлович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Пахомов Алексей Николаевич,
заместитель начальника кафедры
огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

Semenenko Grigori Mikhailovich,
deputy head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Pakhomov Alexey Nikolaevich,
deputy head of the fire and of physical training
of the Volgodonsk branch
of Rostov law institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

* * *

УДК 343.211
ББК 67.408.0

DOI 10.25724/VAMVD.OBCD

С. В. Шевелева, Е. О. Яковлева

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ***

На фоне стремления к общей гуманизации уголовной политики не только в России складывается типичная необходимость в законодательном уточнении, а в отдельных случаях — закреплении тех институтов уголовного права, которые направлены на оптимизацию текущих финансовых расходов в связи с реализацией уголовно-правовых норм. Поэтому, по мнению авторов, отдельного внимания должны заслуживать именно те научные направления современных исследований, которые в большей мере касаются выявления наиболее перспективных векторов экономизации отрасли, ныне трактуемой неоднозначно. В статье указывается на двоякий характер понимания экономизации отрасли, предлагаются авторские определения. Указывается на назревшую потребность в принятии комплекса решений, в том числе на законодательном уровне, направленных на сокращение издержек уголовного судопроизводства и повышение бюджетной доходности при реализации уголовно-правовых институтов имущественного характера. Предполагается, что дихотомия экономизации позволит исключить некоторые расходы в связи с деятельностью правоохранительных органов и суда, а также построить эффективный государственный механизм возмещения ущерба потерпевшим от преступлений, в первую очередь тем, кто пострадал от преступлений террористического характера.

Ключевые слова: экономизация, санкция, защита потерпевших, национальная безопасность, уголовное право, уголовно-исполнительное право, наказание, бюджетная эффективность.

S. V. Sheveleva, E. O. Yakovleva

**PROBLEMS OF ECONOMIZATION OF CRIMINAL LAW IN RUSSIA:
TRENDS AND LIMITS OF IMPLEMENTATION**

Against the background of the desire for a general humanization of criminal policy, not only in Russia, there is a typical need for legislative clarification, and in some cases — consolidation, of those institutions of criminal law that are aimed at optimizing current financial expenditures in connection with the implementation of criminal law norms. Therefore, according to the authors, special attention should be paid to those scientific directions of modern research that are more concerned with identifying the most promising vectors of economization of the industry, which is currently interpreted ambiguously. The article points out the dual nature of understanding the economization of the industry, and offers author's definitions. It is pointed out that there is an urgent need to make a set of decisions, including at the legislative level, aimed at reducing the costs of criminal proceedings, and increasing budget profitability in the implementation of criminal legal institutions of a property nature. It is assumed that the dichotomy of economization will eliminate some of the costs associated with the activities of law enforcement agencies and the court, and will also allow you to build an effective state mechanism for compensating victims of crimes, especially those who have suffered from terrorist crimes.

Key words: economization, sanction, victim protection, national security, criminal law, penal law, punishment, budget efficiency.

Современная нестабильность в экономике предполагает поиск внутренних резервов и эффективного использования существующего потенциала, создания и осмысления новой адаптивной модели развития. Данное обстоятельство побуждает к поиску новых сфер оптимизации экономики,

в частности уголовно-правовой отрасли. С учетом того что данная отрасль является самой экономически затратной, необходимо принятие комплекса решений, в том числе на законодательном уровне, направленных на сокращение издержек уголовного судопроизводства, с одной стороны, и повыше-

ние бюджетной доходности при реализации уголовно-правовых институтов имущественного характера (штраф, судебный штраф, конфискация имущества, освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, иные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, где одним из ключевых условий является возмещение вреда, причиненного преступлением), с другой стороны.

Проблемность вопроса в том числе характеризуется двойственной природой понимания и отсутствием понятийно-категорийного аппарата экономизации уголовного права. В первом случае экономизацию можно расценивать как признак уголовно-правовых мер воздействия, имеющих в своей основе компенсационную составляющую по отношению к уголовно-процессуальным издержкам, выраженным в финансовом эквиваленте. Во втором случае экономизацию следует понимать как функцию отрасли уголовного права, направленную на снижение частоты применения репрессивных мер уголовно-правового воздействия к осужденным. Подобная трактовка возможна в рамках воплощения принципа рационального применения средств принуждения и исправления в отношении виновных лиц с учетом экономических интересов государства и потерпевшего.

Дихотомия экономизации, таким образом, позволит исключить некоторые расходы в связи с деятельностью правоохранительных органов и суда и в то же время построить эффективный государственный механизм возмещения ущерба потерпевшим от преступлений. Поэтому одной из целей современных научных исследований доктрины уголовного права должна быть подготовка аргументированных научных положений, касающихся создания государственного внебюджетного фонда, предназначенного для компенсации вреда потерпевшим от преступлений. В ходе актуальных исследований должны определяться вопросы не только о порядке и размере компенсации, но и иные процедурные вопросы, включающие в себя в том числе очередность получения выплат, где потерпевшие от преступлений террористического характера, как нам представляется, должны иметь преимущественное положение.

Несомненно, разработка теоретико-методологического концепта повышения бюджетной эффективности уголовного судопроизводства и системы исполнения наказания должна решаться путем оптимизации государственных средств, расходующихся на функционирование системы в рамках комплексного исследования составов преступле-

ний на предмет вероятной декриминализации, с синхронной оценкой размера и вида наказаний в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и институтов Общей части УК РФ [1], непосредственно или опосредованно определяющих предельную экономическую и социальную полезность.

Эффективное достижение поставленной цели, по нашему суждению, зависит от качественного и своевременного исполнения следующих задач:

1. Проведения теоретико-правового анализа уголовно-правовых мер имущественного характера (штраф, судебный штраф, конфискация имущества).

2. Проведения сравнительно-правового мониторинга реализации институтов имущественных уголовно-правовых мер зарубежных государств через призму экономической готовности, а также с учетом социальной целесообразности, особенностей менталитета и правовой культуры российского общества.

3. Исследования современных подходов к интроспекции экономических законов в уголовно-правовую отрасль.

4. Выявления тенденций оптимизации уголовного и уголовно-исполнительного права.

5. Формирования категорийно-понятийного аппарата соответствующей области исследования.

6. Правовой оценки уголовно-процессуальных издержек в части возможности их оптимального перераспределения при установлении основных источников формирования средств для возмещения ущерба от преступления.

7. Проведения анализа правового положения потерпевшего с позиций сформированности доктринальной, законодательной и правоприменительной базы, ориентированной на компенсацию вреда от преступлений.

8. Разработки экономико-организационного механизма для частного бизнеса, готового участвовать в исполнении наказаний; создания дополнительных стимулов к такому участию малого и среднего звена бизнеса в виде государственной поддержки или отдельных видов финансового субсидирования.

9. Анализа рисков вовлеченности частного капитала в производственный комплекс уголовно-исполнительной системы.

10. Разработки теоретико-методологического подхода к уголовно-правовой охране имущественных интересов потерпевших и государства.

11. Разработка концепции создания и функционирования внебюджетного государственного фонда, предназначенного для компенсации вреда потер-

певшим, где преимущественное право получения должны иметь лица, пострадавшие от особо тяжких преступлений против общественной безопасности.

Совокупность методов проводимых современных исследований в первую очередь должна базироваться на материалистической диалектике. Ее применение необходимо, поскольку общественные отношения, в том числе уголовно-правовые, обладают ярко выраженными диалектическими характеристиками самовоспроизведения и самодетерминации. Данный подход позволяет максимально полно, глубоко и всесторонне выявлять общие закономерности возникновения и эволюции общественных явлений, включая правовые. Помимо этого основополагающего метода научного познания не меньшей значимостью и потребностью в использовании обладают и традиционные для теоретико-прикладных правовых исследований общенаучные, частнонаучные и специальные методы: метод сравнительного правоведения, метод интерпретации права, системно-структурный, статистический, корреляционный, социологический методы, контент-анализ научных публикаций, различные виды экстраполяции и др. Разработанный при помощи мировоззренческих методологических принципов в результате таких исследований понятийный аппарат экономизации уголовно-правовой отрасли позволит выработать единое понимание категорий и сформулировать общие правила применения соответствующих уголовно-правовых норм.

В правовом государстве человек представляет наивысшую ценность, и его защита может быть гарантирована в том числе уголовно-правовыми средствами. Согласно ст. 2 УК РФ охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений являются задачами уголовного закона. Все институты уголовного закона призваны обеспечить баланс интересов по охране социальных ценностей при рациональном применении уголовно-правовых средств охраны.

Однако возникают некоторые дискуссионные вопросы в части финансового эквивалента действия отдельных институтов правоприменения. Так, затратность уголовно-правового механизма обусловлена необходимостью, с одной стороны, обеспечения прав лиц, совершивших преступле-

ние, с другой — защитой потерпевших и минимизацией последствий причиненного вреда. Вряд ли возможно вести речь об эффективности, когда результатом работы механизма уголовно-правовой защиты является неотбытое наказание или неисполненные меры уголовно-правового характера. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2018 г. суммарный размер штрафа, назначенного в качестве основного наказания, составил 8,211 млн руб., добровольно уплачено чуть более 668 млн руб., что составляет 8,14 %. Принудительно исполнено исполнительных листов на сумму более 744 млн руб., что составляет 9 %. Таким образом, только в 2018 г. государство недополучило 6,799 млн руб. по штрафам, назначенным в качестве основного наказания [2].

Эффективность реализации обязательных, исполнительных, принудительных работ тоже находится на крайне невысоком уровне ввиду отсутствия экономических стимулов для потенциальных работодателей, готовых принять на свое производство таких осужденных. При этом в случае уклонения от отбывания данных видов наказаний, пропорция замены на более строгое наказание настолько низка, что предопределяет выбор осужденного в пользу отбытия более строго наказания, свидетельствуя не только о недостижении целей наказания, но и в целом дискредитируя уголовно-правовые механизмы охраны. В отдельных случаях уклонение от отбывания наказания не сопровождается уголовно-правовой реакцией из-за отсутствия рычагов воздействия.

Перманентно проводимые реформы уголовно-исполнительной системы не решают проблемы обеспечения рабочими местами осужденных, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества. В настоящее время нет эффективного механизма вовлечения частного капитала в развитие промышленного потенциала уголовно-исполнительной системы и конкурентных преимуществ для предпринимателей, готовых сотрудничать с исправительными учреждениями. На доктринальном уровне вполне обоснованно обсуждается вопрос создания частных тюрем. С учетом последних тенденций законодательства и правоприменительной практики (в том числе влияния практики Европейского Суда по правам человека), по меньшей мере на теоретическом уровне, возникает перспектива «кристаллизации» уголовных проступков. Серьезные нарекания со стороны научного сообщества имеются в адрес таких институтов, как судебный штраф и конфи-

скация имущества. Это связано с рядом технико-юридических погрешностей уголовно-правовых норм, а также с нестабильностью, непоследовательностью, а в ряде случаев недостаточной сформированностью правоприменительной практики.

Исходя из передовой практики зарубежных государств, требуется формулирование принципиально новых механизмов взаимоотношений участников уголовно-правовых отношений, структурно визуализирующихся в триаде акторов «виновный — государство — потерпевший», где должны быть определены имущественные пределы компенсации вреда от преступления. В настоящее время только в случае резонансных событий, приведших к массовой гибели граждан, государство выплачивает компенсацию, являющуюся актом выражения государственной воли. Однако миллионы потерпевших сталкиваются с отсутствием возможности получения такой помощи за неимением соответствующих целевых государственных ресурсов, а также мер, стимулирующих виновных к возмещению вреда. Поэтому приобретает особую значимость исследование возможности законодательного закрепления иной меры уголовно-правового характера взамен наказания — пожизненного содержания потерпевшего за счет средств виновного лица. Применение такой меры наиболее очевидно в контексте совершения неосторожных преступлений.

Предпосылкой экономизации уголовно-правовой отрасли является декриминализация тех составов преступлений, которые не обладают качественно-количественными признаками общественной опасности. Лишенные научной обоснованности санкции отдельных составов преступлений требуют переосмысления. Большинство изменений размеров санкций, внесенных в УК РФ за 25 лет, можно оценить как «прямые образующие силы современной противоречивой нравственной действительности», когда, по выражению Президента Российской Федерации, обществу «не хватает общей культуры и морально-нравственных ограничений», а «нехватка морально-нравственных ограничений влияет на характер преступности, ее структуру» [3, с. 56].

Обозначенное свидетельствует о назревшей необходимости осуществления принципиально нового подхода к оценке уголовно-правовых норм во взаимосвязи с уголовно-исполнительным законодательством для поиска оптимальных решений, направленных на повышение доходности от работы уголовно-правовых институтов, и изыскания механизмов материальной поддержки потерпевших.

Теоретико-методологическое обоснование экономизации уголовно-правовой отрасли заключается в разработке методов, принципов, инструментария снижения издержек государства на всех стадиях уголовного судопроизводства с использованием организационно-экономических механизмов создания и функционирования внебюджетного государственного фонда. Особому научному анализу при помощи методологического принципа системности и через призму критериев качества уголовного закона должны быть подвергнуты последние законодательные новеллы в рассматриваемой области.

Предвидится, что посредством проведения научных исследований, обозначенных нами ранее, должен быть взят курс на достижение таких важнейших результатов, как:

1. Расширение теоретических знаний относительно новых правовых категорий (формирование категориально-понятийного аппарата), а также имплементации организационно-экономических механизмов в уголовно-правовую отрасль.

2. Ревизия уголовно-правовых норм, содержащих предпосылки экономизации.

3. Выявление дисбаланса и технико-юридических погрешностей норм, регламентирующих имущественные виды уголовно-правового воздействия. Идентификация «узких мест» в практике применения штрафа как вида уголовного наказания, судебного штрафа и пр. Так, по мнению отдельных авторов, существует реальная необходимость корректировки некоторых уголовно-правовых инструментов. Например, к ним могут быть отнесены «нормы о конфискации имущества как меры уголовно-правового характера... и вызвавшие неоднозначную реакцию в среде практикующих юристов» [4, с. 71].

4. Получение новых научных данных о современном состоянии и эффективности уголовно-правовых институтов зарубежных стран, положительный опыт реализации которых может быть фрагментарно интегрирован в отечественное уголовное судопроизводство и уголовно-исполнительную систему.

5. Теоретическое обоснование необходимости модернизации отечественного законодательства применительно к процессам экономизации уголовно-правовой отрасли.

6. Разработка новых механизмов, способствующих формированию стимулов (мотивации) правопослушного поведения осужденных. Так, с точки зрения отдельных авторов «при достижении целей уголовного наказания, а в частности

исправления осужденных, стоит придавать отдельную значимость средствам исследования их психофизиологического состояния» [5, с. 375].

7. Выработка конкретных предложений по повышению бюджетной эффективности уголовно-правовой отрасли.

8. Систематизация рисков вовлеченности частного капитала в производственный комплекс уголовно-исполнительной системы и предложения по их минимизации.

9. Теоретическое обоснование положений о введении новой меры уголовно-правового характера «Пожизненное содержание потерпевшего от преступления» взамен наказания с установлением ответственности за уклонение от ее исполнения.

10. Создание концепции функционирования внебюджетного государственного фонда, предназначенного для компенсации вреда потерпевшим, где преимущественное право получения должны иметь лица, пострадавшие от особо тяжких преступлений против общественной безопасности.

Полученные результаты и выводы в ходе проводимых научных исследований могут быть использованы:

- в деятельности правоохранительных органов;
- учебном процессе высших учебных заведений юридическое и экономико-управленческого

***Примечание**

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Сведения о штрафах и иных денежных взысканиях в доход государства, наложенных судом общей юрисдикции (мировым судьей), и их исполнении за 12 месяцев 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item> (дата обращения: 01.04.2020).

3. Минязева Т. Ф. Пределы вариантности уголовно-правовых санкций // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12). С. 56—60.

4. Лукашов А. И., Шевелева С. В., Яковлева Е. О. Правовая регламентация в России и Республике Беларусь конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51). С. 70—84.

профиля, научной деятельности, законотворческом процессе;

— теоретико-правовых исследованиях проблем государственного механизма, совершенствовании правового статуса акторов уголовного судопроизводства;

— проведении отраслевых научных исследований;

— применении результатов научных исследований неюридического характера: экономика, социология, менеджмент и т. д.;

— при разработке образовательных программ, учебников, учебных пособий, методических рекомендаций;

— при подготовке выпускных квалификационных работ в рамках рассматриваемого научного направления.

Считаем, что достаточно оправданно суждение о том, что представленные научные результаты и отдельные теоретические положения имеют большое методологическое значение для дальнейших исследований по проблемам развития уголовно-правовой отрасли как в России, так и за рубежом, особенно если речь идет о ее перспективах и векторах развития в сторону экономизации.

1. Criminal code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 (as amended on 18.02.2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Information about fines and other monetary penalties to the state's income imposed by a court of General jurisdiction (a justice of the peace), and their execution for 12 months of 2018. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item>. Accessed: 1 April 2020.

3. Minyazeva T. F. Limits of variation of criminal law sanctions. Eurasian bar. 2014; 12 (5): 56—60.

4. Lukashov A. I., Sheveleva S. V., Yakovleva E. O. Legal regulation in Russia and the Republic of Belarus of property confiscation as another measure of criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019; 51 (4): 70—84.

5. Яковлева Е. О. Методики психологического диагностирования осужденных // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Курск: ЮЗГУ, 2019. Ч. 1. С. 375—379.

© Шевелева С. В., Яковлева Е. О., 2020

Шевелева Светлана Викторовна,
декан юридического факультета,
профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: decan46@yandex.ru

Яковлева Елена Олеговна,
доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук;
e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

5. Yakovleva E. O. Methods of psychological diagnostics of convicts. In: Criminal law in an evolving society: problems and prospects: collection of scientific articles. Kursk: SWSU; 2019; Part 1. 375—379.

© Sheveleva S. V., Yakovleva E. O., 2020

Sheveleva Svetlana Viktorovna,
head of the faculty of law,
professor at the department of criminal law
of the Southwest State University,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: decan46@yandex.ru

Yakovleva Elena Olegovna,
associate professor at the department
of criminal law of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences;
e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

* * *

Я. А. Климова

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СТАТУСА ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Статья посвящена исследованию проблемы правового регулирования статуса прокурора в досудебном производстве уголовного процесса. На основе анализа различных научных источников, судебной и правоприменительной практики выявляются пробелы и коллизии в законодательном регулировании правового статуса прокурора, что отрицательно сказывается на возможности реализации прокурором возложенных на него функций. Предлагаются пути решения проблемы, способствующие повышению эффективности деятельности прокурора как гаранта соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. С целью комплексного исследования проблемы законодательной регламентации полномочий прокурора как лица, уполномоченного осуществлять от имени государства уголовное преследование, рассматриваются различные точки зрения ученых-процессуалистов. Приводятся статистические данные, подтверждающие необходимость законодательного расширения полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Автор делает вывод о том, что с целью повышения эффективности деятельности прокурора необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве право прокурора на возбуждение уголовного дела.

Ключевые слова: прокурор, статус, полномочия, эффективность прокурорского надзора, досудебное производство, возбуждение уголовного дела.

Ya. A. Klimova

**PROBLEMATIC ISSUES OF PUBLIC PROSECUTOR'S
STATUS LEGAL REGULATION IN PRETRIAL PROCEEDINGS**

This article is dedicated to the study of the public prosecutor's status legal regulation in pretrial proceedings within proceedings in criminal matters. Based on analyses of diverse scientific information sources, summary of court rulings and law enforcement practices loopholes and conflicts of laws of the public prosecutor's status legal regulation what have an adverse effect on prosecutor's possibility to implement vested powers. Problems solutions are offered that will contribute to increase of effectiveness of prosecutor's activities as a guarantor for provision of rights and lawful interests of parties to criminal proceedings. With the purpose of comprehensive research of legislative regulation of prosecutor's powers as a person who is authorized to prosecute criminally on behalf of the state different opinions of scientists-processualists are reviewed. Statistical data are provided that prove the necessity for the legislative broadening of prosecutor's powers at the stage of institution of a criminal proceeding. The author concludes that aiming to increase effectiveness of prosecutor's activities it is necessary to capture in criminal procedure legislation prosecutor's right to institution of criminal proceedings.

Key words: public prosecutor, status, authorities, effectiveness of the public prosecutor's supervision, pretrial proceedings, institution of criminal proceeding.

В настоящее время одной из актуальных проблем в современной отечественной уголовно-процессуальной науке является вопрос правового регулирования процессуального статуса прокурора. Высокую степень значимости предопределяют непрекращающиеся поиски оптимальной правовой регламентации статуса данного участника уголовного судопроизводства, наполнения его тем или

иным набором функций и полномочий, который бы обеспечивал эффективную деятельность прокурора в качестве гаранта соблюдения процессуальных прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства.

На важность фигуры прокурора в обеспечении законности в своем послании Федеральному Собранию, состоявшемся 15 января 2020 г., указал

Президент Российской Федерации В. В. Путин. Он подчеркнул необходимость внесения изменений в Конституцию Российской Федерации с целью дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие. Президент сделал акцент на том, что именно прокурор является сквозной верховной властью, следящей за исполнением закона вне зависимости ни от каких обстоятельств, прежде всего в интересах граждан. В. В. Путин также высказал предложение о назначении прокуроров регионов по итогам консультаций с Советом Федерации, что в результате позволит прокурору субъекта Российской Федерации стать более значимым инструментом контроля [1].

Значимость роли прокурора в уголовном процессе порождает активные дискуссии о его полномочиях как среди ученых-процессуалистов, так и среди правоприменителей. По справедливому замечанию профессора Е. А. Зайцевой, вмешательство в права человека со стороны публичных субъектов уголовного процесса должно быть соразмерно целям судопроизводства, а законодательство и практика должны содержать достаточно гарантий для защиты личности от злоупотреблений [2, с. 42]. Именно поэтому прокурор является ключевой фигурой, обеспечивающей такие гарантии в досудебном производстве по уголовному делу.

Неутихающие споры об объеме полномочий и процессуальном статусе прокурора свидетельствуют о незавершенности реформирования уголовного судопроизводства в части оптимального закрепления его значимых процессуальных фигур. Вопрос о необходимости реформирования статуса прокурора неизменно влечет за собой вопрос об изменении статуса следователя и введении института следственного судьи. Об этом свидетельствует опрос, проведенный Международной ассоциацией содействия правосудию в январе 2020 г., по результатам которого за необходимость пересмотра объема полномочий прокурора на досудебных стадиях высказались лишь 16 % опрошенных, а большинство респондентов — за необходимость реформирования статуса следователя (37 %). Интерес представляет тот факт, что за изменение статуса государственного обвинителя не проголосовал ни один человек, что свидетельствует о наличии существенных проблем в законодательной регламентации полномочий прокурора именно в досудебном производстве [3].

Считаем правильным присоединиться к мнению А. В. Рагулина, считающего, что в уголовно-

процессуальном законодательстве необходимо закрепить такой объем процессуальных полномочий прокурора, который бы коррелировал с требованиями обеспечения конституционных прав участников уголовного судопроизводства и способствовал бы прогрессивному развитию правоохранительной системы государства, а также эффективному исполнению законодательства [4, с. 56].

В связи с этим законодатель находится в непрекращающемся поиске оптимальной модели наиболее эффективной законодательной регламентации полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. На это указывают постоянные изменения и дополнения в уголовно-процессуальном законодательстве.

Большинство корректив обусловлено объективными причинами: необходимостью законодательного оформления новых институтов, урегулирования новых уголовно-процессуальных отношений либо совершенствования уже существующих положений с учетом современных реалий уголовного судопроизводства.

Однако значительная часть изменений связана с попыткой законодателя «залатать» имеющиеся процессуальные лакуны и коллизии, существующие в правовой регламентации деятельности прокурора.

Здесь целесообразно сказать о необходимости оценки законодательных изменений с точки зрения критерия эффективности, т. е. показателя степени соответствия планируемого правотворческого и достигнутого правоприменительного результатов. Согласимся с мнением, высказанным М. А. Соколовой, что деятельность по выявлению и устранению дефектов должна быть направлена не на корректировку отдельных недостатков, а осуществляться комплексно, с соблюдением правил юридической техники. В противном случае эта деятельность является бессистемной, трудозатратной и практически бессмысленной [5, с. 157].

Так, с момента кардинального усечения полномочий прокурора в результате принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“», выразившегося в первую очередь в лишении прокурора права возбуждать уголовное дело, законодатель пытается скорректировать явные противоречия, допущенные в ходе реформирования полномочий прокурора.

В виде своеобразной компенсации законодатель принимает Федеральный закон от 28 декабря

2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия», который наделяет прокурора правом выносить постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) прокурор, выявив факты нарушений уголовного законодательства, уполномочен вынести такое постановление, которое является, по сути, инициацией возбуждения уголовного дела.

Считаем правильным присоединиться к мнению В. А. Лазаревой, что необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела являются массовым явлением, в связи с этим необходимы не бесконечная переписка прокурора с руководителем следственного органа, а более эффективные и своевременные средства прокурорского реагирования [6].

Особенную актуальность полномочия прокурора приобретают в свете принятия последних изменений в уголовно-процессуальное законодательство, внесенных федеральными законами от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ, № 499-ФЗ, № 500-ФЗ. Основными целями изменений являются предупреждение и устранение нарушений при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, урегулирование вопросов подследственности уголовных дел.

Так, Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были расширены полномочия прокурора в досудебном производстве.

В частности, уточнена дефиниция «сообщение о преступлении» путем внесения дополнения в п. 43 ст. 5 УПК РФ, согласно которому помимо традиционных (заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления) к сообщению о преступлении отнесено постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Особой новеллы в этом нет, поскольку постановление прокурора в качестве повода для возбуждения дела закреплено в ст. 140 УПК РФ еще в 2010 г. Законодатель, по сути, закрепил норму, уже существовавшую в УПК РФ и реализуемую правоприменительной практикой, тем самым исправив дефекты юридической техники.

Так, И. С. Дикарев положительно оценил выделение законодателем постановления прокурора в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела, поскольку при поступлении в органы предварительного расследования информация, содержащаяся в постановлении прокурора, не требует дополнительного процессуального оформления, а может сразу же быть использована как полноценный повод для возбуждения уголовного дела [7, с. 54].

Противоположного мнения придерживается М. Т. Аширбекова, которая, рассматривая правовую природу постановления прокурора, приходит к выводу, что оно является прежде всего актом прокурорского реагирования на обнаруженные нарушения закона. В связи с этим, учитывая правовую природу прокурорской деятельности, постановление прокурора не может пониматься в значении повода для возбуждения уголовного дела [8, с. 19].

Еще одним изменением в сфере полномочий прокурора является наделение прокурора полномочием требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), и разрешать споры о передаче сообщения о преступлении по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Указанные полномочия нашли ведомственное закрепление в приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (далее — Приказ № 33) и от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» (далее — Приказ № 277).

Согласно п. 3 Приказа № 33 прокурор обязан строго следить за соблюдением правил подследственности как при расследовании преступлений, так и при рассмотрении, разрешении сообщений о преступлениях. В соответствии с п. 1.2 Приказа № 277 прокурор уполномочен проверять законность принятых органами предварительного расследования решений о направлении сообщений о преступлениях по подследственности, а при наличии оснований самостоятельно принимать решение о передаче материалов, находящихся в производстве, от одного органа предварительного рассле-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

дования другому, а также вправе проверять соблюдение единого порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, а также законность и обоснованность принимаемых по ним решений.

С положительной стороны следует оценить следующие нововведения законодателя: во-первых, установление правила об обязательном направлении в течение 24 часов копии решения о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ прокурору с момента принятия такого решения органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа; во-вторых, наделение прокурора полномочием разрешения споров о передаче сообщения о преступлении по подследственности в течение 3 суток с момента поступления обращения.

Однако указанные изменения касаются по большей части восполнения пробелов в регулировании в уголовно-процессуальном законодательстве уже существующей правоприменительной практики. И они реально не расширили спектр полномочий прокурора. На наш взгляд, давно назревшей необходимостью является возвращение прокурору полномочия по самостоятельному возбуждению уголовного дела.

Так, согласно данным статистики в 2019 г. наблюдается существенный рост количества направленных материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ — на 14,9 %. При этом число возбужденных уголовных дел по материалам, направленным прокурором, стабильно растет год от года (в 2018 г. — на 4,5 %, в 2019 г. — на 13 %) (табл. 1) [9].

Таблица 1

Надзор прокурора за исполнением законов в досудебном уголовном производстве

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	% (+;—)	2019 г.	% (+;—)
Всего выявлено нарушений законов, из них:	3 469 801	3 474 890	0,1	3 481 812	0,2
— при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	2 555 335	2 507 800	—1,9	2 460 456	—1,9
— при производстве следствия и дознания	914 466	967 090	5,8	1 021 356	5,6
Направлено требований об устранении нарушений законодательства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	183 636	203 968	11,1	217 841	6,8
Направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	3 865	3 672	—5,0	4 219	14,9
Возбуждено уголовных дел по материалам, направленным прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	3 030	3 166	4,5	3 578	13,0
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	111 647	122 272	9,5	132 196	8,1

Статистические показатели свидетельствуют, что необходим не только качественный и эффективный надзор прокурора на стадии возбуждения уголовного дела за органами, осуществляющими предварительное расследование, но также следует наделить прокурора как лицо, реализующее

функцию уголовного преследования, действенными инструментами своевременного незамедлительного реагирования на факты, содержащие признаки преступления, в виде права возбуждать уголовные дела самостоятельно.

Помимо статистических данных в поддержку нашего мнения целесообразно привести материалы опроса правоприменителей из шести субъектов РФ, осуществленного Е. Н. Гринюк и Е. А. Зайцевой, который показал, что за возвращение прокурору права самостоятельно возбуждать уголовные дела высказываются 89 % проанкетированных работников прокуратуры [10, с. 151].

Считаем правильным присоединиться к мнению Ю. П. Синельщикова, считающего необходимым ввести полномочие по возбуждению уголовного дела, поскольку это сократит время, которое прокурор затрачивает на последующий надзор, в результате того, что нарушения будут выявляться до возбуждения уголовного дела и это в целом сократит время переписки между ведомствами [11, с. 9]. Его мысль развивает прокурор А. В. Петров, полагающий, что предоставление законом полномочия о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании вместо воз-

вращения прокурору права возбуждения уголовного дела является многоступенчатым и неэффективным способом реагирования прокурора на обнаруженные признаки преступления [12, с. 232].

Таким образом, считаем целесообразным и логичным расширить полномочия прокурора путем предоставления ему права по фактам выявленных им в ходе прокурорских проверок преступлений вместо вынесения постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании самостоятельно возбудить уголовное дело. Для остальных случаев за прокурором необходимо сохранить надзорные полномочия, позволяющие эффективно, а не только на декларативном уровне реагировать на незаконные решения органов предварительного расследования о возбуждении уголовного дела.

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/2> (дата обращения: 15.05.2020).

2. Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 38—45.

3. Опрос Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <https://www.iauaj.net/node/2788> (дата обращения: 17.05.2020).

4. Рагулин А. В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 52—65.

5. Соколова М. А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 192 с.

6. Лазарева В. А. Долгожданнные изменения в статусе прокурора (закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. URL: <http://www.center-bereg.ru/j1028.html> (дата обращения: 13.05.2020).

7. Дикарев И. С. Четвертый повод для возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 3. С. 53—55.

8. Аширбекова М. Т. Поводы к возбуждению уголовного дела // Законность. 2012. № 10. С. 16—19.

9. Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 16.05.2020).

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on January 15, 2020. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/page/2>. Accessed: 15 May 2020.

2. Zaitseva E. A. Regulation of forensic examination at the stage of institution of a criminal proceeding: contemporary state and improvement ways. *Forensic examination*. 2016; 1 (45): 38—45.

3. Enquiry of the International Association for Justice Promotion. Available from: <https://www.iauaj.net/node/2788>. Accessed: 17 May 2020.

4. Ragulin A. V. On necessity for the broadening of prosecutor's powers as a party to a criminal proceeding in the Russian Federation. *Eurasian Bar association*. 2017; 4 (29): 52—65.

5. Sokolova M. A. Detection and elimination of defects of laws and regulations in law-making. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2018: 192.

6. Lazareva V. A. Long-expected changes in the status of a prosecutor (Act of December 28, 2010 No. 404-ФЗ). *Criminal proceeding*. 2011; 3. Available from: <http://www.center-bereg.ru/j1028.html>. Accessed: 13 May 2020.

7. Dikarev I. S. The fourth cause for institution of criminal proceeding. *Rules of law*. 2012; 3: 53—55.

8. Ashirbekova M. T. Causes for institution of criminal proceeding. *Rules of law*. 2012; 10: 16—19.

9. General Prosecutor's Office of the Russian Federation: official web-site. Available from: <http://www.genproc.gov.ru/stat/data/>. Accessed: 16 May 2020.

10. Гринюк Е. Н., Зайцева Е. А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 212 с.

11. Синельщиков Ю. П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре в сфере досудебного уголовного процесса // Законность. 2015. № 10. С. 6—9.

12. Петров А. В. Проблемные вопросы теории и практики прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела // Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (39). С. 229—235.

© Климова Я. А., 2020

Климова Яна Александровна,

старший преподаватель
кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: musisss@rambler.ru

10. Grinyuk E. N., Zaitseva E. A. Prosecutor's role enforcement of rights of parties to pretrial proceedings in criminal matters. Monograph. Volgograd: VA of MIA of Russia; 2013: 212.

11. Sinelschikov Yu. P. Perspectives for development of law on prosecutor's office in the prejudicial criminal proceeding field. Lawfulness. 2015; 10: 6—9.

12. Petrov A. V. Problematic theoretical and practical issues of supervision by the public prosecutor in course of institution of criminal proceeding. Humanities Researches. 2011; 3 (39): 229—235.

© Klimova Ya. A., 2020

Klimova Yana Aleksandrovna,

senior lecturer at the administrative activities
and public order maintenance department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: musisss@rambler.ru

* * *

УДК 343.14
ББК 67.410.204

DOI 10.25724/VAMVD.ODEF

П. В. Козловский

**ПРОВЕРКА И ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ОСНОВАННЫХ НА ОБОБЩЕНИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ**

Статья посвящена проверке и оценке достоверности доказательств, формируемых человеком и автоматизированными системами в результате обобщения и систематизации сведений, которые рассматриваются в качестве разновидности производных доказательств.

Автор разделяет их на три группы: 1) сформированные человеком; 2) сформированные техническими средствами; 3) комплексного характера, сформированные и техническими средствами, и человеком. Выделены ключевые признаки данной разновидности доказательств: 1) получение из двух и более источников или в результате обработки массива сведений; 2) наличие качественно новых свойств, которые отсутствуют у совокупности первоисточников.

На основании изучения правоприменительной практики сделан вывод о том, что исследуемая разновидность доказательств, как правило, принимается органами расследования и судом без надлежащей проверки. Проанализированы риски искажения информации применительно к каждой группе.

На основе примеров из практики и смоделированных ситуаций выработаны практические рекомендации по проверке и оценке доказательств.

Обосновано, что изучение первоисточников доказательств, основанных на систематизации и обобщении сведений, носит факультативный характер. Общим правилом для данной разновидности сведений является использование производных доказательств.

Ключевые слова: оценка доказательств, обобщение, первоисточник, проверка доказательств, производные доказательства, систематизация.

P. V. Kozlovskiy

**VERIFICATION AND EVALUATION OF EVIDENCE,
BASED ON GENERALIZATION AND SYSTEMATIZATION OF INFORMATION**

The article is devoted to the verification and evaluation of the reliability of evidence generated by people and automated systems as a result of generalization and systematization of information. This data is considered as a type of derivative evidence.

The author divides them into three groups: 1) formed by a person; 2) formed by technical means; 3) complex nature, formed both by technical means and by a person. The key features of this type of evidence are highlighted: 1) getting from two or more sources or as a result of processing an array of information; 2) the presence of qualitatively new properties that are absent in the set of primary sources.

Based on the study of law enforcement practice, the author concluded that the examined type of evidence is usually accepted by the investigation bodies and the court without proper verification. The risks of misrepresentation of information are analyzed for each group.

Practical recommendations for the assessment and verification of evidence generated on the basis of practice and simulated situations.

The author proved that the examination of primary sources of evidence based on the systematization and generalization of information is optional. The general rule for this type of information is the use of derivative evidence.

Key words: evaluation of evidence, generalization, original source, verification of evidence, derivative evidence, systematization.

Исследование и оценка производных доказательств являются одной из наиболее сложных проблем доказательственного права. Риски пред-

намеренных и непреднамеренных искажений информации, прошедшей неоднократную трансформацию, существенно возрастают. Наибольшее вни-

вание в современной правоприменительной практике уделяется производным доказательствам категории Hearsay, к которым, помимо показаний с чужих слов, относят иные личные доказательства, созданные человеком: заявления, содержащиеся в письменных доказательствах, аудио- и видео-записи, сообщения электронной почты и т. п. [1], что связано с деятельностью Европейского суда по правам человека и влиянием англосаксонской модели уголовного процесса в целом.

При этом в значительной степени вне поля зрения ученых и правоприменителей остаются доказательства, сформированные в результате обобщения и систематизации информации. Нередко обеспечение требования непосредственного исследования таких документов сводится к их осмотру и оглашению в суде. Однако подлинная проверка предполагает поиск первоисточника, не ограничиваясь формальным определением доказательства [2, с. 8]. Усиливает актуальность проблемы развитие информационных технологий передачи, копирования и обработки информации [3], затрудняющее ее восприятие органами расследования и судом лично, а не через чью-то деятельность [4, с. 4—5].

Под доказательствами, сформированными в результате обобщения и систематизации информации, понимаются сведения, которые:

1. Получены из двух и более источников или в результате обработки массива сведений.

2. Обладают качественно новыми свойствами, отсутствующими у совокупности первоисточников.

Сведения данного вида можно разделить на три группы: 1) сформированные человеком; 2) сформированные техническими средствами; 3) комплексного характера, сформированные и техническими средствами, и человеком.

Первая группа включает акты, отчеты, справки, характеристики (*характеристика в ряде случаев может исходить от конкретного лица. Имеется в виду характеристика, основанная на пояснениях третьих лиц, сведениях из других документов и автоматизированных баз данных*), графики, докладные записки и т. п.

Вторая группа охватывает различные выборки сведений, зафиксированных конечным оборудованием, результаты анализа и обобщения информации с помощью автоматизированных алгоритмов. Наиболее распространенными документами данной группы являются сведения о входящих и исходящих соединениях между абонентскими устройствами, хотя круг их достаточно широк: сведения о перемещении автотранспорта в местах уста-

новки комплексов автоматизированной фиксации административных правонарушений, о продаже билетов, о графике движения поездов, об использовании транспортных карт, электронных пропусков и т. п. Подавляющее большинство документов этой группы формируется по запросу пользователя системы, их первоисточником являются массивы данных. Без обобщения и систематизации с помощью программно-аппаратных комплексов исходные данные недоступны для восприятия.

К третьей группе относятся документы, прошедшие первичную обработку с помощью программно-аппаратных комплексов, но составленные человеком, либо наоборот, основанные на данных, введенных человеком, а затем обработанных программно-аппаратными комплексами.

Риски искажения информации в документах первой группы могут быть связаны с несколькими факторами:

1. Недостоверные первоисточники (иногда источник составления документа сам может являться производным).

2. Неполнота и односторонность сведений, искажающая общее представление о факте (может быть обусловлена субъективизмом составителя, личной заинтересованностью или спецификой задачи, для решения которой составлялся документ).

3. Ошибками в применении методов анализа и обобщения сведений или за пределами их допустимого использования.

Недостоверность сведений второй группы может быть обусловлена следующими факторами:

1. Ошибками в автоматизированных алгоритмах сбора и обработки сведений.

2. Неточностями и погрешностями конечного оборудования.

3. Сбоями в работе автоматизированной базы данных (далее — АБД), вызванными как факторами технического характера, так и преднамеренным вмешательством в ее функционирование.

4. Корректировкой сведений человеком после извлечения из АБД.

При оценке сведений из третьей группы необходимо принимать во внимание факторы из обеих групп с учетом специфики документа.

Полноценная проверка вышеуказанных производных доказательств должна основываться на изучении первоисточников. Применительно к первой группе сведений одним из наиболее простых и доступных способов проверки является допрос составителя документа, в ходе которого подлежат установлению источники, послужившие основой для составления документа. Например, характе-

ристика личности обвиняемого, подготовленная участковым уполномоченным на основании опроса соседей, может быть проверена в ходе допроса указанных лиц. Более сложным случаем будет изучение достоверности документов, являющихся результатом деятельности нескольких сотрудников, а иногда и нескольких подразделений. В частности, достоверность бухгалтерского баланса может зависеть от компетентности главного бухгалтера и бухгалтеров, обрабатывающих документы первичного учета, достоверности указанных документов, а также особенностей учетной политики предприятия, которая может создавать предпосылки для появления ошибок.

Например, для получения кредита в банк направлен бухгалтерский баланс. В качестве обеспечения кредита предоставлен залог в виде трех новых дорогостоящих станков. При попытке обратиться взыскание на залог установлено, что два из трех станков отсутствуют. Организацией подано заявление в полицию об их хищении. Возникли сомнения в том, что похищенные предметы залога действительно существовали. При проверке подлинности бухгалтерского баланса необходимо учитывать, что он базируется на документах первичного учета. Источником первичного документа будет являться лицо, составившее приходную накладную (например, заведующий складом). Достоверность приходной накладной может быть проверена путем допроса лица, составившего документ, допроса лиц, оказывавших помощь в разгрузке, проведения экспертизы, получения транспортной накладной и первичных документов поставщика оборудования. Только в этом случае будет иметь место подлинная проверка представленного доказательства. Оглашение же в судебном разбирательстве бухгалтерского баланса станет лишь имитацией непосредственного исследования доказательства, по сути, означающей отказ от его проверки.

Не следует забывать, что документы, составляемые предприятиями и организациями, предназначены не для решения задач уголовного судопроизводства — от их содержания нередко зависит возможность поощрения и наказания работников, что может накладывать отпечаток на их содержание. Рассмотрим этот аспект на примере проверки достоверности табеля рабочего времени, подтверждающего отсутствие обвиняемого на месте совершения преступления. Помимо умышленного изменения данного документа с целью создания ложного алиби, искажения могут быть связаны с оплатой ранее выполненной работы (в табель

за предыдущий месяц не включили фактически отработанное время, которое по устной договоренности с руководителем подразделения включено в табель за текущий месяц), фактической оплатой одной работы под видом выполнения другой, ошибками табельщика при обобщении документов структурных подразделений и составлении общего табеля рабочего времени и т. п.^{*} Первоисточниками сведений в данном случае будут выступать руководитель структурного подразделения, табельщик, а также заявления, докладные записки и другие документы, на основании которых осуществляется расчет отработанного рабочего времени. Таким образом, проверка доказательства будет осуществляться путем допроса свидетелей и изучения первичных документов.

В целом проверка и оценка доказательств, основанных на обобщении сведений человеком, не представляет большой сложности. Проблема в значительной степени заключается в необходимости корректировки правосознания правоприменителей, отхода от сформировавшихся стереотипов, связанных с возможностью принятия на веру отдельных документов, а иногда и в непонимании сущности исследуемой деятельности.

Вопрос о проверке сведений, формируемых различными программно-аппаратными средствами, исследован мало^{**}. На практике известны случаи, когда по причине технических сбоев сведения о соединениях между абонентами оказывались недостоверными [6] или признавались недопустимыми из-за модификации в ходе проведения следственных действий [7, с. 18—21]. Но нередко проверка таких доказательств сводится к изучению порядка получения документов (наличие судебного решения, запроса, сопроводительного письма, упаковка электронных носителей), оставляя вопрос о достоверности вне поля зрения органов расследования и суда^{***}.

Рассмотрим возможные способы проверки сведений о соединениях между абонентами операторов сотовой связи. Например, обвиняемый утверждает, что имели место звонки и SMS-сообщения, не отраженные в представленной детализации телефонных переговоров. Первым шагом может стать проверка соответствия сведений, находящихся в уголовном деле, сведениям о соединениях в АБД сотовой компании. Практически это допустимо осуществить в результате осмотра сведений о соединениях в личном кабинете абонента либо повторного истребования информации о соединениях у оператора связи в присутствии

следователя. Если аутентичность полученных данных не вызывает сомнений, можно сопоставить проверяемые сведения с журналом вызовов сотового телефона и историей отправки SMS-сообщений, а также со сведениями других операторов сотовой связи (если переговоры и переписка велись между клиентами разных компаний). Предметом проверки при этом будут любые соединения с целью выявления достоверности проверяемого документа в целом, а не только применительно к спорным соединениям. Указанные рекомендации могут быть использованы лицами, не обладающими специальными знаниями, так как они малозатратны и способны выявить наиболее простые ошибки и изменения, внесенные человеком после извлечения информации из АБД, а также технические сбои при возможности сопоставления сведений из взаимосвязанных источников.

Выявление технических сбоев в работе АБД при отсутствии сведений для сравнения из внешних источников, фактов несанкционированного доступа и модификации информации представляет наибольшую сложность и может быть осуществлено только при помощи специалистов и экспертов.

Необходимо учитывать, что на полноту и достоверность сведений, обрабатываемых программно-аппаратными комплексами, могут влиять особенности содержания алгоритмов, заложенных в программное обеспечение. Для оценки корректности, полноты представленных сведений, возможности ошибок и преднамеренного искажения информации как на этапе ввода, так и на этапе обработки необходимо понимать принципы работы программы, особенности ввода информации и т. п.

Например, обвиняемый сделал заявление о необходимости проверки алиби, так как в момент совершения преступления проезжал на личном автомобиле в месте работы комплекса автоматической фиксации нарушений скоростного режима. В распечатке, представленной центром автоматизированной фиксации административных правонарушений, сведений о проезде автомобиля обвиняемого в зоне действия этого комплекса нет. Но основываться только на выборке из АБД для опровержения алиби нельзя. Необходимо допросить технического специалиста о возможных сбоях в работе комплекса и сервера, совместимости программного обеспечения, с помощью которого осуществлялась общая выборка сведений, и программного обеспечения, обеспечивающего работу самого комплекса, технические параметры конечного оборудования и т. п.

Так, помимо технических сбоев, причиной отсутствия сведений в представленной распечатке может быть наличие не полностью совместимого программного обеспечения. В этом случае сведения о движении автотранспорта через зону действия конкретного комплекса могут не обобщаться в автоматическом режиме и храниться на сервере отдельно. При проведении ремонта дороги и организации объезда по обочине технические возможности конечного оборудования могли не позволять фиксировать движение транспорта. С учетом места расположения видеокамеры не исключена возможность частичного перекрытия обзора крупногабаритным транспортом и т. п.

Распространенным примером необходимости учета алгоритмов, заложенных в компьютерные программы, является исследование в составе сведений о входящих и исходящих соединениях абонентов мобильных операторов связи информации о базовых станциях, через которые проходил сигнал. По одному из уголовных дел, рассмотренных Омским районным судом Омской области, были представлены сведения о соединениях, из которых следовало, что два телефонных разговора с интервалом менее двух минут осуществлялись через значительно удаленные друг от друга базовые станции. Был допрошен специалист, который пояснил, что при превышении предельно допустимого количества соединений вызов автоматически переводится на другую базовую станцию. С помощью иных доказательств было установлено фактическое местонахождение абонента. Сейчас для разрешения подобных вопросов специалистов в суд вызывают крайне редко, так как знания в этой части перестали быть специальными****.

В отдельных случаях корректность работы технических средств и программного обеспечения можно проверить экспериментально: проехать на автомобиле через зону действия камеры, фиксирующей административные правонарушения, воспользоваться электронным пропуском и т. п., а затем сравнить сведения, зафиксированные следователем и автоматизированной системой. Н. Ю. Соколов приводит пример более сложного судебного эксперимента с целью проверки и уточнения механизма образования электронных следов получения обвиняемым денежных средств посредством электронных платежей на счета WebMoney, открытые им на вымышленное лицо. С компьютера, установленного в зале суда, специалист продемонстрировал возможность доступа на интернет-сайты, а также механизм совершения сделки

по приобретению порнографических материалов, включая порядок получения денежных средств [7, с. 20—21].

Таким образом, непосредственное исследование такого рода доказательств, основанных на систематизации и обобщении сведений, не ограничивается их осмотром и оглашением в судебном разбирательстве. Говоря в целом о возможности использования производных доказательств, мы разделяем тезис о недопустимости отнесения их к числу второстепенных. Они могут восполнять отсутствие первоначальных, дополнять их и опровергать (если первоначальные доказательства подверглись модификации). Но при этом производные доказательства требуют особых правил работы с каждым их видом, чтобы обеспечить выполнение требования достоверности [10, с. 16—17].

Примечания

* Сведения получены в результате интервьюирования 12 сотрудников промышленных предприятий г. Омска.

** Например, единственное диссертационное исследование, посвященное получению информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, данный аспект не затрагивает [5].

*** Например, в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации говорится о необходимости соблюдения цепи законных владений электронной информацией, надлежащем копировании, позволяющем подтвердить аутентичность электронной информации [8, с. 45, 53—54]. Соглашаясь с важностью этого аспекта, необходимо отметить, что при проверке достоверности доказательства он не единственный и не самый главный.

**** Сведения получены в ходе интервьюирования 9 судей Кировского и Советского районных судов г. Омска, Омского районного суда Омской области. Необходимо отметить, что указанные сложности в оценке достоверности сведений о местонахождении абонентов компаний сотовой связи имеют место во всех регионах России [9, с. 123].

1. Галяшин Н. В. Показания с «чужих слов» как производные доказательства в уголовном процессе: монография. М.: Проспект, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Бостанов Р. А. Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. 31 с.

3. Фролов В. А. Использование производных доказательств в военных судах Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2013. № 9. С. 11—15.

4. Кальницкий В. В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования. Омск: Омская академия МВД России, 2019. 136 с.

5. Стельмах В. Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное дей-

Вместе с тем необходимо обратить внимание на специфику доказательств, основанных на обобщении информации. Исследование первоисточника в подавляющем большинстве случаев является очень трудоемким процессом, который не всегда оправдан при отсутствии спора между сторонами. Если требование о стремлении к получению показаний из первоисточника является общим правилом, то для многих доказательств, основанных на обобщении и систематизации сведений (особенно это касается обобщения и обработки данных с помощью технических средств), общим правилом будет использование производных доказательств и лишь при необходимости их проверки — обращение к первоисточникам.

1. Galyashin N. V. Hearsay testimony as derivative evidence in criminal proceedings. Monograph. Moscow: Prospekt; 2017. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Bostanov R. A. Use of derivative evidence in criminal proceedings in Russia. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod: Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 31.

3. Frolov V. A. Use of derivative evidence in military courts of the Russian Federation. Military-law journal. 2013; 9: 11—15.

4. Kalnitskiy V. V. The immediacy of trial proceedings and the evidentiary activities of the investigative bodies. Omsk: The Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 136.

5. Stelmakh V. Yu. Getting information about connections between subscribers and (or) subscriber devices as an investigative action. Abstract

стvie: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2013. 22 с.

6. Резцов А. В. Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления // Законность. 2011. № 11. С. 19—21.

7. Соколов Ю. Н. Использование информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в ходе предварительного расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 11. С. 18—22.

8. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

9. Баксалова М. А., Черданцев А. Ю. Проблемы правового регулирования действий, указанных в статьях 186 и 186.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12, № 1. С. 117—125.

10. Комаров И. М. Производные доказательства в уголовном процессе: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4. С. 12—18.

© Козловский П. В., 2020

Козловский Петр Валерьевич,
начальник учебно-научного комплекса
профессиональной служебной
и физической подготовки
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: kozlovskypv@yandex.ru

of dissertation of candidate of juridical sciences. Ekaterinburg: Ural State Law Academy; 2013: 22.

6. Reztsov A. V. Information about connections between mobile users upon establishing the circumstances of a crime. Legality. 2011; 11: 19—21.

7. Sokolov Yu. N. Use of information about connections between subscribers and (or) subscriber devices in preliminary investigation of crimes. Russian investigator. 2011; 11: 18—22.

8. Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it. Moscow: Yurlitinform; 2015: 304.

9. Baksalova M. A., Cherdantsev A. Yu. Problems of legal regulation of actions specified in articles 186 and 186.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Legal science and practice. 2016; 12 (1): 117—125.

10. Komarov I. M. Derivative evidence in criminal proceedings: agnosti and value. Problems of law-enforcement activity. 2017; 4: 12—18.

© Kozlovskiy P. V., 2020

Kozlovskiy Petr Valeryevich,
head of the educational and scientific complex
of professional service and physical training
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: kozlovskypv@yandex.ru

* * *

В. М. Корнуков, Е. В. Корнукова, Д. С. Устинов

**ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
И ОПОВЕРЖЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ**

В статье под углом зрения требований Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, в частности Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исследуются право на справедливое судебное разбирательство применительно к обвиняемому, а также возможности этого участника уголовного процесса по опровержению обвинения прежде всего путем вызова и допроса лиц, изобличающих его в совершении преступления. Комплексность, сложность и многообразие элементного состава права на справедливое судебное разбирательство порождают различные трактовки значимости отдельных его составных правил для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Иногда в литературе высказываются соображения, противоречащие сути этого права, отвергается его абсолютность и допускается возможность ограничения в связи с необходимостью обеспечения иных юридически значимых интересов и конвенционных прав. В работе обосновывается ошибочность такого подхода к трактовке одного из фундаментальных общепризнанных правовых установлений, которым является право на справедливое судебное разбирательство, в его комплексе выделяются система правил, образующих собственно права личности на справедливую судебную защиту ее интересов, и система гарантий, обеспечивающая порядок осуществления указанных прав, взаимосвязанность и взаимообусловленность которых создают уверенность в требуемом результате.

Отмечается, что важнейшей составной частью права на справедливое судебное разбирательство выступает закрепленное в подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правомочие обвиняемого требовать, чтобы показывающие против него свидетели были допрошены, или допрашивать их, реализация которого в Российской Федерации неоднократно подвергалась критике со стороны Европейского Суда по правам человека. С учетом этого обстоятельства в статье освещаются правила, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, обеспечивающие обвиняемому соответствующие возможности; предлагаются варианты их совершенствования; обращается внимание на необходимость изменения подхода к определению целей производства отдельных следственных действий, в частности очной ставки.

Ключевые слова: конституционно-правовое равенство сторон, уголовное судопроизводство, обвиняемый, обвинение, справедливость судебного разбирательства, право на опровержение обвинения, оглашение показаний свидетеля, следственные действия, очная ставка.

V. M. Kornukov, E. V. Kornukova, D. S. Ustinov

**ON ENSURING THE RIGHT TO TRUE COURT/LEGAL PROCEEDINGS
AND REBUTTING THE CHARGE**

On the basis of requirements of the Constitution of the Russian Federation and international legal acts, in particular, the European Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms authors of the given article consider the right of the accused to true legal proceedings as well as his/her ability to rebut the charge against him/her based on summoning the persons testifying his/her having committed the crime for interrogation. The complexity, ambiguousness and diversity of the component structure of the right to true court proceedings generate various interpretations of the significance of its certain component rules to ensure the right of the parties in criminal proceedings. Sometimes in the literature some authors make statements that contradict the essence of the right to true legal proceedings, reject its absolute character; consider the possibility to restrict it due to necessity to ensure other legally significant interests and conventional rights. In this article the authors prove the erroneousness of such approach to interpret one of the fundamental well-known legal institutions, that is, the right to true legal proceedings.

There are two systems in the right to true legal proceedings involving a system of rules that form the individual's rights to defend his/her interests in a fair manner during the trial as well as a system of guarantees that ensures the procedure of observing these rights, interconnectedness and interdependence of which provide the required result.

The authors note that the most important component of the right to true legal proceedings is the authority of the accused to demand to conduct interrogation of witnesses testifying against him/her in his/her presence and to ask questions. This power is fixed in subsection "D" section 3 of Article 6 of the European Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, its implementation in the Russian Federation has been constantly criticized by the European Court of Human Rights.

Taking it into account authors of the given article point out the rules to be fixed in the criminal-procedural legislation of the Russian Federation that provide the accused with appropriate opportunities; suggest options to improve these opportunities; pay attention to necessity to change the approach identifying the aims related to certain investigative actions, namely confrontation.

Key words: constitutional and legal equality of parties to be in legal proceedings, criminal proceedings, accused, charge, true legal proceedings, right to rebut the charge, witness testimony, investigative actions, confrontation.

Конституция Российской Федерации (РФ), с одной стороны, возлагает на государство, его органы и должностных лиц обязанность охранять и защищать свободу, права и законные интересы каждого гражданина и лица, не имеющего этого статуса, находящегося на территории Российской Федерации, а с другой — декларирует равенство в правах в качестве одного из исходных начал правового регулирования положения личности в стране. Требования, вытекающие из указанных конституционных положений, распространяются на все сферы жизни российского общества и приобретают специфическое отражение в отраслевом законодательстве. В уголовно-процессуальном праве, ввиду особенностей предмета его регулирования, они интерпретируются с позиции функциональной роли и процессуального статуса участников уголовно-процессуальной деятельности. В частности, согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в той же мере отвечает назначению (задачам) уголовного судопроизводства, как и защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступных деяний. Обозначение задач уголовного судопроизводства в таком ключе подразумевает установление равноправного и состязательного уголовного процесса, в котором обвиняемому предоставлены равные со стороны обвинения процессуально обеспеченные возможности по опровержению предъявленного ему обвинения. Одним из основных и важнейших уголовно-процессуальных прав этого плана, которые гарантируются обвиняемому, как, впрочем, и любому

другому заинтересованному участнику уголовного судопроизводства, является право на справедливое судебное разбирательство. Юридическая природа, сущность и основные черты этого конституционно обусловленного права нашли свое отражение и раскрытие не только в развернутой внутрироссийской системе судостроительных и судопроизводственных принципов, закрепленных в Основном законе и в отраслевом процессуальном законодательстве нашей страны, но и в требованиях международных правовых актов, прежде всего Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция).

В комплексе позиций, сформулированных в ст. 6 Конвенции, можно видеть и при желании обнаружить как систему собственно прав личности на справедливую судебную защиту ее интересов, так и систему гарантий порядка осуществления этих прав, поскольку все они настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что не могут обеспечить требуемого результата в отрыве друг от друга (о различных вариантах структурного анализа положений, содержащихся в ст. 6 Европейской Конвенции, см.: [1, с. 18—23]). А результат всех этих требований предопределен и может быть только один — справедливость судебного разбирательства по каждому делу всегда и при всех обстоятельствах. Категоричная интонация в приведенном выше суждении использована нами не случайно. Дело в том, что при трактовке основополагающих принципов обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, выработанных и используемых в своей практике Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ), в литературе иногда выделяется подход, согласно которому рассмат-

риваемое право «не является абсолютным и может быть ограничено с учетом иных значимых интересов и конвенционных прав» [2]. Тем более что об этом пишет не случайный литератор, а старший юрист Секретариата ЕСПЧ В. А. Лукашевич. Представляется, что такой подход неприемлем. Он не соответствует ни сути, ни значимости рассматриваемого права. Право на справедливое судебное разбирательство ни при каких обстоятельствах не может и не должно ограничиваться, оно является абсолютным в смысле необходимости его обеспечения и соблюдения. Это право не может быть меньше того, чем должно быть. Вопрос заключается в том, что само понятие справедливости и его трактовки судом, практикующими юристами и теоретиками права не являются однозначными. Они разнятся в том числе и применительно к конкретным обстоятельствам уголовного судопроизводства. Это наглядно проявляется, например, в споре ученых, а также при расхождении позиций нижестоящего и вышестоящего судов при рассмотрении конкретного уголовного дела.

При изложении своего отношения к рассматриваемому праву и механизму его реализации В. А. Лукашевич верно обращает внимание на комплексность, многоэлементность права, закрепленного в ст. 6 Конвенции, и на то, что наличие некоторых недостатков в судебном разбирательстве не делает его автоматически несправедливым, как он пишет, «во всей его полноте», поскольку, надо понимать, допущенные отступления нивелируются или компенсируются другими составными элементами рассматриваемого права либо сопутствующими ему действиями, совершаемыми судом [2]. Однако все это не означает, что в указанных либо в каких-то других случаях или при каких-то других обстоятельствах Конвенция допускает ограничение гарантированного ею права на справедливое судебное разбирательство. При всех возможных вариантах практического исполнения и использования расхождений и сочетания составляющих его элементов в любом судебном процессе право на справедливое судебное разбирательство обладает свойством правового императива, в котором нет и не может быть ограничения. Хочется надеяться, что отмеченный пассаж обусловлен неудачно избранной терминологией и стилистикой изложения приведенной позиции. Для большей убедительности тут, наверное, будет уместно вспомнить категорическое утверждение по рассматриваемому вопросу Л. Б. Алексеевой, которая в своем докладе, представленном на защиту в качестве докторской диссертации еще в 2003 г., указывала:

«Фундаментальность и общий характер права на справедливое судебное разбирательство позволяет отнести его к числу общепризнанных принципов международного права, не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах» [3, с. 7].

Одним из основных слагаемых указанного выше права является правомочие обвиняемого, закрепленное в подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции, допрашивать показывающих против него свидетелей и требовать, чтобы эти свидетели были допрошены. Его реализация в нашем национальном законодательстве не отличается отчетливостью, в связи с чем в адрес Российской Федерации неоднократно высказывались критические замечания в решениях ЕСПЧ [4; 5; 6].

Суть указанного выше «евроположения» заключается в признании наличия у каждого обвиняемого законодательно закрепленной возможности лично выслушать показания изобличающего его лица, задать ему опровергающие вопросы, либо поставить другие вопросы, а также вызвать для допроса и в равной степени иметь возможность допроса лиц, показывающих в его пользу, т. е. опровергающих обвинение. На основе подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции ЕСПЧ в ряде своих решений выработал систему правил по его реализации, которые в той или иной мере обсуждаются в нашей литературе [7, с. 36—45; 8, с. 37—40; 9, с. 6—9; 10, с. 51—54 и др.]. Основные из них сводятся к следующему: 1) по общему правилу все показания, на основе которых строится обвинение, должны быть получены в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний в состязательном уголовном процессе; 2) в целях обеспечения состязательности процесса, предоставления стороне защиты равных с обвинением процессуальных возможностей при наличии дефекта первого правила, вызванного неявкой свидетеля на судебное заседание, показания которого выступают основным доказательством по уголовному делу, оглашение таких показаний допускается только тогда, когда обвиняемый имел реальную возможность задать вопросы этому свидетелю и видеть ответы на них [11]; 3) одновременно с соблюдением названных выше положений стороне защиты должны быть предоставлены достаточные (надлежащие) гарантии, уравнивающие ее права на защиту, и предприняты меры, обеспечивающие справедливую оценку указанных показаний. Под такими гарантиями в решениях ЕСПЧ понимается обеспечиваемая стороне защиты, в целях уравнивания дефекта, вызванного невозможностью допроса свидетеля, совокупность законодатель-

ных положений, определяющих принципы оценки доказательств, а также иных индивидуальных мер, принятых органом, осуществляющим судопроизводство [2]. Суд должен оценивать, что было предпринято в каждом конкретном случае для минимизации ущерба правам стороны защиты в реализации права на допрос, а также достаточны ли были принятые меры. Например, была ли проведена очная ставка, ознакомлен ли обвиняемый с протоколом допроса свидетеля и т. д.

Отказ от правила ограничения использования единственного и решающего доказательства при этом не может быть оправдан, но применение его должно быть не механическим, а гибким и в обязательном порядке учитывать все обстоятельства конкретного дела [12].

Вместе с тем ЕСПЧ особо отмечает, что оглашение показаний является исключительной мерой, значительно влияющей на состоятельность процесса, поэтому перед этим должны быть исчерпаны все прочие процессуальные механизмы по обеспечению обвиняемому права на непосредственный допрос изобличающих его лиц, а решающим фактором при этом является общая справедливость уголовного судопроизводства. В частности, неявка свидетеля без уважительной причины может и не привести к нарушению подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции, если стороне защиты были предоставлены должные процессуальные гарантии, и наоборот, даже при наличии весомых причин неявки и относительно малой важности оглашаемых показаний процесс будет несправедливым, если стороне защиты не были предоставлены надлежащие процессуальные гарантии [12].

Рекомендации ЕСПЧ в определенной мере нашли отражение в Федеральном законе РФ от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ [13], которым ст. 281 УПК РФ была дополнена ч. 2.1, закрепившей следующее правило: в случаях тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд, либо когда в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить

эти доказательства предусмотренными законом способами.

Представляется, что формат законодательного закрепления права обвиняемого на допрос показывающих против него свидетелей или на их вызов для допроса изначально выбран неудачно. Он, во-первых, откровенно сужает представление о сути этого права и о его содержании, что привело к толкованию этого права как право на «оспаривание» показаний свидетелей, изобличающих обвиняемого. Во-вторых, этот формат негативно сказался на механизме реализации рассматриваемого конвенционного права, при этом чуть ли не единственным способом «оспаривания» стала очная ставка. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», где разъясняется порядок оглашения показаний и приводится пример реализации этого права, говорится о том, что «в ходе очных ставок с его участием обвиняемый может *задать вопросы* потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения» [14]. Но очная ставка, согласно закону, проводится при наличии существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц. При их отсутствии оснований для проведения этого следственного действия нет. Возникает вопрос: а если обвиняемый не согласен с показаниями лиц, его изобличающими, но существенных противоречий в их показаниях следователь не усматривает, обвиняемый вправе требовать очную ставку? И как в этом случае должен поступать следователь? Кроме того, обвиняемый может воспользоваться правом, закрепленным в ст. 51 Конституции РФ, и отказаться от дачи показаний? Как быть в этом случае? Чтобы воспользоваться правом допросить показывающих против него свидетелей или на их вызов, он должен дать показания? Ясно, что ответы на поставленные вопросы в рамках действующего российского законодательства не могут быть позитивными. Они либо превращают рассматриваемое конвенционное право обвиняемого в декларацию, либо нарушают его право на свободу дачи показаний, которое не подлежит ограничению и не может негативно сказываться на всех других его правах. В соответствии с ч. 2 ст. 49 Конституции РФ обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Его отказ от дачи показаний не означает, что обвиняемый отказывается вообще от участия в доказывании. То обстоятельство, что обвиняемый воспользовался названным конституционным правом, — говорится в постановлении Конституционного Суда РФ

от 29 июня 2004 г. № 13-П, — «не может служить основанием ни для признания его виновным в инкриминируемом преступлении, ни для наступления каких-либо неблагоприятных последствий, связанных с применением процессуальных санкций, в том числе с ограничением возможности реализации им своих процессуальных прав» [15].

Анализ исследуемой проблемы и путей ее решения приводит нас к выводу о необходимости внесения в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения более радикальных изменений. И начать это следует с преобразования порядка предъявления обвинения и соотношения этой деятельности с должным соблюдением прав обвиняемого. Общеизвестно, что обвиняемый появляется там и постольку, где и поскольку обнаруживаются и соответствующим образом фиксируются основания для обвинения лица в совершении преступления. Согласно общему порядку, применяемому по большинству уголовных дел, обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено специальное постановление о привлечении его в этом качестве (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). При этом закон обязывает должностное лицо, вынесшее соответствующее постановление, объявить его обвиняемому не позднее 3 суток с момента вынесения, обеспечивая тем самым реализацию права обвиняемого на знание того, в чем он обвиняется. Казалось бы, логично предположить, что одновременно с объявлением о привлечении в качестве обвиняемого лицу становятся известны и основания его привлечения к ответственности. Однако этого не происходит, поскольку указанная категория в соответствующем постановлении присутствует только в виде фразы «по делу собраны достаточные доказательства» без расшифровки последних. Раскрывать доказательства, положенные в основу принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого, закон следователя не обязывает. Именно это и создает в российском уголовном процессе проблему обеспечения права обвиняемого на до-

прос лиц, изобличающих его в совершении преступления. Этическая норма, исключая безусловное обвинение, на наш взгляд, должна стать законодательным правилом в современном технически и технологически оснащенном уголовном процессе, который в состоянии обойтись без тайны следствия в рассматриваемой части.

Что касается очной ставки, то она, безусловно, остается одним из основных процессуальных средств реального обеспечения обвиняемому права на допрос лиц, изобличающих его в совершении преступления, и подтверждения соблюдения правила, закрепленного в подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции. Утверждение о том, что очная ставка в нынешних условиях нежизнеспособна и потому ее следует исключить из системы следственных действий с закреплением в законе допроса потерпевшего и свидетеля с участием подозреваемого, обвиняемого, основано на превратном истолковании практики либо самой негативной практике применения соответствующих норм закона [16, с. 56; 17, с. 28; 18]. Наоборот, следовало бы расширить основания производства этого следственного действия и установить, что требование подозреваемого и обвиняемого о его проведении является обязательным для лица, осуществляющего производство по уголовному делу.

Арсенал уголовно-процессуальных средств исторически формировался и традиционно развивался в интересах следствия, отыскания и закрепления доказательств, подтверждающих подозрение и обвинение. В современных условиях при новом конституционном определении соотношения государственных и личных интересов на эту проблему следует взглянуть иначе. Каждое следственное действие и, прежде всего, очная ставка должны служить не только интересам следствия, но и обвиняемого. Ему должна быть обеспечена реальная возможность путем их производства защищать свои интересы, опровергать обвинение, изобличать лиц, безосновательно обвиняющих его в совершении преступления.

1. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 296 с.

2. Лукашевич В. А. Использование показаний отсутствующих свидетелей: основные принципы в практике Европейского Суда // Судья. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Afanasyev S. F. Right to True Legal Proceedings and its Implementation in the Russian Civil Proceedings. Monograph. Moscow: Yurilitinform; 2009: 296.

2. Lukashevich V. A. Using Testimony of Witnesses to be Absent: Basic Principles in Practice of the European Court. Judge. 2017; 4. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. в форме науч. докл. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

4. Дело «Макеев против Российской Федерации» (жалоба 13769/04) (I Секция) [неофици. пер.]: постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Дело «Мельников против Российской Федерации» (жалоба № 23610/03) (I секция): постановление Европейского суда по правам человека от 14 января 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Дело «Ходорковский и Лебедев Российской Федерации» (жалобы № 11082/06, № 13772/05) (I секция): постановление Европейского суда по правам человека от 25 июля 2013 г. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

7. Трубникова Т. В. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей: подход ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3 (111). С. 36—45.

8. Брусницын Л. В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 37—40.

9. Кальницкий В. В. Органы расследования обязаны обеспечивать право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 6—9.

10. Зайцева Е. А. Дополнения ст. 281 УПК: очередная попытка достичь разумного баланса в состязательном уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 5. С. 51—54.

11. Дело «Мирослюбов (Miroslubov) и другие против Латвии» (жалоба № 798/05) (I секция): постановление Европейского суда по правам человека от 15 сентября 2009 г. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

12. Дело «Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства» (жалобы 26766/05 и 22228/06) (Большая Палата) (извлечения): постановление Европейского суда по правам человека от 15 декабря 2011 г. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

13. О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ // Рос. газ. № 47 (6915). 2016. 4 марта.

14. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газ. № 277 (7145). 2016. 7 дек.

3. Alexeyeva L. B. Right to True Legal Proceedings: Implementation of Generally Adopted Principles and Norms of the International Law in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Dissertation in the form of a research report for the degree of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2003.

4. Decree of the European Court of Human Rights of 5 February 2009. Case on "Makeyev v. Russian Federation" (Complaint No. 13769/04) (Section I) [Informal Translation]. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Decree of the European Court of Human Rights of 14 January 2010. Case on "Melnikov v. Russian Federation" (Complaint № 23610/03) (Section I). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Decree of the European Court of Human Rights of 25 July 2013. Case on "Khodorkovsky and Lebedev v. Russian Federation" (Complaints No. 11082/06 and 13772/05) (I section). Available from: legal information portal "Garant".

7. Trubnikova T. V. Right of the Accused to Interrogate Witnesses Testifying against Him/Her: ECHR Approach. Criminal Procedure. 2014; 3: 36—45.

8. Brusnitsyn L. V. On Right of the Accused to Ask Questions to (Interrogate) Witnesses Testifying against Him/Her. Russian Justice. 2016; 5: 37—40.

9. Kalnitsky V. V. Investigation Bodies are to Ensure the Right of the Accused to Ask Questions to (Interrogate) Witnesses Testifying against Him/Her. Legislation and Practice. 2016; 1: 6—9.

10. Zaitseva Ye. A. Additions to Art. 281 to the Code of Criminal Procedure: Another Attempt to Achieve Reasonable Balance in Adversarial Criminal Proceedings. Legality. 2016; 5: 51—54.

11. Decree of the European Court of Human Rights of 15 September 2009. Case on "Miroslubov and others v. Latvia" (Complaint No. 798/05) (I section). Available from: legal information portal "Garant".

12. Decree of the European Court of Human Rights of 15 December 2011. Case on "Al-Hawaya and Tahiri v. United Kingdom" (complaints No. 26766/05 and 22228/06) (Grand Chamber) (extracts). Available from: legal information portal "Garant".

13. Federal Law of Russian Federation No. 40-FZ of 2 March 2016. "On Amendments to Article 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Russian newspaper. 2016. March 4; 6915 (47).

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of 29 November 2016. "On Court Verdict". Russian newspaper. 2016. December 7; 7145 (277).

15. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Рос. газ. 2004. 7 апр.

16. Желтобрюхов С. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 56.

17. Желтобрюхов С. П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 26—29.

18. Желтобрюхов С. П. О необходимости введения нового следственного действия // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 31—33.

© Корнуков В. М., Корнукова Е. В.,
Устинов Д. С., 2020

Корнуков Владимир Михайлович,
профессор кафедры
уголовного права и процесса
Тольяттинского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: vm-kornukov@rambler.ru

Корнукова Елена Владимировна,
доцент кафедры конституционного права
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридически наук, доцент;
E-mail: kornukovaev@mail.ru

Устинов Дмитрий Сергеевич,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
e-mail: ustinov681@yahoo.com

15. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of 29 June 2004. "On Case Related to Verifying Constitutionality of Certain Provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with Request of Group of Deputies of the State Duma of the Russian Federation". Russian newspaper. 2004. April 7.

16. Zheltobryukhov S. P. Confrontation Does Not Justify Itself as an Investigative Action. Russian Justice. 2008; 1: 56.

17. Zheltobryukhov S. P. New Type of Interrogation to Be Able to Substitute Confrontation. Russian Justice. 2017; 9: 26—29.

18. Zheltobryukhov S. P. On Necessity to Introduce New Investigative Action. Russian Justice. 2016; 5: 31—33.

© Kornukov V. M., Kornukova E. V.,
Ustinov D. S., 2020

Kornukov Vladimir Mikhailovich,
professor at the department
of criminal law and criminal procedure
of the Togliatti State University,
doctor of juridical sciences, full professor;
e-mail: vm-kornukov@rambler.ru;

Kornukova Yelena Vladimirovna,
associate professor
at the department of constitutional law
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: kornukovaev@mail.ru;

Ustinov Dmitry Sergeevich,
associate professor
at the department of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
e-mail: ustinov681@yahoo.com

* * *

Н. С. Костенко

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПРОМИССА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ**

В данной статье анализируется такое правовое явление, как компромисс в уголовном судопроизводстве, представляющий собой нетипичный механизм разрешения уголовно-правового конфликта. Автором предпринимается попытка разработать понятие «уголовно-процессуальный компромисс», определить его условия и значение в разрешении правового спора в целях удовлетворения интересов конфликтующих сторон в частности и его значимость в борьбе с преступностью в общем. Кроме того, выделяются ситуационные и субъективные причины конфликта, установление которых позволяет определить оптимальную модель поведения участников уголовного судопроизводства в той или иной ситуации путем выбора способа компромисса с целью достижения приемлемо-желаемых юридических последствий в рамках производства по уголовному делу. В ходе исследования приводятся мнения ученых, как оправдывающих наличие в уголовном судопроизводстве компромиссных процедур, так и тех, кто указывает на недопустимость их применения, поскольку они негативно отражаются на реализации принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: компромисс, упрощенное судопроизводство, уголовно-процессуальный конфликт, участники уголовного судопроизводства.

N. S. Kostenko

**THE POTENTIALS OF THE COMPROMISE APPLICATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS: FEATURES AND LEGAL BASES**

This article deals with such a legal phenomenon as a compromise in criminal proceedings to be a non-typical mechanism for solving a conflict of criminal legal nature. The author tries to develop the concept of "criminal-procedural compromise" as well as to determine its conditions and significance while solving a legal dispute to satisfy the interests of conflicting parties, in particular, and its importance to fight crime, in general. Besides, the author identifies situational and subjective causes of such conflict. In author's opinion, identifying the mentioned causes allows to determine the optimal model of behavior of participants in criminal proceedings in a particular situation by choosing a method of compromise to get both acceptable and desired legal consequences in the context of criminal proceedings. While studying author of the article offers the views of scientists who both justify the existence of compromise procedures in criminal proceedings and those who consider inadmissibility of their application due to their negative influence on implementation of the principles of criminal proceedings.

Key words: compromise, simplified legal proceedings, criminal-procedural conflict, participants in criminal proceedings.

Модернизация уголовного судопроизводства путем его упрощения и ускорения с целью снижения материальных и трудовых затрат при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в последнее время становится одной из центральных тем, активно обсуждаемой на законодательном уровне, в научных кругах и особенно на практике.

Одни выступают противниками таких проявлений в различных уголовно-процессуальных процедурах. В частности, Н. А. Духно, указывая на пагубность ускоренного и упрощенного судопроизводства,

утверждает, что «особый порядок подрывает доверие к правосудию» [1, с. 30]. По мнению О. В. Качаловой, повсеместное применение и распространение упрощенного судопроизводства ведет к отказу от полноценного доказывания [2, с. 141]. Другие, ссылаясь на необоснованное затягивание и неэффективность процессов расследования и рассмотрения судом уголовных дел по существу [3, с. 80], огромные финансовые и трудовые затраты, необходимые на осуществление правосудия, его формализованность и забюрократченность [4, с. 30],

оправдывают любые формы упрощения и ускорения тех или иных процессуальных процедур. Причем сущностью такой правовой деятельности, по мнению Е. В. Корчаго, выступает «экономика» как основа практики разрешения уголовно-правовых конфликтов [5, с. 37].

Имеются и те, кто положительно оценивает наличие в уголовном судопроизводстве дифференцированных форм производства по уголовному делу, но при этом усматривает отсутствие баланса между упрощением и ускорением уголовного процесса и повышением гарантий защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства [6, с. 11], на которые нацелен законодатель при внесении изменений в уголовно-процессуальный закон.

Тем не менее тенденции упрощения судопроизводства, не только уголовного, но и административного, в настоящее время становятся наиболее выраженными, являясь результатом научно-технического прогресса и совершенствования информационных технологий, развития правовых систем, динамичности общественной и социальной жизни, в том числе сложившейся в настоящее время обстановкой, вызванной пандемией вируса COVID-19, требующей адаптации уголовного процесса к условиям принимаемых государством мер.

Основой таких процедур, как правило, является наличие компромисса между сторонами как наиболее выигрышная форма взаимодействия участников уголовного судопроизводства, заменяющая определенный набор и последовательность процессуальных правил при разрешении конкретного уголовного дела.

Само понятие «компромисс» (от лат. *compromissum* — соглашение) в различных толковых словарях определяется как «соглашение на основе взаимных уступок» при столкновении интересов двух или более сторон. Существует множество заслуживающих внимания понятий «компромисс» с отражением его основных свойств и определением условий его применения. Особый интерес вызывает изучение такого феномена, как «правовой компромисс», которому в последнее время посвящено множество научных работ, в том числе таких ученых, как М. В. Баранова, С. В. Бобровник, А. В. Парфенов и др.; на эту тему проводятся одноименные конференции и подготовлен ряд диссертационных исследований [7; 8], доказывающих состоятельность и эффективность использования компромисса в праве. Однако в условиях постоянной трансформации общественных отношений и в условиях современного стремительно меняю-

щегося и динамично развивающегося мира тема «правового компромисса» остается малоизученной и требует постоянного теоретического осмысления.

Некоторые авторы, говоря о компромиссе в системе правовой деятельности, рассматривают его как нетипичное юридическое средство [9, с. 37], явно проявляющееся при гибком урегулировании экономических, финансовых, политических и иных отношений. Вместе с тем признаки компромиссных способов разрешения правовых конфликтов усматриваются и в уголовном судопроизводстве, где путем достижения баланса в разногласиях между сторонами/участниками либо корректировки собственной позиции одной стороной выбирается вариант его развития.

Выбор того или иного способа или вида «уголовно-процессуального компромисса», определение его пределов, а в совокупности определение механизма его реализации зависят от определенных факторов: тяжести совершенного преступления, вида преступления, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, и т. д. Однако главным условием, создающим возможность его применения и реализации, является четкий механизм его правового регулирования — правовая регламентация с учетом предъявляемых законом требований. Относительно этого В. А. Толстик, рассматривая основные формы проявления компромисса, отмечал одну из них как «закрепленную в праве меру согласования противоречивых интересов, достигнутую в процессе правотворчества» [10, с. 142], т. е. механизм реализации компромисса должен функционировать только в рамках правового поля.

Так или иначе достижение компромисса, который впоследствии станет основой разрешения конфликта (полностью или в части), допустимо только при наличии определенного набора условий, прямо указанных в законе (либо закон не содержит на это запретов). В свою очередь набор таких условий напрямую зависит от характера и вида конфликта, а также от законодательно разрешенной возможности его урегулирования.

Что касается общественных отношений, которые непосредственно регулируются уголовно-процессуальным законом, то они по отношению к совершенному преступлению всегда порождают конфликтные ситуации между сторонами — потерпевший/подозреваемый (обвиняемый), потерпевший/следователь (дознатель), подозреваемый (обвиняемый)/следователь (дознатель) и т. д. в процессе уголовного преследования, а в частно-

сти при возбуждении уголовного дела, расследовании, предъявлении обвинения и т. д., т. е. в зависимости от функционального момента правоотношений, стадии и/или состава участников уголовного судопроизводства или координатора конкретной функции и преследуемых ими целей относительно промежуточного или итогового решения по уголовному делу.

В связи с этим при выборе компромиссного способа разрешения уголовно-правовых конфликтов необходимо установить их причины, характерные признаки и условия, при которых они могут быть нивелированы или прекращены.

Так, для определения особенностей действия и функционирования, а также применения компромисса следует определить причины имеющегося конфликта, которыми, в частности, в зависимости от сложившейся спорной ситуации, могут являться:

— наличие у сторон противоречий в понимании объективной картины совершенного преступления;

— противоположные юридические интересы (по квалификации преступления, мере и виду наказания и т. д.);

— противоречивость в предмете доказывания (в частности, например, в определении суммы похищенного имущества, количественных и стоимостных оценочных характеристиках предмета преступления и т. д.);

— расхождение интересов в выборе процедуры принятия процессуальных решений (несогласие потерпевшего с рассмотрением уголовного дела в особом порядке уголовного судопроизводства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, обжалование тех или иных решений и т. д.);

— иные противоречия, возникающие в рамках уголовного судопроизводства относительно противоположных стремлений, интересов, мнений втянутых в конфликт участников.

Помимо вышеперечисленных причин (ситуационных), конфликт может быть вызван низким уровнем правовой культуры, отсутствием профессионализма уполномоченного лица, осуществляющего уголовное преследование, неэффективностью реализации прав конфликтующих сторон по применению той или иной компромиссной процедуры (субъективные причины).

Основой конфликта может стать как одна из перечисленных причин, так и различная их совокупность. Отсюда следует необходимость определения законодательной процедуры или уголовно-процессуальных возможностей по выбору ком-

промисса для согласования имеющихся разногласий исходя из причин(ы) самого конфликта.

Все эти причины конфликта, как правило, предопределены/вызваны отдельным (личным) интересом одной из конфликтующих сторон.

Если вести речь об общем интересе всех субъектов спора, вызванного поиском оптимального решения по уголовному делу (в основном итоговому), то здесь выбор наиболее приемлемого компромиссного способа разрешения конкретного правового конфликта (уголовного дела) напрямую зависит от предоставляемых законом преференций для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, снижающих уголовные репрессии, смягчающих уголовно-правовые обременения и стимулирующих последнего на активное и добровольное его сотрудничество с правоохранительными органами в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и на положительное посткриминальное поведение. Такое поведение, характеризующееся позитивными действиями, оказывает значительное влияние на уголовную ответственность и наказание, эффективность устранения последствий общественно опасных деяний или их минимизацию [11, с. 111].

К посткриминальному поведению субъекта, непосредственно влекущему возникновение уголовно-правового компромисса, с учетом объективных и субъективных признаков такого поведения [12, с. 117] можно отнести следующие его варианты: явка с повинной, добровольная сдача предметов преступного посягательства или орудий совершения преступлений, возмещение ущерба (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (ст. 61 УК РФ), добровольное освобождение похищенного лица (примечание к ст. 126 УК РФ), добровольная выдача предметов, запрещенных к гражданскому обороту (примечания к ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 228 УК РФ), добровольное и своевременное сообщение органам власти либо в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, или иное содействие предотвращению дальнейшего ущерба (примечание к ст. 204.1, 275 УК РФ) или преступных действий (примечание к ст. 204.2, 205 и 205.1 УК РФ) и др.

К посткриминальному поведению, свидетельствующему об исправлении осужденного, также можно отнести и действия субъекта в период (ст. 79, 80, ч. 4 ст. 82 УК РФ) и после отбывания наказания (ч. 4 ст. 86 УК РФ). Стоит обратить внимание на тот факт, что указанные варианты позитивного посткриминального поведения, влекущего возникновение уголовно-правового компромисса, непосредственно закреплены в уголовно-правовой норме и определены как «непреступное общественно-полезное сознательно-волевое проявление активности лицом после совершения им преступления (или деяния, содержащего признаки преступления)» [12, с. 119]. К тому же все они, как разновидности юридических фактов, обращают на себя пристальное внимание ученых и имеют большое значение для следственной и судебной практики, в частности, для определения их влияния на постановление итогового решения по уголовному делу [13].

Непосредственно к компромиссным процедурам можем отнести достижение мирового соглашения, особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием или с возмещением ущерба, дознание в сокращенной форме, которые в разной степени содержат в себе ярко выраженные компромиссные проявления. Все эти уголовно-процессуальные процедуры также имеют нормативное закрепление в правовых актах, соответственно механизм их реализации осуществляется в рамках действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Исходя из сказанного ранее под **уголовно-процессуальным компромиссом** можно понимать *урегулированный уголовно-процессуальным законодательством механизм достижения баланса в разногласиях между сторонами/участниками уголовного судопроизводства путем взаимных уступок в целях достижения желаемых юридических последствий в виде промежуточного или итогового решения по уголовному делу.*

Стоит отметить, что тот или иной метод регулирования общественных отношений в условиях имеющегося правового конфликта, используемый в конкретной ситуации по конкретному уголовному делу, позволяет разграничивать применяемые нормы с точки зрения императивности и диспозитивности их характера.

Императивность компромиссных процедур определяется наличием обязательных для всех субъектов правовых предписаний (обязанностей или запретов), которые не могут быть изменены каким-либо соглашением (например, наделение юридическими обязанностями уполномоченных субъектов прекратить уголовное дело при заключении мирового соглашения). При этом формируется единственно возможный вариант поведения субъектов правоотношений (не подлежат прекращению за примирением сторон уголовные дела частного-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 УПК РФ). Процессуальная же диспозитивность распространяется только на распоряжение процессуальными правами (заключить мировое соглашение или досудебное соглашение о сотрудничестве) с возможностью выбора субъектами правоотношений процедуры урегулирования уголовно-правового конфликта/порядка реализации своих прав в условиях отсутствия ранее достигнутых соглашений и договоренностей [14].

Вместе с тем совместное использование императивных и диспозитивных норм для разрешения уголовно-правового конфликта в зависимости от ситуации может закончиться конфликтом юридического характера, который, в свою очередь, может повлечь существенное нарушение прав лиц, непосредственно втянутых в правовой спор, с вынесением незаконных промежуточных и/или итоговых решений по делу, а также отразиться на разумности сроков его разрешения. Это повлечет обратный эффект — не ускорение и упрощение уголовного процесса, а его затягивание и усложнение со значительным ростом временных и трудовых затрат. Тут надо добавить и нарушение прав участников, неудовлетворение интересов потерпевших, гражданских истцов.

Безусловно, избавиться от конфликтов полностью вряд ли возможно, но стремление к их минимизации может оказать огромное значение при выборе той или иной процессуальной процедуры, формы и метода компромисса, способа их разрешения, формируя наиболее эффективную модель поведения участников уголовного судопроизводства для достижения нужной цели с соблюдением установленных законом правил.

Учитывая то, что по своей сути компромисс можно расценивать как один из признаков демократии, при его выборе не должна происходить ломка процессуальных гарантий, непосредственно затрагивающих права всех участников уголовного

судопроизводства, особенно лиц, втянутых в правовой конфликт.

Однако заманчивые предложения, предпочтения и условия того или иного способа компромиссного разрешения уголовного дела, низкая правовая и процессуальная культура, желание ускорить процесс завершения уголовного дела могут повлечь нарушение прав и свобод человека, несоблюдение процессуальных правил, фальсификацию процессуальных и иных документов. Уполномоченные органы, увидев возможность уйти от необходимости поиска и исследования доказательств, приводя других участников к взаимовыгодному компромиссу (которые, в свою очередь, под тенью «соглашения» могут скрывать более тяжкие преступления), отказываются от полноценного доказывания. Это в конечном счете отражается на справедливости постановления итогового решения по уголовному делу. Отсюда и возникает вопрос относительно соотношения такой пропорции: «компромисс — справедливость». Кроме того, наличие компромисса как условия упрощения уголовного процесса порождает ряд проблем как в теории, так и на практике.

Учитывая мнения и сторонников, и противников существующих в праве компромиссных уголовно-

процессуальных процедур, видится острая необходимость в четкой формулировке таких понятий, как «правовой конфликт», «уголовно-процессуальный компромисс», «упрощенное судопроизводство», «сокращенное судопроизводство», а важным шагом к эффективному и целесообразному использованию того или иного компромиссного способа разрешения уголовно-процессуального конфликта является систематизация нормативного регулирования условий и оснований их применения с определением четких границ.

Кроме того, повышение правовой культуры уполномоченных лиц исключит проявление вседозволенности при осуществлении правосудия с применением компромисса при принятии решения по уголовному делу с соблюдением всех процессуальных гарантий. Вместе с тем четкое и полное осознание важности и значения правового компромисса конфликтующими субъектами значительно улучшит деятельность всей правоохранительной системы и в итоге отразится на эффективности в борьбе с преступностью, в том числе с использованием нетрадиционных, но вполне правовых методов.

1. Духно Н. А. Ломка правосудия // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 30—33.

2. Качалова О. В. Ускорение производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 141—149.

3. Волеводз А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80—83.

4. Ищенко П. П. Уголовно-процессуальные аспекты эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2013. № 21. С. 29—31.

5. Корчаго Е. В. Соглашение государства с правонарушителем о сотрудничестве: разновидность договорного и обязательного права // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 37—42.

6. Дорошков В. В. Формы уголовного судопроизводства у мирового судьи // Мировой судья. 2015. № 10. С. 11—17.

7. Попова И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 204 с.

8. Янина Я. Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разре-

1. Dukhno N. A. Breaking Justice. Criminal Proceedings. 2019; 3: 30—33.

2. Kachalova O. V. Acceleration of Criminal Proceeding in Criminal Procedure: Is There a Limit to Differentiate Criminal Proceedings? Topical Problems of Russian Law. 2016; 1: 141—149.

3. Volevodz A. G. Abolition of Initiating Criminal Case Stage: Value in Dispute. Criminal Procedure. 2014; 1: 80—83.

4. Ishchenko P. P. Criminal-Procedural Aspects of Effectiveness of Preliminary Investigation. Russian Investigator. 2013; 21: 29—31.

5. Korchago Ye. V. Agreement on Cooperation between the State and the Offender: Form of Contract Law and Law of Obligation. Criminal Proceedings. 2019; 4: 37—42.

6. Doroshkov V. V. Forms of Criminal Proceedings to Be Conducted by a Justice of the Peace. Justice of the Peace. 2015; 10: 11—17.

7. Popova I. A. Tactical and Criminalistic Support of Compromise-Related Procedures in Criminal Proceedings. Dissertation of the Candidate of Juridical Sciences. Saratov; 2011: 204.

8. Yanina Ya. Yu. Theoretical and Practical Aspects of Applying Compromises to Solve Preliminary Investigation Conflicts. Dissertation

шения конфликтов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 194 с.

9. Пронина М. П. Компромисс в системе механизма действия права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3. С. 37—40.

10. Толстик В. А. Социальная и юридическая природа компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 29—30 мая 2014 г.). В 2 т. Т. 1 / под. общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Прафенова. Н. Новгород, 2014. С. 126—144.

11. Яшин А. В. Роль знаний о постпреступном поведении в практике предупреждения преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 110—111.

12. Терских А. И. Положительное посткриминальное поведение преступника как юридический факт уголовно-правового компромисса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Право. Вып. 32. С. 114—119.

13. Зайцева Е. А. Значение явки с повинной при постановлении приговора суда // Уголовно-процессуальные акты в контексте современных проблем уголовного судопроизводства: сб. науч. тр. по итогам Всерос. круглого стола (Волгоград, 16—17 апреля 2019 г.) / под ред. И. С. Дикарева, Н. А. Соловьевой. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 30—37.

14. Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73—78.

of the Candidate of Juridical Sciences. Kaliningrad; 2007: 194.

9. Pronina M. P. Compromise in the System of Legal Mechanism. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia. 2014; 3: 37—40.

10. Tolstik V. A. Social and Legal Nature of Compromise. In: Compromise in Law: Theory, Practice, Technology: Collection of Articles Based on Materials of the International Scientific and Practical Conference, 29—30 May 2014, Nizhny Novgorod. In 2 Volumes. Vol. 1. Ed. by V. A. Tolstik, V. M. Baranov, A. V. Prafenov. Nizhny Novgorod; 2014: 126—144.

11. Yashin A. V. Role of Knowledge Related to Post-Criminal Behavior in Crime Prevention Practice. Topical Problems of Science and Education. 2006; 1: 110—111.

12. Terskikh A. I. Positive Post-Criminal Behavior of a Criminal as a Legal Fact of Criminal-Legal Compromise. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012; 281 (27). Law. Vol. 32: 114—119.

13. Zaitseva Ye. A. Value of Surrender While Passing Court Judgment. In: Criminal Procedural Acts in the Context of Current Problems of Criminal Procedure: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the All-Russian Round Table, 16—17 April 2019, Volgograd. Ed. I. S. Dikarev, N. A. Solovyeva. 2019: 30—37.

14. Dikarev I. S. Principle of Dispositiveness in Criminal Procedure of Russia. Journal of Russian Law. 2008; 6: 73—78.

© Костенко Н. С., 2020

© Kostenko N. S., 2020

Костенко Наталья Сергеевна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: sns8383@mail.ru

Kostenko Natalia Sergeevna,

associate professor at the department
of the criminal procedure
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: sns8383@mail.ru

* * *

М. А. Лавнов

**ПРАВО ПРОКУРОРА НА ОТКАЗ ОТ ОБВИНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЛЯЩЕЙСЯ РЕФОРМЫ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА***

Движущей силой уголовного процесса состязательного типа является уголовное преследование и обвинение. Государственный обвинитель наделен правом распорядиться судьбой уголовного иска, что предопределяет итоговое решение по уголовному делу. Теоретическая и законодательная модель разрешения уголовного дела по существу в случаях, когда государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения, исследуется через призму «длящегося реформирования» российского уголовного судопроизводства.

В работе поставлена задача на основе представлений о типовых моделях уголовных судопроизводств разработать непротиворечивую систему правовых норм, регламентирующих процедуру разрешения уголовного дела по существу при отказе прокурора от обвинения. С этой целью исследуются российское и зарубежное законодательство, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, ведомственные нормативные акты, а также современные взгляды ученых-правоведов.

При проведении исследования использовались диалектический, логический, системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, статистический и другие методы научного познания. В результате проведенного исследования выявлены проблемы, связанные с наличием у прокурора права распоряжаться судьбой уголовного иска, с процедурой разрешения уголовного дела по существу при отказе прокурора от обвинения с точки зрения обеспечения разумного баланса частных и публичных интересов, гарантий прав личности, а также соблюдения принципов уголовного процесса. Сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: уголовный иск, отказ прокурора от обвинения, прекращение уголовного дела, обеспечение прав личности, независимость судей, права потерпевшего, состязательность сторон.

М. А. Lavnov

**PROSECUTOR'S RIGHT TO REFUSE THE CHARGE IN THE CONTEXT OF ONGOING REFORM
OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA**

The motive power of adversarial criminal proceedings is said to be prosecution and charge. The state prosecutor has the right to solve a criminal lawsuit that predetermines the final decision in a criminal case. Theoretical and legislative model related to solving a criminal case is examined through the context of ongoing reform of the Russian criminal proceedings in criminal cases where the state prosecutor has refused to charge.

Based on the ideas related to typical models of criminal proceedings the task of the author is to develop a consistent system of legal norms regulating the procedure to solve a criminal case when the prosecutor refuses to charge. The author examines the Russian and foreign branches of legislation, legal provisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, department normative acts as well as topical points of views of legal scholars (scientists).

While examining the problem, the author applies dialectical, logical, systemic, structural and functional, comparative legal, historical legal, formal legal, statistical and other methods of scientific knowledge. The author identifies problems related to the prosecutor's right to solve a criminal lawsuit, the procedure to solve a criminal case when the prosecutor refuses to charge in order to ensure a reasonable balance of individual and public interests, guarantees of human rights as well as, compliance with the principles of criminal proceedings. The author formulates his points of view to solve these problems.

Key words: a criminal lawsuit, prosecutor's refusal to charge, rescission of a criminal case, human rights ensuring, independence of judges, rights of a victim, adversarial process.

В научной литературе, посвященной уголовно-процессуальной тематике, редко можно встретить работы, в которых в той или иной форме не употребляется термин «судебная реформа» и не говорится о «реформировании уголовного процесса». В истории отечественного уголовного судопроизводства, безусловно, есть реальные примеры судебных реформ — Судебная реформа 1864 г. или глубокое переосмысление советскими учеными-правоведами базовых представлений в середине XX в. Происходящие с начала 1990-х гг. изменения российского уголовно-процессуального законодательства имеют в себе нечто реформаторское, только вот говорить о них как о чем-то целостном и завершенном можно лишь условно.

По нашему мнению, нет каких-либо объективных критериев, позволяющих считать определенные этапы (к примеру, изменения 1990—2000 гг.; 2000—2010 гг. и 2010—2020 гг.) развития российского уголовного судопроизводства составными частями единой судебной реформы или самостоятельными реформами. Включение состязательности в число принципов уголовного процесса, изменение порядка судебного разбирательства в соответствии с состязательными началами, безусловно, можно занести в актив результатов реформаторской деятельности, однако считать такую деятельность завершенной вряд ли возможно. Обоснованной выглядит позиция Л. В. Головки, который утверждает, что мы уже три десятилетия имеем дело с перманентной судебной реформой, а все ее достижения носят промежуточный характер [1].

Как представляется, хаотичные и несогласованные изменения уголовно-процессуального законодательства последнего времени не могут обеспечить комплексное и системное преобразование уголовного судопроизводства, привести к реальному улучшению функционирования его правовых институтов, повысить эффективность правоприменительной деятельности. Ярким примером такого непоследовательного «реформирования» является правовая модель деятельности прокурора, когда при отсутствии единой концепции его роли в уголовном процессе законодатель многократно и весьма непоследовательно изменял полномочия прокурора в досудебном производстве [2; 3, с. 102]. Не претендуя на выявление всех системных характеристик, элементов и связей этой модели в рамках настоящей работы, остановимся на одном из наиболее спорных моментов, связанных с полномочиями прокурора фактически разрешать уголовное дело по существу.

Совершение деяния, запрещенного уголовным законом, всегда связано с появлением социального конфликта уголовно-правового характера, законным способом разрешения которого выступает уголовное судопроизводство. При этом уголовное дело может быть разрешено по существу как в досудебном производстве органами предварительного расследования, так и при отправлении правосудия независимым и беспристрастным судом. В силу презумпции невиновности только суд может ответить на вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Одна из проблем отечественной уголовно-процессуальной науки, которая активно обсуждается, связана с отказом прокурора от обвинения в суде первой инстанции.

Ключевыми точками этой полемики, как представляется, выступает следующая группа вопросов:

— в чем состоит правовая природа наличия у прокурора (государственного обвинителя) права распоряжения судьбой уголовного иска (обвинения) в судебных стадиях уголовного процесса;

— соответствует ли процессуальное положение прокурора (его права и обязанности) российской модели состязательного уголовного судопроизводства;

— что является основанием принятия прокурором решения об отказе от обвинения, каков порядок заявления и рассмотрения (согласования) отказа от обвинения, его обязательность для суда и других участников уголовного дела;

— правовые последствия отказа прокурора от обвинения;

— как при этом обеспечиваются права личности, прежде всего, право потерпевшего на судебную защиту, в том числе при обжаловании итогового процессуального решения.

Закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) конструкция отказа прокурора от обвинения основана на принципе состязательности, который предполагает активность сторон и некоторую пассивность суда при разрешении уголовного дела. При состязательном построении уголовного судопроизводства зависимость суда от позиции обвинения или наличия обвинения как такового не вызывает никаких сомнений. Обвинение является движущей силой уголовного судопроизводства, и без обвинения не может быть и уголовного дела. Подкрепляется это на официальном уровне. Так, приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» ориентирует государственных обвинителей

на то, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения.

Интересный подход к пониманию проблемы наличия у прокурора права на отказ от обвинения предлагает Л. В. Головкин, именуя ее экзистенциальной проблемой состязательности [4, с. 54]. Преступление — это общественно опасное деяние, следовательно, затрагивает интересы всего общества и каждого его члена, а обвинение поддерживает конкретный прокурор, которому общество такие полномочия никаким образом не делегировало. В отсутствие каких-либо механизмов связи общества и прокуратуры ставится под сомнение легитимность всей деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде. Исследуя данный вопрос на диссертационном уровне, А. А. Михайлов определил, что право государственного обвинителя по распоряжению судьбой уголовного иска имеет свои пределы, которые связаны с отстаиванием как публичных интересов (интересов общества и государства), так и с реализацией прокурором правозащитной функции, недопустимостью нарушения прав других участников уголовного судопроизводства [5, с. 8]. Решение этой проблемы на доктринальном уровне — весьма непростая задача, которая требует глубокого теоретического осмысления не только со стороны уголовно-процессуальной науки, но и юридической науки в целом.

Тенденции в развитии российского уголовного процесса, обозначившиеся в предреформенный и постреформенный периоды, можно образно назвать «погоней за состязательностью», при том что традиции и теоретические разработки советского периода по-прежнему оказывают серьезное влияние как на законодательство, так и на реалии правоприменительной практики. Определенный интерес в этой связи представляет постановление Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) от 2 июня 2013 г. № 16-П (далее — Постановление № 16-П), посвященное проверке конституционности наличия у суда права возвращать уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в случаях, когда будет установлено, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, указывают на наличие признаков более тяжкого преступления.

Закрепление в тексте УПК РФ такого полномочия суда, по мнению ряда российских ученых, дало новую жизнь свойственному для советского уголовного процесса полномочию суда направлять

уголовное дело для дополнительного расследования [6; 7; 8; 9, с. 282; 10, с. 47; 11], которое в полной мере соответствовало духу того времени и отвечало задаче быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. Правовая позиция КС РФ представляет немалый интерес и в контексте исследования проблемы отказа прокурора от обвинения, поскольку она затронула в этом случае фундаментальные основы, на которых строится все уголовное судопроизводство.

В Постановлении № 16-П отмечается, что ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору (как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе) на основании ч. 1 ст. 237 УПК РФ ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, т. е. является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, самостоятельность и независимость которой находятся под защитой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее ст. 10 и 120 (часть 1) [12]. КС РФ констатировал несоответствие принципа независимости судей и подчинения их только закону с состязательной моделью уголовного судопроизводства, в которой суд связан позицией сторон и не может выйти за пределы предъявляемых требований.

В такой ситуации правильное определение типологической направленности развития российского уголовного процесса как справедливой процедуры разрешения уголовных дел состязательного типа и положения прокурора в этой системе правовых норм позволит сформировать непротиворечивую модель справедливого разрешения уголовного дела по существу при отказе от обвинения.

Отметим, что в разных правовых системах исторически сложились разные подходы к решению проблемы отказа от обвинения. Так, состязательный уголовный процесс стран англо-саксонской правовой семьи, пропитанный идеями диспозитивности, закрепляет за государственным обвинителем право беспрепятственного распоряжения судьбой уголовного иска, что определяет итоговое судебное решение по делу [13]. С другой стороны,

в странах с континентальным типом уголовного судопроизводства действует модель, в которой прокурор является представителем общества (государства) без права отказаться от обвинения [14; 15, с. 373]. Приведенный пример отчетливо демонстрирует зависимость формирования типологии уголовного процесса от модели деятельности прокурора и объема его полномочий по распоряжению судьбой уголовного иска. Российский уголовный процесс, имеющий исторические корни именно континентальной модели, тем не менее провозглашается состязательным, что только усложняет поиск оптимального решения выявленных проблем.

Вопросы о процедуре разрешения уголовного дела по существу в случае отказа прокурора от обвинения, возможностях потерпевшего влиять на итоговое процессуальное решение, пределы усмотрения суда в такой ситуации — наиболее обсуждаемые в юридической литературе. При этом высказываются мнения о необходимости предусмотреть право потерпевшего на поддержание обвинения и закрепить согласительную процедуру отказа от обвинения, участниками которой будет прокурор и потерпевший [16, с. 28; 17, с. 59; 18; 19; 20, с. 370; 21]. Такой подход активно применяется в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран на постсоветском пространстве. В УПК Таджикистана закреплено, что отказ прокурора от обвинения не лишает лицо, пострадавшее от преступления, права поддерживать обвинение (ч. 5 ст. 24) [22]. Также право на поддержание потерпевшим обвинения присутствует в УПК Республики Беларусь (ч. 3 ст. 28, ч. 8 ст. 293), где сказано, что отказ прокурора от обвинения не лишает потерпевшего, гражданского истца или их представителей права на поддержание обвинения [23]. УПК Украины предусматривает возможность надения потерпевшего всеми правами стороны обвинения во время судебного разбирательства (ст. 340) [24].

Подобный подход не был воспринят российским законодателем и подвергся критике в уголовно-процессуальной науке. Так, В. Д. Холоденко справедливо указал на недопустимость зависимости осуществления публичного уголовного преследования от усмотрения частного лица, отстаивающего свои интересы [25]. Мнение потерпевшего не должно препятствовать реализации государственным обвинителем дискреционных полномочий в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Схожая конструкция была воспроизведена в ст. 37 и ст. 306 УПК Республики Армения: в случаях, когда

обвинитель обнаружил обстоятельства, позволяющие не осуществлять уголовное преследование, он вправе заявить отказ от осуществления уголовного преследования в отношении подсудимого. При отказе прокурора от обвинения суд прекращает производство по уголовному делу и уголовное преследование [26].

Стоит отметить, что в юридической литературе неоднократно предпринимались попытки разрешить данную проблему. К примеру, можно отметить некую компромиссную позицию А. Леви, предлагающего указать в уголовно-процессуальном законе, что отказ прокурора от обвинения не вызывает немедленного прекращения уголовного дела, а должен рассматриваться как ходатайство стороны обвинения [27].

Такой подход, по нашему мнению, лучше согласуется с конституционным принципом независимости судей, значение которого как принципа правосудия состоит в создании для судей таких условий осуществления их деятельности, при которых они могли бы рассматривать дела и принимать по ним самостоятельные решения по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. С другой стороны, прокурор также будет выступать как независимый участник уголовного процесса со стороны обвинения, который может выразить свою позицию по существу уголовного дела, при этом не предвешая его исхода. В целях реализации назначения уголовного судопроизводства государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, должен отказываться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств и изложить свою мотивированную позицию в письменной форме. Потерпевший сможет в полной мере реализовать свое право на доступ к правосудию, высказав собственное мнение относительно обоснованности позиции прокурора, представить суду доказательства, а также дать свою оценку обстоятельствам, имеющим значение для дела.

Тем не менее с учетом того места и роли, которые отводятся прокурору в современном российском уголовном процессе, преждевременно говорить о необходимости предоставления потерпевшему всех прав стороны обвинения в судебном разбирательстве. Его право на судебную защиту должно быть обеспечено иным образом. Формирование внутреннего убеждения прокурора о необходимости отказа от обвинения связано с установлением обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии события или состава преступления, а равно непричастности лица к совершению пре-

ступления. Указанные обстоятельства в полном соответствии со ст. 302 УПК РФ, независимо от позиции прокурора по существу обвинения, должны служить основанием для постановления оправдательного приговора, который будет ассоциироваться именно с невиновностью подсудимого, а не с недоказанностью его вины [28, с. 21—22]. В случае частичного отказа от обвинения следует выносить несколько решений (постановление / определение о прекращении уголовного преследования и приговор по оставшейся части обвинения) [29, с. 54].

Таким образом, в условиях построения справедливого состязательного уголовного судопроиз-

водства, отвечающего международным стандартам правосудия, необходимо переосмысление роли прокурора в уголовном процессе как единоличного распорядителя судьбой уголовного дела в судебном разбирательстве. Признание приоритета прав и свобод человека и гражданина требует от государственного обвинителя соответствующей модели поведения, которая могла бы обеспечить право каждого на судебную защиту, а равно отстаивать интересы не только государства, но и общества в уголовном судопроизводстве.

Примечание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

1. Головкин Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67—82.

2. Чурикова А. Ю. О деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // Судебная система и гражданское общество России: к 150-летию Судебной реформы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 20 ноября 2014 г.). Саратов: Поволжский ин-т управления им. П. А. Столыпина, 2015. С. 76—79.

3. Манова Н. С. Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя в системе контрольно-надзорных отношений на досудебном производстве // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / под ред. Н. С. Мановой. М.: Проспект, 2016. 192 с.

4. Головкин Л. В. Институт отказа прокурора от обвинения и изменение обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50—67.

5. Михайлов А. А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 29 с.

6. Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 98—103.

7. Александров А., Лапатников М. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // Уголовное право. 2013. № 6. С. 82—88.

8. Ковтун Н. Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20—27.

1. Golovko L. V. Criminal Proceedings in the Context of Permanent Judicial Reform. Law. 2019; 4: 67—82.

2. Churikova A. Yu. On Prosecutor's Activity in Pre-Trial Criminal Proceedings. In: Judicial System and Civil Society of Russia: Devoted to the 150th Anniversary of the Judicial Reform: Proceedings of International-Scientific and Practical Conference, 20 November 2014, Saratov. Saratov: Povolzhskiy Institute of Management named after P. A. Stolypin; 2015: 76—79.

3. Manova N. S. Ensuring Procedural Independence of an Investigator in the System of Control and Supervisory Relations in Pre-Trial Criminal Proceedings. In: Topical Problems of Ensuring Rights of Parties to be in Criminal Proceedings. Ed. by N. S. Manova. Moscow: Prospect; 2016: 192.

4. Golovko L. V. Institute of Prosecutor's Refusal to Charge and Change of Charging in Court: Post-Soviet Prospects in the Context of Theoretical Errors. State and Law. 2012; 2: 50—67.

5. Mikhailov A. A. Prosecutor's Change of Charging and Prosecutor's Refusal to Charge in the First-Instance Court. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Tomsk; 2008: 29.

6. Dikarev I. S. Criminal Process: "Quiet Revolution" Turned to Reaction. Bulletin of the Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence. 2013; 20 (3): 98—103.

7. Alexandrov A., Lapatinikov M. Restoring Institution of Court's Returning a Criminal Case to Prosecutor for Further Investigation. Criminal Law. 2013; 6: 82—88.

8. Kovtun N. N. Fema Courts. Criminal Procedure. 2013; 11: 20—27.

9. Пастухов П. С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2015. 347 с.
10. Манова Н. С. Роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Судебная реформа как инструмент совершенствования правосудия: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию судебной реформы в Российской Федерации (г. Пенза, 21 октября 2016 г.). Пенза: Пензенский государственный университет, 2017. С. 42—47.
11. Зайцева Е. А. Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б. Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5. С. 39—43.
12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.
13. Чурикова А. Ю. Характер и цель деятельности прокурора в досудебном производстве уголовного процесса Великобритании // Право. Законодательство. Личность. 2010. № 1 (8). С. 93—105.
14. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 37—46.
15. Guinchard S., Buisson J. Procédure pénale. Paris, 2000. 864 p.
16. Фоменко А. Н. Отказ от обвинения и права потерпевшего // Уголовный процесс. 2005. № 12. С. 24—28.
17. Бояров С. Отказ прокурора от обвинения // Уголовное право. 2005. № 4. С. 58—59.
18. Горобец В. О соблюдении интересов правосудия при отказе государственного обвинителя от обвинения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 77—78.
19. Яковлев Н. М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 71—79.
20. Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения: проблемы и возможности их решения // Российский криминологический взгляд: ежеквартальный научно-практический журнал Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 1. С. 367—370.
9. Pastukhov P. S. Doctrinal Model to Improve Criminal-Procedural Proving in Information Society. Moscow: Yurlitinform; 2015: 347.
10. Manova N. S. Role of the Court in Adversarial Criminal Proceedings. In: Judicial Reform as a Tool to Improve Justice: Collection of Articles of All-Russian Scientific-Practical Conference Devoted to the 25th Anniversary of Court Reform in the Russian Federation, 21 October 2016, Penza. Penza: Penza State University; 2017: 42—47.
11. Zaytseva E. A. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on the complaint of B. T. Gadayev and the request of the Kurgan Regional Court: reflections on the right of the court to return criminal cases to the prosecutor in the adversarial criminal proceedings. Russian judge. 2014; 5: 39—43.
12. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 2 July 2013. "On Case to Check the Constitutionality of Provisions of the First Part of Article 237 of Criminal Procedural Code of the Russian Federation Due to the Complaint of B.T. Gadayev, Citizen of the Republic of Uzbekistan, and Request of Kurgan Regional Court". SZ RF. 2013; 28: Article 3881.
13. Churikova A. Yu. Nature and Purpose of Prosecutor's Activity in Pre-Trial Criminal Proceedings in the UK. Law Legislation Person. 2010; 8 (1): 93—105.
14. Mikhailov A. A. Right of Prosecutor to Charge in Court and its Restrictions. Criminal Justice. 2013; 1 (1): 37—46.
15. Guinchard S., Buisson J. Penal procedure. Paris; 2000: 864.
16. Fomenko A. N. Prosecutor's Refusal to Charge and Rights of a Victim. Criminal Procedure. 2005; 12: 24—28.
17. Boyarov S. Prosecutor's Refusal to Charge. Criminal Law. 2005; 4: 58—59.
18. Gorobets V. O. On Observance of Justice Interests in the Context of Prosecutor's Refusal to Charge. Criminal Law. 2006; 1: 77—78.
19. Yakovlev N. M. Restriction of Rights of Victims to Free Access to Justice. Journal of Russian Law. 2005; 5: 71—79.
20. Manova N. S., Frantsiforov Yu. V. Legal Consequences of Prosecutor's Refusal to Charge: Problems and Possible Solutions. Russian Criminological Point of View: Quarterly Scientific and Practical Journal of the North Caucasus State Technical University. 2009; 1: 367—370.
21. Lavnov M. A. Modern Model of Prosecutor's Refusal to Charge and Prospects to Improve it in the Russian Criminal Proceedings. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013; 95 (6): 204—209.

21. Лавнов М. А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 204—209.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 29.02.2020).

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2019). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958№pos=384;-58 (дата обращения: 29.02.2020).

24. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 декабря 2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 29.02.2020).

25. Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 49—50.

26. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения // Национальное Собрание Республики Армения: офиц. сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus№41> (дата обращения: 29.02.2020).

27. Леви А. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Законность. 2006. № 6. С. 41—43.

28. Перлов И. Д. Судебное разбирательство в советском уголовном процессе. Часть пятая. Приговор в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1960. 263 с.

29. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 238 с.

© Лавнов М. А., 2020

Лавнов Михаил Александрович,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
e-mail: m-lavnov@rambler.ru

22. Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan of 3 December 2009 (as Amended and Supplemented of 2 January 2019). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304. Accessed: 29.02.2020.

23. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus No. 295-Z of 16 July 1999 (as Amended and Supplemented of 9 January 2019). Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958№pos=384;-58. Accessed: 29.02.2020.

24. Code of Criminal Procedure of the Ukraine No. 4651-VI of 13 April 2012 (as Amended and Supplemented of 19 December 2019). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178. Accessed: 29.02.2020.

25. Kholodenko V. Taking into Account the Opinion of a Victim and his Representative While Prosecutor's Charge Changing at the Trial Stage. Russian Justice. 2002; 3: 49—50.

26. Code of the Criminal Procedure of the Republic of Armenia. National Assembly of the Republic of Armenia. Official Site. Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus№41>. Accessed: 29.02.2020.

27. Levi A. Refusal of the State Prosecutor to Charge. Legality. 2006; 6: 41—43.

28. Perlov I. D. Court Proceedings in the Soviet Criminal Procedure. Part Five Sentence in the Soviet Criminal Proceedings. Moscow: Gosjurizdat; 1960: 263.

29. Lupinskaya P. A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2010: 238.

© Lavnov M. A., 2020

Lavnov Mikhail Alexandrovich,
associate professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
e-mail: m-lavnov@rambler.ru

* * *

Д. А. Лыков

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена теоретико-правовому исследованию коллегиального начала при рассмотрении уголовных дел в судебной деятельности. Анализируя сущность коллегиального начала в ретроспективе отечественного судопроизводства, автор приходит к выводу, что в настоящий момент, с введением в уголовный процесс рассмотрения уголовных дел единолично судьей, нельзя говорить о коллегиальности как о самостоятельном принципе уголовного судопроизводства. В связи с этим обосновывается позиция, согласно которой коллегиальность при рассмотрении уголовных дел следует считать одним из начал уголовного процесса. На основе анализа действующих норм уголовно-процессуального законодательства автор выделяет основные черты коллегиального начала в деятельности составов судов при рассмотрении уголовных дел как в судах с коллегиями профессиональных судей, так и в судах с участием представителей народа (коллекцией присяжных заседателей). На основе данного анализа автор предлагает собственную трактовку понятия «рассмотрение уголовного дела коллегиальным составом суда».

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, судебное производство, принцип коллегиальности, уголовно-процессуальные принципы, судоустройственные принципы, судороганизационные принципы, общие условия судебного разбирательства, коллегия присяжных заседателей.

D. A. Lykov

LEGAL NATURE OF COLLEGIALLY WHILE INVESTIGATING CRIMINAL CASES IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE

The given article deals with theoretical and legal research of the collegial principle while hearing criminal cases in the court. Analyzing the essence of the collegial principle in a retrospective of domestic court proceedings author of the article concludes that at present it is impossible to consider concept of collegiality as a self-sufficient principle of court proceedings due to the fact that a judge tries a criminal case independently. Taking it into account author of the article proves his point of view according to which collegiality should be considered to be one of the original principles of the criminal procedure while trying criminal cases. Based on the analysis of the acting norms of criminal-procedural legislation author of the article identifies the main features of the collegial principle in court composition activity while trying criminal cases both in the court chambers to have professional judges and in the courts to have representatives of the people (the jury). Based on this analysis the author gives his own interpretation of the concept of "trying a criminal case by a collegial composition of the court".

Key words: criminal-procedural law, criminal procedure, criminal court proceedings, trial (court proceeding), principle of collegiality, criminal-procedural principles, judicial system (the judiciary) principles, court-structured principles, general conditions of trial, the jury.

Анализ исторических источников, в которых закладывались начала судоустройственной организации (Русская правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг. и др.), приводит к выводу, что рассмотрение уголовных дел коллегиальным составом суда было присуще российскому правосудию с давних пор. Именно коллегиальной форме отправления правосудия

в России традиционно отдавалось предпочтение — это позволяло наиболее добросовестно и ответственно выполнять функции, возложенные на те или иные коллегии и комиссии, призванные отправлять правосудие по уголовным делам. Следует отметить, что на протяжении всей истории России с X до начала XX в. к участию в судопроизводстве привлекался народный, непрофессиональный

элемент. Степень такого участия народа в отправлении правосудия и уровень учреждений, в деятельность которых включался народный элемент, в зависимости от конкретного исторического периода существенно различались. Коллегиальный порядок рассмотрения уголовных дел в качестве основного просуществовал в России до введения института рассмотрения уголовного дела единолично судьей.

Однако в последние годы наметилась тенденция развития коллегиального начала в судебной деятельности. Проявилось это, во-первых, в реформировании и расширении сферы применения суда с участием присяжных заседателей, являющегося ныне одной из двух форм реализации закрепленного в ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации принципа участия народа в отправлении правосудия (вторая форма — участие граждан в отправлении правосудия в качестве арбитражных заседателей). В частности, теперь и в районных и приравненных к ним судах уголовные дела могут рассматриваться судом с участием присяжных заседателей. Во-вторых, результатом недавних судебно-судопроизводственных преобразований стало учреждение апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, где уголовные дела также рассматриваются коллегиальными (но при этом профессиональными) составами суда. В связи с этим актуализируется вопрос о значении начала сочетания коллегиального и единоличного рассмотрения уголовных дел в современной судебной деятельности. В юридической литературе упоминания данного начала стали появляться практически сразу после введения в уголовный процесс единоличного порядка рассмотрения уголовных дел в 1992 г.

Среди ученых-процессуалистов нет единого мнения относительно того, каков статус начала сочетания коллегиального и единоличного порядка рассмотрения уголовных дел. Так, например, В. А. Ржевский и Н. М. Чепурнова относят его к числу конституционных принципов [1, с. 170]. Аналогичным образом оценивается статус сочетания единоначалия и коллегиальности при рассмотрении уголовных дел в работе А. Н. Громова, В. А. Пономаренкова и Ю. В. Францифорова [2, с. 90]. Е. И. Фадеева позиционирует единоличность и коллегиальность составов суда при рассмотрении уголовных дел как одно из общих условий судебного разбирательства [3, с. 52].

Отнесение рассматриваемого начала к числу конституционных принципов судопроизводства представляется дискуссионным, поскольку ни в одной

из глав Конституции Российской Федерации о таком принципе не упоминается. Нет оснований относить начало сочетания коллегиального и единоличного порядка рассмотрения уголовных дел и к общим условиям судебного разбирательства. Дело в том, что общие условия судебного разбирательства в нашем понимании представляют собой именно закрепленные в тексте закона правила, которые отражают наиболее характерные черты производства в суде первой инстанции и обеспечивают осуществление на этом этапе принципов уголовного судопроизводства. Общие условия закреплены в гл. 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), и среди них нет упоминания о таком условии, как сочетание единоличности и коллегиальности. В то же время принципы уголовного процесса, как исходные, руководящие положения (идеи), определяющие его сущность, единство и построение, представляющие собой не что иное, как государственно-властные требования, обращенные к участникам уголовного судопроизводства, могут и не быть сформулированы в тексте УПК РФ в качестве отдельного положения (статьи). Именно это, как представляется, и имеет место в случае с принципом сочетания единоличности и коллегиальности при рассмотрении уголовных дел.

Надо заметить, что принцип коллегиальности при отправлении правосудия по уголовным делам всегда был присущ отечественному уголовному судопроизводству, но включать его в систему принципов уголовного процесса стали совсем недавно — в советское время. Принципы уголовного процесса, как его общие, руководящие идеи, определялись своим содержанием, сущностью, направленностью независимо от того, как они получали свое полное выражение:

1) во всех его стадиях (например, принципы публичности, требования установить объективную истину по делу, обеспечения обвиняемому права на защиту);

2) только в некоторых стадиях, среди которых обязательно должна быть стадия судебного разбирательства как центральная стадия процесса (например, принципы гласности, коллегиальности рассмотрения и разрешения дел судами и т. п.).

Следует отметить, что до принятия Основ уголовного судопроизводства в законодательстве отсутствовала специальная статья, посвященная принципу коллегиальности при рассмотрении уголовных дел. Принцип коллегиальности как один из важнейших в советском судопроизводстве исходил из содержания ст. 103 Конституции 1936 г. [4]

и статей Закона от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» [5], в которых закреплялся состав суда первой инстанции, а также кассационных и надзорных судов. После введения Основ уголовного судопроизводства 1958 г. [6] принцип коллегиальности в сочетании с участием народных заседателей в рассмотрении всех уголовных и гражданских дел стал принципиальным положением советского судопроизводства, официально закрепленным в законодательстве.

Так, одним из первых советских ученых, сформулировавших и изложивших систему принципов уголовного судопроизводства, стал М. А. Чельцов, который в число принципов уголовного процесса включил «участие в совершении правосудия народных заседателей и коллегиальное рассмотрение дел» [7, с. 45].

И. В. Тыричев к принципам советского уголовного процесса относил «принцип участия народных заседателей и коллегиальность в рассмотрении дел» и «принцип осуществления правосудия по уголовным делам выборными судьями и народными заседателями» [8, с. 21]. Автор считал, что коллегиальное рассмотрение уголовного дела в суде является гарантом наибольшей правосудности, законности и справедливости судебного решения.

Известный процессуалист М. С. Строгович также подчеркивал, что одним из важных руководящих и принципиальных положений советского уголовного процесса является коллегиальное рассмотрение дел во всех судах [9, с. 95]. Но М. С. Строгович полагал, что к категории принципов уголовного процесса следует относить лишь те, что носят непосредственно процессуальный характер, т. е. такие, которые отражают, характеризуют и определяют именно производство по уголовным делам, а не повторяют положения, выраженные в Основах судостроительства [9, с. 175]. Однако, на наш взгляд, данное утверждение актуально прежде всего для классификации принципов. Судостроительство, как и его принципы, неразрывно связано с судопроизводством, и это выражается в том, что многие положения являются одновременно принципами как судопроизводства, так и судостроительства. Об этом, в частности, писал А. Д. Бойков: «Конституция СССР подняла на новую, более высокую ступень авторитет правосудия, отразив его важнейшие организационные и функциональные принципы, отвечающие духу социалистической демократии... К числу таких принципов относится принцип коллегиальности рассмотрения дел во всех судах, а в суде первой инстанции — с обязательным участием

народных заседателей, приравненных в правах к профессиональному судье» [10, с. 31].

П. М. Давыдов, рассуждая о природе коллегиальности в работе судов при рассмотрении уголовных дел, причислял этот принцип к группе структурно-организационных судебных принципов: «Коллегиальное решение вопросов государственного значения является важнейшим принципом партийной и государственной деятельности». Он также отмечал, что демократизм советского уголовного процесса выражается именно через принцип коллегиальности состава суда, в том числе, основанный на участии народа в отправлении правосудия, имеющем большое политико-воспитательное воздействие [11, с. 13].

Т. Н. Добровольской анализируемый принцип именуется «принципом коллегиальности рассмотрения и разрешения дел и равенства прав всего состава суда при исследовании доказательств и разрешении дела» [12, с. 155]. Объясняет автор такую трактовку принципа тем, что по-настоящему коллегиальное рассмотрение дела может показать все свои преимущества только тогда, когда все члены суда равны друг перед другом в правах. Сказанное в полной мере актуально и применительно к современным коллегиальным профессиональным составам суда: только при равенстве членов коллегии и при условии, что мнение им не навязано извне, коллегиальность может обеспечить полноту и глубину исследования материалов уголовного дела, а также обоснованность и объективность принятого решения.

П. А. Лупинская, рассматривая особенности надзорного производства, отмечала, что в деятельности судебных органов, ответственных за проверку и пересмотр судебных решений, в частности надзорных инстанций, должны строго соблюдаться демократические принципы осуществления правосудия. Одним из таких принципов П. А. Лупинская называла коллегиальность в рассмотрении уголовных дел [13, с. 8].

Таким образом, в советский период статус коллегиальности рассмотрения и разрешения уголовных дел как одного из важнейших принципов уголовного процесса являлся общепризнанным.

Однако Законом Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» [14] наряду с коллегиальным началом отправления уголовного правосудия был введен единоличный порядок рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции.

В связи с этим говорить о коллегиальности как о самостоятельном отдельном принципе уголовного процесса в настоящее время не приходится. Следует согласиться с А. А. Тарасовым, который пишет: «После введения института единоличного рассмотрения дел (как гражданских, так и уголовных) считать коллегиальность судебного разбирательства в уголовном процессе принципом процесса стало некорректным, ибо к компетенции единолично действующего судьи было отнесено такое количество уголовных дел, которое исключением из общего правила никак не назовешь» [15, с. 220—221].

Корректнее, на наш взгляд, говорить о «коллективности рассмотрения уголовных дел» и «единоличном рассмотрении уголовных дел» в современном уголовном процессе как о *началах (порядках) рассмотрения уголовных дел*. При этом «начало рассмотрения уголовных дел» в нашем понимании следует трактовать как то, что образует процессуальную форму рассмотрения уголовных дел, т. е. формообразующее понятие. В основе нашего понимания понятия «начало» лежит позиция А. В. Смирнова, по мнению которого «...известные исторические формы уголовного процесса складывались в зависимости от того, что принималось за формообразующее начало: отношения интеграции, единства и упорядочения элементов процессуальной системы либо отношения дезинтеграции, соперничества противоборствующих сторон» [16, с. 57]. Считаем, что подобная концепция понимания «начала» в уголовном процессе присуща не только для категорий «публичное» и «частное», но и для категорий «коллективность» и «единоличность» рассмотрения уголовных дел, так как все они образуют форму уголовного процесса, т. е. совокупность его черт и характерных особенностей, определяющих сущность и назначение уголовного судопроизводства, конкретной его стадии.

Анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить следующие существенные черты коллегиальности как начала рассмотрения уголовных дел:

1) носителем властного начала в процессуальных отношениях между судом и другими участниками процесса является коллегия, решение которой принимается в ходе голосования на основе большинства голосов;

2) входящие в состав коллегии судьи (если речь идет о коллегии, состоящей из трех профессиональных судей) производят оценку доказательств по своему внутреннему убеждению, а затем согласовывают свои позиции и приходят к единому общему мнению;

3) каждый член коллегии обладает правом на особое мнение при недостижении коллегией единого общего мнения.

Перечисленные черты присущи составам суда, коллегия в которых формируется полностью из профессиональных судей (как при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции, так и в апелляционном, кассационном и надзорном производствах).

Что касается коллегиальности при рассмотрении уголовных дел в судах с участием присяжных заседателей, то она имеет несколько иную характеристику. В таких судах у коллегии присяжных заседателей отсутствует какая-либо власть по отношению к другим участникам судопроизводства. Властное начало в ходе рассмотрения уголовного дела присутствует только в деятельности председательствующего судьи. Однако при постановлении приговора председательствующий, по общему правилу, обязан основываться на вердикте, что позволяет говорить о переходе властного начала на этом этапе судебного разбирательства к коллегии присяжных заседателей. Во всем остальном коллегиальность в суде с участием присяжных заседателей соответствует описанным выше чертам (членами коллегии выносятся вердикт в процессе обсуждения, при котором каждый из членов коллегии в процессе исследования доказательств на основе внутреннего убеждения открыто голосует по вопросам, поставленным на обсуждение). Таким образом, судопроизводство в судах присяжных включает в себя два уровня коллегиального начала — это взаимодействие между собой профессионального судьи и непрофессионального элемента (коллегии присяжных заседателей), а также взаимодействие членов коллегии присяжных заседателей между собой внутри самой коллегии присяжных, что придает суду с участием присяжных заседателей уникальный характер. Исходя из этого можно утверждать, что во время судебного следствия председательствующий судья, который им руководит, выстраивает особые процессуальные отношения с коллегией присяжных заседателей, члены которой хоть и не имеют никакого властного начала в отношении председательствующего судьи и других участников процесса, но и не подчиняются ему. А вот после окончания судебного следствия ситуация в корне меняется, и коллегия присяжных уже становится во главе угла, ведь на основе принятого ею вердикта судья обязан вынести соответствующее процессуальное решение (постановить приговор).

Таким образом, коллегиальное начало в суде присяжных, условно говоря, имеет два уровня (процессуальные отношения между председательствующим судьей и коллегией присяжных заседателей на этапе судебного следствия и, собственно, процессуальные отношения между членами коллегии во главе со старшиной присяжных после окончания судебного следствия), которые порождают особенности судопроизводства в суде присяжных как в коллегиальном органе, в отличие от коллегии, состоящей полностью из судей-профессионалов.

Следовательно, в основе коллегиального порядка рассмотрения уголовных дел лежит использование индивидуального мыслительного потенциала нескольких судей, что обеспечивает дополнительные гарантии против вынесения незаконных и необоснованных решений. «Коллегиальная уголовно-процессуальная деятельность, — пишет А. А. Тарасов, — позволяет привлечь нескольких людей с их знаниями, профессиональным и житейским опытом к решению наиболее сложных правовых задач, ограничить опасность единоличного произвола со стороны конкретных представителей власти» [17, с. 5].

К преимуществам рассмотрения уголовных дел коллегиальными составами судов также можно отнести следующие моменты.

1. При добросовестном и тщательном отношении всех членов коллегии (судей в профессиональных коллегиях, в том числе в президиуме; судьи и членов коллегии присяжных заседателей в судах с участием присяжных заседателей) к своим обязанностям по осуществлению правосудия решение коллегиального суда будет более продуманным и взвешенным. Судьи при его вынесении обсуждают все спорные или проблемные аспекты уголовного дела. Здесь сталкиваются между собой различные точки зрения, суждения членов коллегии по тем или иным обстоятельствам дела, все тщательно продумывается с разных сторон. Это способствует более полному выяснению спорных моментов дела и повышает качество судебного решения.

2. Коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовного дела, как правило, обеспечивает большую независимость и беспристрастность судей. На одного судью значительно легче оказать давление, нежели на нескольких судей. Кроме того, окружение коллег заставляет удерживаться от проявления явного пристрастия и совершения недобросовестных действий. Коллегиальность также может нейтрализовать или компенсировать недобросовестность одного из судей.

3. Коллегиальное решение, принятое несколькими судьями или в суде с участием присяжных

заседателей, вызывает большее доверие у общественности, что делает решения коллегиального суда более авторитетными, нежели решения, принятые судьей единолично.

В современном уголовном процессе России начало коллегиальности в судебной деятельности проявляется в двух формах: профессиональной, когда коллегии (включая президиум) состоят только из профессиональных судей; и смешанной, когда в разрешении уголовного дела наряду с профессиональным судьей участвует непрофессиональный элемент — в настоящее время в уголовном судопроизводстве это коллегия присяжных заседателей.

Суд присяжных как коллегиальная форма рассмотрения уголовных дел в нашей стране прошел в своем развитии четыре этапа:

1) 20 ноября 1864 г. — 9 мая 1878 г.: создание судов с участием присяжных заседателей и начало кризиса суда присяжных;

2) 9 мая 1878 г. — 7 июля 1889 г.: период кризиса института присяжных заседателей и его последующее реформирование;

3) 7 июля 1889 г. — 4 марта 1917 г.: посткризисный период развития суда присяжных, осмысление реформ периода кризиса;

4) 4 марта 1917 г. — 22 ноября (5 декабря) 1917 г.: демократизация института судов присяжных.

На протяжении всех перечисленных этапов развития в целом работа судов присяжных оценивалась теоретиками и практиками положительно, введение самого института считалось воплощением демократизации российского правосудия, а в науке активно (и по сей день) предлагаются возможные варианты по усовершенствованию и улучшению различных аспектов деятельности коллегий присяжных заседателей как единственного на настоящий момент института, позволяющего народу принимать участие в отправлении уголовного правосудия.

Обобщая сказанное, считаем, что коллегиальность следует рассматривать как начало рассмотрения уголовных дел, функционирующее в уголовном процессе наряду с началом единоличности. Предлагаем следующую трактовку понятия «рассмотрение уголовного дела коллегиальным составом суда»: рассмотрение уголовного дела и вынесение процессуального решения путем привлечения мыслительного потенциала профессиональных судей в составе судейской коллегии либо профессионального судьи и непрофессиональных членов коллегии присяжных заседателей, обеспечивающее повышенные правовые гарантии от принятия незаконных и необоснованных решений, а также их объективность и справедливость.

1. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1998. 216 с.

2. Громов А. Н., Пономаренков В. А., Францифиров Ю. В. Уголовный процесс России: учебник. М.: Юрайт, 2001. 555 с.

3. Фадеева Е. И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2014. 220 с.

4. Конституция СССР: [принята VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 года] // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 1936. № 283.

5. О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16.08.1938 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. канд. юрид. наук Ю. И. Манделштам. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. С. 98—107.

6. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. № 1. Ст. 15.

7. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1962. 503 с.

8. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие / отв. ред. М. С. Дьяченко. М.: ВЮЗИ, 1983. 80 с.

9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.

10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В. Б. Алексеев, Л. Б. Алексеева, В. П. Божьев, А. Д. Бойков и др.; под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.

11. Давыдов П. М. Принципы советского уголовного. Свердловск: Свердлов. ин-т им. А. Я. Вышинского, 1957. 51 с.

12. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. 200 с.

13. Лупинская П. А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу в порядке судебного надзора: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1978. 52 с.

14. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-

1. Rzhovsky V. A., Chepurnova N. M. Judicial Branch in the Russian Federation: Constitutional Foundations of Organization and Activity. Moscow: Lawyer; 1998: 216.

2. Gromov A. N., Ponomarenkov V. A., Frantsifirov Yu. V. Criminal Procedure of Russia. Textbook. Moscow: Yurayt; 2001: 555.

3. Fadeyeva Ye. I. Collegiality of Court Composition in Court Proceeding (Trial) on Criminal Cases. Dissertation of candidate of juridical sciences: 12.00.09. Chelyabinsk; 2014: 220.

4. Constitution of the USSR: [adopted by the VIII All-Union Congress of the Soviets on 5 December 1936]. Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of Workers, Peasants, Red Army and Cossack Deputies. 1936. № 283.

5. Law of the USSR of 16 August 1938. "On Judicial System of the USSR, Union and Autonomous Republics". In: Collection of the USSR Laws and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 — July 1956. Ed. by Candidate of Juridical Sciences Yu. I. Mandelshtam. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1956: 98—107.

6. Law of the USSR of 25 December 1958. "On Approval of the Fundamentals of Criminal Court Proceedings of the Union of the Soviet Socialist Republics and of the Union Republics". Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. Moscow: Edition of the Supreme Council of the USSR; 1959; 1: Art. 15.

7. Cheltsov M. A. Soviet Criminal Procedure. Textbook. Moscow: State Law Office; 1962: 503.

8. Tyrichev I. V. Principles of the Soviet Criminal Procedure. Textbook. Ed. by M. S. Dyachenko. Moscow; 1983: 80.

9. Strogovich M. S. Course of the Soviet Criminal Procedure. In 2 Volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968: 470.

10. Alexeyev V. B., Alexeyev L. B., Bozhiev V. P. (et al.) Course of the Soviet Criminal Procedure. General Part. Ed. by A. D. Boykov, I. I. Karpets. Moscow: Legal Literature; 1989: 640.

11. Davydov P. M. Principles of the Soviet Criminal Procedure. Sverdlovsk: Sverdlovsk Institute named after A. Ya. Vyshinsky; 1957: 51.

12. Dobrovolskaya T. N. Principles of the Soviet Criminal Procedure (Theory and Practice Issues). Moscow: Legal Literature; 1971: 200.

13. Lupinskaya P. A. Revision of Sentences, Rules and Decisions to Have Taken Legal Force as Juridical Supervision. Textbook. Moscow: VYUZI; 1978: 52.

процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР: закон РФ от 29 мая 1992 г. № 2869-1 // Российская газета. 1992. 3 июля (№ 487).

15. Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное рассмотрение уголовных дел в системе принципов уголовного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2001. № 2. С. 217—224.

16. Смирнов А. В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Правоведение. 1989. № 5. С. 56—62.

17. Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе. Правовые и социально-психологические проблемы / отв. ред. С. А. Шейфер. Самара: Изд-во Сам. гос. ун-та, 2001. 312 с.

14. Law of the Russian Federation No. 2869-1 of 29 May 1992. "On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR "On Judicial System of the RSFSR", Code of Criminal Procedure and Code of Civil Procedure of the RSFSR". Rossiyskaya Gazeta. 1992; 3 July (487).

15. Tarasov A. A. Individual (Independent) and Collegial Investigation of Criminal Cases in the System of Principles of Criminal Procedure. Vestnik of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series "Law". 2001; 2: 217—224.

16. Smimov A. V. On Historical Form of the Soviet Criminal Procedure. Jurisprudence. 1989; 5: 56—62.

17. Tarasov A. A. Individual (Independent) and Collegial in Criminal Proceedings. Legal and Social Psychological Problems. Ed. by S. A. Sheifer. Samara: Publishing House of the Samara State University; 2001: 312.

© Лыков Д. А., 2020

© Lykov D. A., 2020

Лыков Дмитрий Андреевич,
аспирант кафедры уголовного процесса
и криминалистики Волгоградского
государственного университета
e-mail: lykov94@mail.ru

Lykov Dmitry Andreevich,
post-graduate student of the department
of criminal procedure and criminalistics
of Volgograd state university;
e-mail: lykov94@mail.ru

* * *

А. И. Мелихов, Н. И. Костюченко

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В статье рассматриваются роль и значение уголовного процесса и оперативно-разыскной деятельности в системе обеспечения национальной безопасности от криминальных угроз. Установлено, что уголовный процесс и оперативно-разыскная деятельность не только представляют собой самостоятельные инструменты обеспечения национальной безопасности, но и содержат универсальный порядок доступа к мерам государственного принуждения для уполномоченных субъектов системы обеспечения национальной безопасности.

Основной целью уголовного процесса является обеспечение справедливости как общенациональной ценности и конституционного блага при использовании уголовной ответственности и уголовно-процессуальных мер принуждения в борьбе с криминальными угрозами, принявшими форму преступлений. В механизме обеспечения национальной безопасности основная роль уголовного процесса состоит в обеспечении защиты личности от незаконного осуждения государством с целью поддержания согласия и стабильности в отношениях между государством и личностью как залога национальной безопасности.

Оперативно-разыскная деятельность охватывает больший круг задач, объектов и угроз национальной безопасности, чем уголовный процесс. С позиций теории безопасности главным назначением оперативно-разыскной деятельности является не установление справедливости или поиск истины, а непосредственное обеспечение безопасности человека, общества и государства от криминальных угроз. В отличие от уголовного процесса ОРД предоставляет возможность выявлять, предупреждать, нейтрализовать, пресекать и уничтожать все виды криминальных угроз не только на стадии привлечения к уголовной ответственности, но и на неохватываемых уголовным законодательством стадиях возникновения умысла, приготовления к преступлению; бороться с криминальными действиями, не принявшими форму преступлений; отражать угрозы, порождаемые событиями, искусственным разумом, бессознательной или (и) невиновной деятельностью, случайным стечением обстоятельств; противодействовать криминальным угрозам по нераскрытым, инсценированным и замаскированным преступлениям, дела по которым приостановлены или прекращены.

В теории уголовного процесса роль оперативно-разыскной деятельности является обеспечивающей, в то время как в теории национальной безопасности переход борьбы с криминальными угрозами в уголовно-процессуальную форму является одним из многих возможных сценариев развития оперативно-разыскной деятельности, что ставит ее в деле обеспечения национальной безопасности на первое место.

Ключевые слова: национальная безопасность, справедливость, истина, оперативно-разыскная деятельность, уголовный процесс, криминальные угрозы, порядок доступа к мерам государственного принуждения.

A. I. Melikhov, N. I. Kostyuchenko

**ROLE AND SIGNIFICANCE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES
AND CRIMINAL PROCEEDING IN ENSURING NATIONAL SECURITY**

The article discusses the role and significance of the criminal process and operational investigative activities in the system of ensuring national security from criminal threats. It was established that the criminal process and operational investigative activities are not only independent tools for ensuring national security, but also contain a universal procedure for access to official coercive measures for authorized entities of the national security system.

The main objective of the criminal proceeding is to ensure justice as a national value and constitutional good when using criminal liability and criminal procedure coercive measures in the fight against criminal threats that have taken the form of crimes. In the mechanism of ensuring national security, the main role of the criminal process is to ensure the security of the individual from unlawful conviction by the state in order to maintain harmony and stability in relations between the state and the individual as a guarantee of national security.

Operational investigative activities cover a wider range of tasks, subjects and threats to national security than the criminal proceeding. From the point of view of security theory, the main purpose of the operational investigative activities is not to establish justice or search for truth, but to directly ensure the safety of the individuals, society and the state from criminal threats. Unlike the criminal process, operational investigative activities provide the opportunity to identify, prevent, neutralize, suppress and destroy all types of criminal threats, not only at the stage of criminal prosecution, but also at the stages of intent, preparation for a crime not covered by criminal law; to fight criminal activities that have not taken the form of crimes; counter threats posed by events, artificial intelligence, unconscious and/or crimeless activity, accidental combination of circumstances; to counteract criminal threats for unsolved, staged and disguised crimes, which proceedings are suspended or terminated.

In the theory of criminal process, the role of operational investigative activities is of ensuring nature, while in the theory of national security, the transition from criminal threats to the criminal procedure form is one of many possible scenarios for development of operational investigative activities, which puts it in the first place in ensuring national security.

Key words: national security, justice, truth, operational investigative activity, criminal proceeding, criminal threats, order of access to the official coercive measures.

Традиционно оперативно-разыскная деятельность (ОРД) и уголовный процесс рассматривались в контексте механизма борьбы с преступностью, где ОРД отводилась роль обеспечения уголовного судопроизводства. В настоящее время в связи с интенсивным, а иногда и агрессивным развитием международных и иностранных, государственных и частных сложных социальных систем (см. подробнее об этом: [1; 2]) Российская Федерация сместила акцент развития с обеспечения прав человека на обеспечение национальной безопасности, что привело к расширению сферы применения ОРД далеко за рамки уголовного права и процесса, что неоднократно отмечалось исследователями [3].

Отчасти эта тенденция была заложена при законодательном определении: ОРД (ст. 1 Федерального закона (ФЗ) «Об ОРД»), контрразведывательной (КРД) (ст. 9 ФЗ «О ФСБ») и разведывательной деятельности (ст. 1 ФЗ «О внешней разведке»), где были использованы термины теории безопасности («угроза», «ущерб», «безопасность»), в то время как в уголовном процессе главенствует терминология теории прав человека («защита», «обеспечение», «нарушение»), а о безопасности напрямую упоминается исключительно в рамках обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

С позиций теории безопасности между уголовным процессом и ОРД имеются значительные отличия, делающие ОРД более многофункциональным инструментом обеспечения национальной безопасности, чем уголовный процесс.

Во-первых, складывавшаяся веками и требующая статичности законодательного закрепления традиционная парадигма уголовного процесса не охватывает всего современного многообразия

угроз национальной безопасности. Назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов участников уголовного процесса, иначе говоря, уголовный процесс в большей мере обеспечивает безопасность личности от незаконного осуждения государством, в то время как задачи ОРД охватывают больший круг объектов обеспечения безопасности — человека, общество и государство.

Во-вторых, главной целью уголовного процесса является обеспечение гражданам таких благ и ценностей, как справедливость (преамбула Конституции Российской Федерации (РФ), п. 78 Стратегии национальной безопасности РФ, п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)) и безопасность (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). С позиций практической значимости в уголовном процессе на первое место выходит обеспечение справедливости с целью поддержания согласия и стабильности в отношениях между государством и личностью как залога национальной безопасности в форме защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод на стадии расследования и судебного разбирательства. При возникновении криминальных угроз участникам уголовного процесса меры безопасности иницируются уголовно-процессуальным решением, но реализуются в основном посредством ОРД. Обеспечению безопасности от преступлений в форме защиты прав и интересов потерпевших в уголовном процессе уделяется значительно меньшее внимание, поскольку эта угроза, как правило, уже миновала. В ОРД, напротив, цель обеспечения безопасности человека, общества и государства ставится на первое место, поскольку она более актуальна для стадий выявления, преду-

преждения, пресечения и раскрытия преступлений. Задачи ОРД созвучны задачам системы обеспечения безопасности — сбор информации об угрозах, их выявление, предупреждение, нейтрализация, пресечение, локализация, отражение, уничтожение.

В сфере оперативно-разыскной деятельности цель обеспечения безопасности от криминальных угроз конкурирует, а иногда и входит в противоречие с целью установления истины, которая, по мнению ряда признанных ученых, составляет суть ОРД [4, с. 24]. В связи с этим необходимо отметить, что в Конституции РФ, ФЗ «Об ОРД», Стратегии национальной безопасности РФ в качестве благ и национальных ценностей упоминаются безопасность и справедливость, но не установление истины. Несомненно, без установления истины невозможна справедливость, однако эта цель гораздо в большей степени характеризует деятельность суда, прокуратуры и предварительного следствия. От оперативных подразделений правоохранительных органов во все времена требовалась «быстрота действий, негласность и способность к обнаружению признаков преступного деяния» [5, с. 352], что более соответствует задачам обеспечения безопасности. С другой стороны, считалось, что полиция как орган дознания не предоставляет условий объективности и беспристрастности, которые необходимы при производстве судебных действий, поэтому в нашей стране был создан более сложный институт уголовного процесса, призванный обеспечить справедливость разбирательства и назначения наказания. Поиск истины подразделениями органов внутренних дел (ОВД), осуществляющими ОРД, на практике часто приобретает инквизиционный характер и нередко осуществляется в ущерб обеспечения безопасности граждан и общества от криминальных угроз.

В-третьих, в уголовном процессе основным средством борьбы с криминальными угрозами является привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений и применение уголовно-процессуальных мер принуждения. Эта деятельность осуществляется с целью предупреждения в будущем криминальных угроз за счет принуждения лица, совершившего преступление, к претерпеванию неблагоприятных последствий с расчетом на осознание им невыгодности для него преступного поведения в дальнейшем, а в идеале — его перевоспитание либо, если лицо все равно представляет криминальную угрозу, на ее локализацию (путем ограничения или лишения свободы), что, впрочем, уже охватывается стадией исполнения наказания. На стадии уголовно-процессуальной

деятельности указанные меры предупреждения криминальной угрозы только программируются, хотя локализация криминальной угрозы может быть осуществлена в форме применения мер пресечения. Субъекты ОРД осуществляют борьбу с криминальными угрозами прямо и непосредственно, охватывая не только стадию их предупреждения, но и выявления, нейтрализации, пресечения, отражения, локализации и уничтожения. Возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений является для ОРД лишь одним из средств борьбы с преступностью наряду с применением иных мер государственного принуждения и правового воздействия в виде привлечения к иным видам юридической ответственности, документирования преступной деятельности, включения в базы данных (маркированием или «клеймением») лиц или объектов, представляющих криминальную угрозу, и т. д.

В-четвертых, уголовный процесс ограничен преимущественно сферой виновного причинения вреда, в то время как интересы обеспечения безопасности требуют «объективного вменения» (выражаясь терминологией уголовного права), т. е. отражения угроз, порождаемых не только сознательной и виновной деятельностью, но и возникающих в результате: бессознательной или (и) невиновной деятельности (социальная энтропия, действия животных и недееспособных); случайного стечения обстоятельств (несчастные случаи); событий (т. е. юридических фактов, не зависящих от воли человека, — стихийные бедствия); принятия решений искусственным интеллектом, формально не обладающим правосубъектностью в сфере уголовного процесса (ажитаж на рынке, вызванный биржевыми роботами, блокировка жизненно важных систем в сложных технологических средах жизнедеятельности человека) и др.

В перечисленных случаях при выявлении криминальных угроз, не образующих состава преступления, уголовно-процессуальная деятельность в лучшем случае может нейтрализовать их применением принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия как разновидности юридической ответственности, однако чаще, вследствие отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела, криминальная, техногенная или природная угроза не устраняется. Это означает, что механизм обеспечения безопасности не сработал, поскольку отсутствуют основания и условия для применения главного средства борьбы с криминальной угрозой в рамках уголовного процесса — привлечения к уголовной ответственности

ности. В указанных случаях следователь даже не может вынести представление об устранении обстоятельств, способствовавших возникновению угрозы безопасности, как это может быть сделано по окончании предварительного расследования (ст. 158 УПК РФ). Напротив, средства ОРД позволяют нейтрализовать эти угрозы безопасности путем привлечения причастных лиц к иным видам государственного принуждения и воздействия, а также передачи материалов для рассмотрения в другие органы, входящие в систему обеспечения национальной безопасности (Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральная таможенная служба, Министерство природных ресурсов и экологии и др.) с целью дальнейшего проведения служебного или административного расследования.

В-пятых, не все криминальные угрозы могут квалифицироваться как преступления, а следовательно, эффективная борьба с ними не может вестись посредством привлечения виновных к уголовной ответственности в рамках уголовного процесса. К примеру, согласно п. 9 Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (утв. приложением к приказу МВД России от 02.01.2013 № 1) к внешним угрозам собственной безопасности системы МВД России относятся: деятельность организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций), направленная на проникновение в ОВД РФ; получение служебной информации от сотрудников, гражданских служащих и работников системы МВД России путем установления доверительных отношений; компрометирование ОВД и лиц, оказывающих им содействие, и др. Например, наличие судимости или криминального прошлого у родственников формально не препятствует поступлению гражданина РФ на службу в ОВД. Соответственно, гражданин, соприкасающийся с преступной средой, злоупотребив своим правом поступления на государственную службу в ОВД, может беспрепятственно доносить информацию, полученную на работе, в ущерб интересам службы. Перечисленные действия, несомненно, представляют криминальную угрозу собственной безопасности ОВД и в перспективе могут вызвать дестабилизацию работы органов государственной власти (п. 43 Стратегии), подорвать веру в государство как гарант безопасности личности и прав собственности (п. 44 Стратегии), а следовательно, нанести урон государственной и общественной безопасности, однако в отрыве от всей организованной преступной

деятельности не образуют состава преступления. Единственное, что может сдерживать такого сотрудника от вредительства, — это возможность проведения в отношении него оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) с целью установления его причастности к совершению преступных деяний и предупреждения общественно опасных последствий, однако, учитывая трудности доказывания умысла на совершение преступления в условиях сплоченной среды организованной преступности, наиболее реальным результатом таких ОРМ будет выявление дисциплинарного проступка, позволяющего отстранить недобросовестного сотрудника или уволить его из ОВД.

Показательно соотношение КРД и ОРД, отмеченное авторами одного из последних учебников по ОРД. С точки зрения уголовного судопроизводства КРД является разновидностью ОРД, т. е. в УПК РФ ничего не говорится об использовании результатов КРД в уголовном судопроизводстве, но регламентировано использование результатов ОРД [4, с. 30]. С позиций уголовного процесса КРД — это формально обособленный вид ОРД, осуществляемый в целях борьбы со шпионажем и государственной изменой, не имеющий существенных особенностей. С позиций теории национальной безопасности ОРД наряду с военной деятельностью является одним из средств КРД. ОРД, предоставляя КРД, во-первых, прикладной инструментарий (ОРМ, меры государственного принуждения в виде ограничения прав граждан и юридических лиц и т. п.) для борьбы с криминальными угрозами государственной безопасности, как принятыми, так и не принятыми форму преступлений, а во-вторых, правовой порядок доступа к таким средствам борьбы с криминальными угрозами государству, принятыми форму преступлений, как привлечение к уголовной ответственности и применение уголовно-процессуальных мер принуждения.

В теории ОРД ученые давно обратили внимание на то, что криминальные угрозы безопасности не ограничиваются только преступлениями. Так, В. И. Козлов следующим образом формулирует перечень криминальных угроз, которые невозможно квалифицировать как преступления и оперативно-разыскные меры противодействия им: оперативное воздействие и оперативный контроль в отношении лиц, подозреваемых в замышлении, приготовлении и покушении на совершение преступления с целью недопущения его совершения, а также по изучению и принятию своевременных мер по нейтрализации причин и условий, способствующих криминальной активности указанной

категории лиц [6, с. 15]. Работа В. И. Козлова одной из первых обозначила научные проблемы многоплановости роли ОРД в обеспечении национальной безопасности от криминальных угроз и ее правовой неурегулированности.

В настоящее время с целью борьбы с криминальными угрозами, не образующими состава преступления, оперативно-разыскные подразделения осуществляют ОРМ для обеспечения принятия административных (управленческих) решений в сфере подбора кадров; для реализации отдельных полномочий налоговых органов; для осуществления арбитражного судопроизводства, исполнительного производства; для обеспечения информацией уполномоченных органов о возникающих угрозах национальной безопасности в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом и их оценке и др.

В-шестых, уголовный процесс ограничен во времени, средствах и методах проведения следственных и иных процессуальных действий для борьбы с криминальными угрозами по приостановленным и прекращенным уголовным делам, в то время как посредством ОРД осуществляется розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, устанавливаются лица, совершившие преступления, — по приостановленным делам. По уголовным делам, прекращенным в связи с невозможностью установления виновности лица, за отсутствием события преступления, а также по делам о завуалированных и инсценированных преступлениях новые доказательства виновности будут изыскиваться, как правило, оперативно-разыскным путем, в том числе посредством поиска без вести пропавших.

Указанные виды деятельности осуществляются еще и в процессе выполнения задачи ОРД по добыванию информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, а также по розыску без вести пропавших.

Примечательно, что в данном перечне нет ссылки на общественную безопасность, поскольку необходимо:

1) оградить сферу общественной жизни от вмешательства федеральных правоохранительных органов, т. е. отказ от создания политической полиции;

2) разделить усилия и затраты на обеспечение общественной безопасности между органами власти РФ, субъектами РФ, местным самоуправле-

нием, а также институтами гражданского общества, поскольку все субъекты ОРД — это федеральные органы;

3) в интересах обеспечения стабильности путем разделения властей в силовой сфере ограничить полномочия ОВД по использованию ОРД для выявления криминальных угроз, не образующих состава преступления, экономической, информационной и экологической сферами жизни общества.

В завершение акцентируем внимание на следующих выводах.

1. Установлено, что уголовный процесс и ОРД представляют собой не только самостоятельные инструменты обеспечения национальной безопасности, но и устанавливают универсальный порядок доступа к мерам государственного воздействия (в виде ограничения прав и свобод человека и гражданина, уголовной ответственности, административного и уголовно-процессуального принуждения, оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий и др.) для уполномоченных субъектов системы обеспечения национальной безопасности, осуществляющих военную, разведывательную, контрразведывательную и оперативно-разыскную деятельность (подробнее о тенденциях сближения уголовного процесса и ОРД в деле обеспечения национальной безопасности см.: [7; 8]).

2. Основной целью уголовного процесса является обеспечение справедливости как общенациональной ценности и конституционного блага при использовании таких средств обеспечения безопасности человека, общества и государства, как уголовная ответственность (в том числе в форме принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия) и уголовно-процессуальные меры принуждения. Непосредственно для обеспечения национальной безопасности уголовный процесс выполняет более ограниченную, по сравнению с ОРД, функцию борьбы с криминальными угрозами, принявшими форму преступлений.

3. В теории безопасности привлечение виновных к уголовной ответственности является одним из многих возможных результатов оперативно-разыскной деятельности по борьбе с криминальными угрозами, в отличие от теории уголовного процесса, где ОРД, напротив, является обеспечивающей по отношению к уголовно-процессуальной деятельности.

4. ОРД является более многофункциональным инструментом обеспечения национальной безопасности, основной целью применения которого

является не установление справедливости или поиск истины, а обеспечение безопасности человека, общества и государства от криминальных угроз. В отличие от уголовного процесса, ОРД предоставляет возможность выявлять, предупреждать, нейтрализовать, пресекать и уничтожать все виды криминальных угроз не только на стадии привлечения виновных к уголовной ответственности, но и на неохватываемых уголовным законодательством стадиях возникновения умысла, приготовления

к преступлению; бороться с криминальными действиями, не принявшими форму преступлений; отражать угрозы порождаемые событиями, искусственным разумом, бессознательной или (и) невиновной деятельностью, случайным стечением обстоятельств; противодействовать криминальным угрозам по нераскрытым, инсценированным и замаскированным преступлениям, уголовные дела по которым приостановлены или прекращены.

1. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2018.

2. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере МВД): монография. Краснодар, 2018.

3. Гусев В. А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности: новые тенденции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1. С. 86—91.

4. Викторский С. И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М.: Городец, 1997. 448 с.

5. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / К. К. Горяинов, В. С. Овчинский, О. А. Вагин и др. М.: ИНФРА-М, 2018.

6. Козлов В. И. Оперативно-розыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства: правовые и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

7. Меретуков Г. М., Лунина Е. С., Липка А. О. Уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115 (1); URL: ej.kubagro.ru (дата обращения: 18.07.2019).

8. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Оперативно-разыскная деятельность и уголовный процесс: вопросы сближения и взаимопроникновения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 9—14.

© Мелихов А. И., Костюченко Н. И., 2020

1. Kostyuchenko N. I. Problems of theory and practice of social systems management. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018.

2. Kostyuchenko N. I. Function system of social systems (illustrated by the Ministry of Internal Affairs). Monograph. Krasnodar; 2018.

3. Gusev V. A. Use of the results of operational investigative activities: new trends. Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014; 1: 86—91.

4. Victorsky S. I. Russian criminal proceedings. Tutorial. Moscow: Gorodets; 1997.

5. Goryainov K. K., Ovchinsky V. S., Vagin O. A. (et al.). The theory of operational investigative activities. Textbook. Moscow: INFRA-M; 2018.

6. Kozlov V. I. Operational investigative measures against criminal threats to the law enforcement function of the state: legal and methodological problems. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2009.

7. Meretukov G. M., Lunina E. S., Lipka A. O. The criminal proceedings and operational investigative activity. Scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2016; 1 (115). Available from: ej.kubagro.ru. Accessed: 18 June 2019.

8. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Operational investigative activities and criminal proceedings: issues of rapprochement and interpenetration. Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019; 49 (2): 9—14.

© Melikhov A. I., Kostyuchenko N. I., 2020

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: M-13913@ya.ru

Костюченко Николай Иванович,
профессор кафедры
административного права
и административной деятельности
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor of the department
of constitutional and administrative law
Vologograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, associate professor;
e-mail: M-13913@ya.ru

Kostyuchenko Nikolay Ivanovich,
professor at the department of administrative law
and administrative activity
of the Crimean branch of the Krasnodar university
of the of the Ministry of the Interior
of Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

* * *

УДК 343.148.2
ББК 67.531

DOI 10.25724/VAMVD.OJKL

А. С. Мельникова

СПОСОБЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ ПОЛИГРАФА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассмотрены правовые основы применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов и в уголовном судопроизводстве; проанализирована цель применения полиграфа как одного из современных способов преодоления противодействия расследованию преступлений; обращается внимание на проблему противодействия расследованию преступлений в процессе применения полиграфа. В статье описаны возможные способы обмана полиграфа опрашиваемыми лицами с целью искажения его результатов и определены возможности применения психологических приемов воздействия на лиц, оказывающих противодействие расследованию преступлений, в том числе с использованием полиграфа. В работе раскрыты проблемные технические, методологические, юридические, организационные аспекты использования полиграфа в деятельности правоохранительных органов. Автором предложены методы пресечения противодействия со стороны субъектов, опрашиваемых с использованием полиграфа. Автором сделан вывод, что до настоящего времени не сформирована единая структурированная система применения полиграфа; данные, полученные с помощью полиграфа, не являются прямым доказательством в суде, что обесценивает имеющиеся в его применении положительные стороны и препятствует эффективной борьбе с преступностью.

Ключевые слова: полиграф, современные способы противодействия расследованию преступлений, борьба с преступностью, раскрытие преступления, нейтрализация противодействия, доказательства и доказывание, фальсификация показаний, психофизиологические исследования, детектор лжи.

A. S. Melnikova

METHODS OF FABRICATION OF POLYGRAPH READINGS AND POSSIBLE WAYS TO OVERCOME THEM

The article considers the legal basis for using the polygraph in the activities of law enforcement agencies as well as in criminal proceedings; it analyzes the purpose of using the polygraph as one of the modern methods to overcome obstruction to the investigation of crimes; it draws attention to the problem of obstructing the investigation of crimes in the process of using the polygraph. The article describes the possible methods of cheating a polygraph by interviewees in order to distort its results and identifies the possibilities of applying psychological techniques in order to influence individuals who obstruct the investigation of crimes, including investigations using a polygraph. This work reveals the problematic technical, methodological, legal, organizational aspects of using the polygraph in the activities of law enforcement agencies. The author proposes methods for suppressing obstruction by the individuals interviewed using a polygraph. The author concluded that to date, a consistent structured system for the use of the polygraph has not been formed, the data obtained using the polygraph are not considered as direct evidence in court, which invalidates the positive aspects of its use and hinders the effective crime control.

Key words: polygraph, modern methods of obstructing crime investigations, crime control, crime solving, neutralization of obstruction, evidence and proof, falsification of evidence, psychophysiological research, lie detector.

В современных реалиях нынешней социально-экономической обстановки, характеризующейся правовой безграмотностью, деградацией общества, стремительным развитием науки и техники, отсут-

ствием способности большинства граждан привыкать к реалиям современной жизни, наблюдается рост преступности, видоизменяются средства и способы совершения преступления, лица находят новые

способы уклонения от уголовной ответственности и установления их личности. Все это ставит перед теоретиками и практиками в области юриспруденции, безусловно, сложный вопрос о поиске новых, современных методов борьбы с преступностью. Процесс реформирования в сфере экономической деятельности способствует усложнению криминальной обстановки, бесспорному увеличению числа лиц, для которых цель существования сводится сугубо к достижению материальных благ любыми путями и способами, в том числе противоречащими закону; росту числа преступлений, совершенных с использованием своего должностного положения; росту преступлений коррупционной направленности. Противодействие преступности как социально-политическому явлению, приведение в равновесие криминальной обстановки в обществе является одной из основополагающих задач деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Несмотря на то что ранее специалистами в области правоохранительной деятельности уже неоднократно обращалось внимание на проблему противодействия расследованию преступлений [1; 2], в настоящий момент рассматриваемый вопрос получил особую актуальность и остроту.

Следствием малоэффективных и недейственных методов преодоления противодействия расследованию преступлений становится резкое ухудшение качества и количества показателей деятельности правоохранительных органов, из которого следует рост скрытой (латентной) преступности, снижение авторитета сотрудника правоохранительных органов. Лицам, совершившим преступления, удается избежать ответственности, а возможность восстановления нарушенных преступлением прав сводится к нулю.

Слово «противодействие» по своей этимологической природе понимается как действие, препятствующее другому действию; угроза осуществлению действия другим участником [3]. Противодействие как явление пронизывает все сферы нашей жизни, в связи с чем любая деятельность человека встречается с противодействием, начиная от природных сил и заканчивая ограничениями государственного регулирования. Что касается преступной деятельности, первоочередной задачей правоохранительных органов является предупреждение и профилактика совершения преступления, в связи с чем те, на кого направлена эта деятельность, принимают соответствующие меры, чтобы ввести следствие в заблуждение, сообщить ложные данные, разрушить систему доказательств по уголов-

ному делу и любым иным способом избежать ответственности. Эти способы и методы, стоящие на вооружении преступного сообщества, и являются противодействием расследованию.

Процесс противодействия расследованию преступлений — широко распространенный в современной действительности процесс, субъекты которого пытаются достичь главной цели — уклониться от уголовной ответственности, избежать или смягчить отбытие наказания. Такое ненормативное поведение субъектов противодействия выражено в умышленной деятельности лиц, имеющей своей целью воспрепятствовать деятельности правоохранительных органов; создать преграды при изъятии, выявлении, закреплении значимых для уголовного дела обстоятельств, использовании доказательств; всячески способствовать признанию доказательств недопустимыми. Именно противодействие расследованию преступлений полагает своей целью противодействие при установлении лица, совершившего преступление, привлечение его к уголовной ответственности, наказание виновных на всем протяжении уголовного процесса.

В связи с тем, что с течением времени преступность видоизменяет свои формы и методы, видоизменяются формы и методы борьбы с преступностью, которые также должны соответствовать современному уровню развития науки и техники.

Одним из таких методов борьбы с преступностью, который в практике не используется достаточно широко, но по-прежнему вызывает вокруг его применений массу споров и дискуссий, является опрос граждан с использованием полиграфа.

Применение полиграфа имеет ряд преимуществ, таких как сокращение времени, сил и материальных затрат на поиск лиц, совершивших преступление, вещественных доказательств, иных значимых для установления истины по уголовному делу лиц и предметов. Применение полиграфа также помогает установить (или предположить), правдивы ли сведения были сообщены опрашиваемым лицом, установить соучастников преступления, местонахождение похищенного, организатора и пособника преступления, истинные мотивы к совершению преступления.

Применение полиграфа в деятельности правоохранительных органов регламентирует Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором в качестве одного из оперативно-розыскных мероприятий предусмотрено проведение опросов граждан, в том числе с применением технических средств, не наносящих вреда жизни и здоровью человека [4], каковым и является по-

лиграф (детектор лжи). Также нормативное регулирование применения полиграфа осуществляет Приказ МВД России от 12 сентября 1995 г. № 353 «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел». Существуют также иные нормативные документы, которые регламентируют порядок подготовки специалистов, осуществляющих опрос граждан с применением полиграфа, разработаны и активно применяются в практической и научной деятельности различные научно-методические рекомендации по вопросам применения полиграфа к лицам, совершившим преступления различных категорий и видов.

При поступлении на службу в органы внутренних дел также обязательно применение полиграфа к предполагаемым кандидатам на должность. Указанная процедура регламентируется Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», в соответствии с которыми были разработаны Методические указания по использованию специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа (СПФИ) при профессиональном психологическом отборе в органы внутренних дел.

В отношении действующих и будущих сотрудников органов внутренних дел полиграф широко применяется в практике Центра психодиагностики сотрудников полиции (ЦПД), при проверке и отборе кандидатов на должность, при поступлении в учебные заведения МВД России, при проверке обучающихся в ведомственных образовательных организациях МВД России, которые занимаются подготовкой специалистов в области оперативной работы, при повышении сотрудников по службе (назначении на руководящую должность). Полиграф применяется к сотрудникам с той целью, чтобы установить, имеются ли факты, которые лицо пытается скрыть от кадрового аппарата; имеется ли у лица, претендующего на должность сотрудника органов внутренних дел, склонность к совершению преступлений и правонарушений; обнаружить негативные мотивы поступления на службу (корыстная заинтересованность); проверить наличие расстройств поведения, связанных с употреблением запрещенных к гражданскому обороту веществ (наркотические средства), лекарственных средств, обладающих наркотическим

эффектом; выяснить, имеются ли у кандидата на должность склонности к употреблению алкоголя; установить, нет ли среди предоставленных кандидатом документов с признаками подделки, не соответствующих истинному положению вещей. В ходе такого исследования кандидат проверяется на предмет его связей с элементами криминального мира, разведывательными службами зарубежных стран. Обнаруживаются склонности к девиантному поведению (садизм, мазохизм, клептомания и т. д.). Устанавливаются факты совершенных ранее противоправных деяний (преступлений, правонарушений).

В работе правоохранительных органов полиграф применяется для получения вероятностной, ориентирующей информации в оперативно-разыскной деятельности. В настоящий момент в МВД России действует система применения полиграфа для раскрытия преступлений, создана нормативная база, разработаны квалификационные требования к специалистам, проводящим опросы, отработаны методические приемы проведения опросов [5].

Несмотря на то что ведется активная работа по внедрению и активному использованию полиграфа в деятельности сотрудников правоохранительных органов, нельзя сказать, что опрос граждан с применением полиграфа применяется широко на практике в настоящее время. Существуют значительные проблемы с материально-техническим оснащением правоохранительных органов, с отсутствием кадрового резерва для работы в качестве специалистов. Многие ученые и практики сходятся в мысли о том, что применение полиграфа дает верный ответ в 80 % случаев [6].

Основной целью применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов является получение значимой оперативной информации для ее использования оперативным и кадровым аппаратом, для установления истины по уголовному делу (оперативный аппарат), а также для недопущения проникновения в ряды правоохранительных органов лиц, не подходящих для такой работы, не рекомендованных к приему.

Поскольку целью применения полиграфа является проверка показаний лица на достоверность, лица, подвергнутые проверке при помощи данного технического устройства, безусловно, будут искать способы сообщить ложные данные, обманув при этом машину. Для этого используется различный спектр методов и способов, применяя которые искажается картина кривых, которая сообщает специалисту, ведущему опрос, ложные сведения.

Одним из таких способов является употребление алкогольной продукции перед началом опроса, так

как отравление этиловым спиртом непременно сопровождается нарушением поведения, отклонением от обычного поведения лица в повседневной жизни (изменение температуры тела, покраснение кожных покровов, повышенное потоотделение и слюноотделение, нарушение речи, координации, самоконтроля, чрезмерная эмоциональность или, напротив, эмоциональная холодность).

Так как средняя и тяжелая степени алкогольного опьянения (при содержании алкоголя в крови до 3 и более 3 % соответственно) легко визуально определяются врачом-наркологом, при получении данных о возможном нахождении опрашиваемого с помощью полиграфа лица в состоянии алкогольного опьянения средней тяжести опрос с применением полиграфа необходимо произвести не менее чем через 21—24 часа. Однако для наибольшего положительного эффекта и минимизации погрешности тестирование целесообразно провести на третьи сутки.

При легкой степени алкогольного опьянения тестируемого (менее 2 % содержания алкоголя в крови) установить визуально состояние алкогольного опьянения довольно сложно. Однако при условии начала тестирования через 8—10 часов после употребления алкоголя погрешности в показаниях полиграфа, зависящих от изменившегося физиологического или эмоционального состояния тестируемого, не будет, так как остаточные явления от употребления алкоголя при легкой степени алкогольного опьянения отсутствуют. Необходимо отметить, что в случае проведения тестирования в момент максимальной концентрации алкоголя в крови (спустя 2—3 часа после начала употребления) погрешность в показаниях все-таки может появиться, и результат тестирования не будет соответствовать действительности.

Еще одним способом, имеющим целью искажение результатов опрашиваемыми лицами в процессе применения полиграфа, является нанесение различных мазей, кремов. В данном случае используется эффект жирных кислот, входящих в состав косметических мазей и кремов, которые обладают свойством, способным нарушить оказание электрокожного сопротивления. Это изменяет картину показаний полиграфа. С аналогичной целью опрашиваемый может наносить на кончики пальцев дезодорант, формальдегид, бесцветный лак для ногтей.

Существует еще один способ, применение которого может быть опасно для здоровья. Так, опрашиваемый, с целью изменить типичное поведение своего организма, перед началом опроса с приме-

нением полиграфа употребляет или наносит на кожу химические вещества, клей, бытовую химию, соприкосновение которых с кожей и слизистыми оболочками может вызвать зуд, покраснение, выраженное волнение, панику, невнятную речь, эмоциональное волнение, насморк, атаксию.

С целью нейтрализации указанных выше эффектов, которых стремятся достичь люди, имеющие намерение обмануть полиграф, ввести следствие в заблуждение относительно истинного положения вещей, могут быть использованы различные методы борьбы. В теории их классифицируют на организационные, тактические и методические методы [1; 7].

1. Организационные методы.

Если лицо, которое проводит опрос с применением полиграфа (специалист процедуры СПФИ), заподозрит возможное состояние алкогольного опьянения у опрашиваемого либо заметит последствия употребления химических веществ, то необходимо организовать процесс иначе и просто провести опрос в другой день, через промежуток времени, достаточный для того, чтобы все внешние и внутренние изменения в организме тестируемого лица нейтрализовались. Если это возможно, то в случае применения опрашиваемым химических веществ необходимо просто промыть водой или специальным средством участок кожи или слизистых оболочек, соприкасающийся с химическим веществом. Если же кончики пальцев обработаны лаком или косметической мазью, тогда для свободного доступа к поверхности пальцев указанные выше составы снимаются, под датчики полиграфа накладывается специальная токопроводящая паста.

Опрос с применением полиграфа должен быть прерван и перенесен специалистом на другое время (спустя несколько часов или дней, время определяется специалистом индивидуально в каждой конкретной ситуации с учетом сложившейся обстановки) в том случае, если в процессе тестирования специалисту не удастся преодолеть оказываемое психическое или физическое противодействие субъекта.

В том случае, если специалистом будет выявлено оказываемое противодействие опрашиваемого во время тестирования его с использованием полиграфа, необходимо настоятельно требовать прекратить оказание этого сопротивления, остановить проводимую манипуляцию.

2. Тактические методы.

Если специалистом установлено, что опрашиваемый намеренно напрягает какую-либо группу мышц, на этот участок тела необходимо установить ложные датчики (не используемые в приеме и ана-

лизе информации). Тогда опрашиваемому сообщают, что прибором зафиксирована попытка скрытого механического воздействия с целью исказить показания полиграфа. Также объясняется, что опрашиваемому будут установлены дополнительные датчики с целью проведения более точного анализа показаний. В таком случае в опрашиваемом зарождается чувство страха, и в дальнейшем он отказывается от какого-либо воздействия.

Результативным тестирование будет в том случае, если специалистом будут применены специальные технические средства, такие как зеркала, экраны с подсветкой, которые помимо необходимого зрительного эффекта создадут также звуковое оформление вопроса. Однако применение данного метода в практической деятельности сотрудников полиции осложнено недостаточной оснащенностью техническими средствами специалистов, осуществляющих свою работу с применением полиграфа.

3. Методические методы.

Если специалистом в ходе проведения опроса установлено, что лицо целенаправленно осуществляет действия (открытое и скрытое механическое воздействие), направленные на искажение результата, рекомендуется дополнить перечень вопросов специальными вопросами или, приостановив опрос, провести опрос субъекта по специально сформированному отдельному поисковому тесту.

В качестве одного из способов пресечения противодействия со стороны опрашиваемого субъекта можно привести в пример проведение беседы с опрашиваемым в достаточно жестком и безальтернативном ракурсе о запрете при проведении тестирования оказания каких-либо форм противодействия.

После этого специалисту целесообразно выйти из помещения для тестирования, чтобы проанализировать траекторию показателей полиграфа. По возвращении специалист вновь должен сообщить о том, что ему известно об оказании противодействия со стороны обследуемого, а затем провести стимулирующие тесты на числа или карточный тест известного решения. После проведения тестирования необходимо показать опрашиваемому полиграмму кривых (показатели полиграфа), что делается с целью демонстрации опрашиваемому полного контроля его физического и эмоционального состояния. Обследуемый должен быть уверен в том, что какое-либо противодействие бесполезно, так как оно сразу становится явным и в конечном итоге наносит вред, поскольку все попытки противодействия и обмана полиграфа будут трактоваться как желание ввести в заблуждение и скрыть нежелательную для распространения информа-

цию, а также это будет отражено в справке, сформированной по итогам тестирования.

В случае если у специалиста, который проводит опрос, появилось подозрение, что опрашиваемый использует с целью обмана полиграфа «медитационное состояние», нужно переформулировать заданный вопрос, чтобы ответ был противоположный предыдущему, ответ «да» вместо «нет».

Несмотря на то что полиграф достаточно продолжительное время стоит на вооружении сотрудников органов внутренних дел, до настоящего времени не сформирована единая структурированная система применения полиграфа ко всем участникам. В конечном итоге это препятствует применению полиграфа, обесценивает имеющиеся в его применении положительные стороны, препятствует эффективной борьбе с преступностью.

Процесс применения полиграфа должен иметь четкую структуру. Именно тогда применение полиграфа в качестве криминалистического метода, направленного на раскрытие, расследование преступлений, будет эффективным и поможет достигнуть главной цели — установления истины по уголовному делу.

Необходимость создания единой системы применения полиграфа продиктована изменениями в экономической и социальной обстановке, а также динамикой криминогенной обстановки в стране, что в свою очередь требует новых форм и методов работы органов внутренних дел.

К сожалению, в ходе анализа противодействия расследованию и методов борьбы с противодействием закономерно появляется вывод о том, что как российские, так и зарубежные правоохранительные органы проигрывают своими методами в борьбе со способами противодействия расследованию преступлений. Считается, что правоохранительные органы, по сравнению с преступностью, не так глубоко внедрены во все сферы жизни нашего общества. Возможно, связь кроется в том, что в странах с демократической формой правления изменение форм и методов работы правоохранительных органов неизбежно увязывается с общими принципами соблюдения законности, прав и свобод личности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Все нормативные акты, будь то законные или подзаконные акты, обязаны соответствовать Конституции Российской Федерации. При развитии преступности, ее реформировании преград в виде необходимости законодательного регулирования и требований о соответствии каким-либо актам нет. Поэтому изменения преступности гораздо более динамичны, чем методов борьбы с ней.

1. Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, А. И. Бородулин и др.; под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997. 400 с.

2. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 23 с.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю Шведовой. 20-е изд. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел: приказ МВД России от 12 сентября 1995 г. № 353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г., Чиненов А. В. Современное состояние и перспективы развития бесконтактного полиграфа в оперативно-розыскной деятельности // Юрист-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 204—209.

7. Варламов В. А., Варламов В. Г. Противодействие полиграфу и пути их нейтрализации. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. 230 с.

© Мельникова А. С., 2020

Мельникова Алина Сергеевна,

доцент кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;
e-mail: alina.veronika2011@yandex.ru

1. Belkin R. S. Obstruction to the investigation and ways to overcome it with criminalistic and operational-search means and methods. In: Averyanova T. V., Belkin R. S., Borodulin A. I. (et al). Criminalistic support of the criminal police and preliminary investigation bodies. Ed. by T. V. Averyanova, R. S. Belkin. Moscow: New Lawyer; 1997: 400.

2. Stulin O. L. Tactical foundations of overcoming willful obstruction to the investigation of crimes. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 1999: 23.

3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by N. J. Shvedova. 20th ed. Moscow; Russian Language; 1989: 750.

4. Federal law of Russian Federation No. 144-FZ of 12 August 1995. "On operational search activity". Available from reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 353 of 12 September 1995. "On ensuring the implementation of the polygraph in the activities of internal affairs bodies". Available from reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Moiseev N. A., Novoselov N. G., Chinenov A. V. Current state and prospects of the development of a contactless polygraph in operational and search activities. Yurist-Pravoved. 2019; 89 (2): 204—209.

7. Varlamov V. A., Varlamov V. G. Obstructions to polygraph and ways to neutralize them. Moscow: PER SE-Press; 2005: 230.

© Melnikova A. S., 2020

Melnikova Alina Sergeevna,

associate professor
of the general legal disciplines department
of the Volgodonsk branch
of Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: alina.veronika2011@yandex.ru

* * *

К. В. Проваторова

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

Статья освещает противоречивые вопросы систематизации ряда положений действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части определения статуса норм, регламентирующих подсудность уголовных дел. Автор обосновывает, что ряд общих условий судебного разбирательства, закрепленных в главе 35 «Общие условия судебного разбирательства», должен быть дополнен положениями о подсудности, нашедшими отражение в статьях 30—36 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые, по мнению автора, ошибочно отнесены законодателем в раздел II «Участники уголовного судопроизводства» части первой «Общие положения» Уголовно-процессуального кодекса. Исследование указанного вопроса происходит с использованием сравнительно-сопоставительного анализа, а также междисциплинарного подхода к изучению различных как философских, так и правовых концепций. В статье доказывается необходимость реформирования отдельных правовых блоков действующего законодательства Российской Федерации, в том числе категории общих условий судебного разбирательства, которая играет важную роль в механизме реализации принципов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: подсудность уголовных дел, подследственность, участники судопроизводства, суд, формы расследования, категория, систематика, общие условия.

К. V. Provatorova

**ON CERTAIN ASPECTS OF SYSTEMATIZATION
RELATED TO GENERAL CONDITIONS OF COURT PROCEEDINGS**

The given article deals with the issues related to systematizing a number of provisions of acting criminal procedure legislation of the Russian Federation in regard to the status of norms to regulate jurisdiction of criminal cases. Author of the article proves that a number of general conditions of court proceedings fixed in Chapter 35 "General Conditions of Court Proceedings" should be supplemented by provisions on jurisdiction, which, in their turn, are fixed in Articles 30—36 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. According to the author's point of view, they are referred erroneously by the legislator to Section II ("Participants in Criminal Proceedings") of the first part ("General Provisions") of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. This issue is studied by using a comparative analysis as well as an interdisciplinary approach to the research of various, both philosophical and legal, concepts. Author of the article also proves the necessity to reform certain legal aspects of acting legislation of the Russian Federation, namely the category of general conditions of court proceedings, as it plays an important role in the mechanism for implementing the principles of criminal proceedings.

Key words: jurisdiction of criminal cases, investigative, participants in criminal proceedings, court, forms of investigation, category, taxonomy, general conditions.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» [1], а способом осуществления правосудия по уголовному делу выступает судебное разбирательство. Важное значение для правильной реализации правосудия имеет правовое регулирование судебной деятель-

ности, так как процессуальные нормы, включенные в ч. 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), именуемую «Судебное производство», устанавливая правила собирания, исследования и проверки доказательств в суде, определяют основания, условия и порядок принятия решения судом, регулируют права и обязанности

лиц, участвующих в разрешении уголовных дел, и устанавливают гарантии, обеспечивающие реальную возможность их использования. При этом среди данных нормативных положений ключевое место, на наш взгляд, занимают общие условия судебного разбирательства, так как они отражают сущностные свойства судебного разбирательства и представляют собой установленные законом правила-требования, регламентирующие порядок рассмотрения любого уголовного дела в суде первой инстанции, распространяющие свое действие на все этапы судебного разбирательства и обеспечивающие реализацию на указанной стадии принципов судопроизводства.

Мы считаем, что в действующем законодательстве не все общие условия судебного разбирательства вошли в гл. 35 УПК РФ «Общие условия судебного разбирательства», а ряд из них (ст. 30 «Состав суда», ст. 31 «Подсудность уголовных дел», ст. 32 «Территориальная подсудность уголовного дела», ст. 33 «Определение подсудности при соединении уголовных дел», ст. 34 «Передача уголовного дела по подсудности», ст. 35 «Изменение территориальной подсудности уголовного дела», ст. 36 «Недопустимость споров о подсудности») ошибочно отнесены законодателем в разд. II «Участники уголовного судопроизводства» ч. 1 «Общие положения» УПК РФ.

В связи с этим в целях оптимизации системы общих условий судебного разбирательства рассмотрение вопроса об отнесении указанных нормативных положений к категории общих условий представляется нам актуальным и требующим дальнейшего изучения, в том числе путем сравнительно-сопоставительного анализа нормативных положений разд. II «Участники уголовного судопроизводства», гл. 21 «Общие условия предварительного расследования» и гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства» УПК РФ.

На наш взгляд, проводя сравнительный анализ вышеназванных групп уголовно-процессуальных норм, определяемых в комплексе как общие условия соответствующих производств, необходимо использовать весьма продуктивный междисциплинарный подход, под которым понимается «осмысление, осуществляемое за рамками конкретной определенной научной дисциплины. Осмысление понятия междисциплинарности в науке проявляется по-разному и в различной степени: в постановке проблем, в подходах к их решению, в развитии теорий, выявлении связей между ними, формировании новых дисциплин» [2]. Так, исследователь может использовать язык описания одной научной

области для характеристики другой, при изучении конкретной дисциплины на различных этапах анализа может воспользоваться различными языками, терминологией, концепциями, принадлежащими иной науке, а также создать на основе синтеза совершенно новый язык и, соответственно, качественно новую научную дисциплину. С точки зрения Д. В. Галкина, «междисциплинарность начинается с момента, когда усилиями хотя бы двух дисциплин создаются условия для получения новых знаний» [3].

С учетом вышеизложенного нам представляется необходимым и возможным в рамках исследования общих условий как отдельной категории российского уголовно-процессуального права с целью разработки наиболее оптимальной комплектации системы общих условий судебного разбирательства обратиться к такой сфере научного знания, как таксономия. Психологический словарь определяет таксономию как науку «о классификации, т. е. распределении индивидуумов по группам в рамках системы категорий, различающихся априорными характеристиками» [4], где формирование однородных групп объектов происходит на основе оценки их «сходства» либо распределении на взаимоисключающие группы с учетом выявленных «различий». Согласно геологической энциклопедии под таксономией принято понимать науку «о таксонах, их группировке и соподчинении или учение о самих принципах классификации» [5]. Таким образом, таксономия — это название системы классификации понятий, материалов, объектов и явлений, которая используется во многих науках. Главной проблемой таксономии, решаемой различными исследовательскими программами по-разному, является вопрос обоснованности существования таксона, который представляет собой группу «в классификации, состоящую из дискретных объектов, объединяемых на основании общих свойств и признаков.

Классификационные системы, использующие понятие «таксон», обычно носят иерархический характер, применяются они в языкознании, библиографии и других науках, но прежде всего в биологии, а именно в биологической систематике [6], где систематика является разделом биологии, целью которого выступает описание структуры биологического многообразия при помощи иерархической системы таксонов различного ранга.

Систематика выступает в целом способом создания единиц классификации, которые возможно использовать для категоризации явлений, вещей и понятий в рамках отдельной научной дисциплины. Поэтому полагаем, что для систематики рос-

сийского уголовно-процессуального права в целом, в качестве единицы систематизации его структурного содержания можно применять элементы классификационной системы, в которой используется понятие «таксон». Этот прием продуктивен при выделении и объединении сходных (родственных) нормативных положений УПК РФ по признакам или историческому происхождению в отдельные группы, в том числе — общих условий предварительного расследования и общих условий судебного разбирательства.

Мы считаем, что такой подход позволит решить отдельные вопросы классификации общих условий ключевых уголовно-процессуальных производств в УПК РФ и, возможно, послужит одним из способов систематизации этой отрасли законодательства в целом.

В биологии таксоном, в свою очередь, называют «группу связанных той или иной степенью родства организмов любого ранга, которая достаточно обособлена, чтобы можно было ее выделить номенклатурно и присвоить ей определенную таксономическую категорию; название классификационных единиц, показывающее их ранг или место в системе» [7].

Под рангом в биологической систематике понимается уровень (любая ступень) в иерархии таксонов, входящих в систему, «каждому такому уровню отвечает определенная таксономическая категория — совокупность таксонов данного ранга» [8].

Применительно к исследуемой в данной статье проблеме мы хотим рассмотреть общие условия предварительного расследования, общие условия судебного разбирательства, участников уголовного судопроизводства как отдельные «таксономические категории», а нормативные положения УПК РФ, входящие в гл. 21 «Общие условия предварительного расследования», гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства», разд. II «Участники уголовного судопроизводства», с позиции таксономии, в виде таксонов, с учетом занимаемого ими ранга в иерархии нормативных положений, образующих систему действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Это позволит выявить путем сравнения указанных таксонов ошибочность отнесения нормативных положений ст. 30—36 УПК РФ в категорию участников уголовного судопроизводства и послужит методологическим приемом для обоснования необходимости их включения в общие условия судебного разбирательства.

Выбор метода исследования обусловлен тем, что сравнение выступает познавательной опера-

цией, лежащей в основе суждений о сходстве или различии объектов. Сравнить — значит сопоставить «одно» с «другим» с целью выявления возможных отношений [9] и «выяснения степени взаимного подобия объектов» [10]. Поэтому нам представляется целесообразным изучение связей («таксономических отношений») между отдельными нормативными положениями общих условий предварительного расследования, общих условий судебного разбирательства и нормативными положениями гл. 5 УПК РФ, закрепившими полномочия определенных видов и составов суда на разрешение уголовных дел с целью определения их «тождества» или «различия», выраженных в совпадении либо частичном, а возможно, и полном несовпадении присущих им признаков.

Так, ст. 30—36 УПК РФ, определяющие подсудность уголовных дел, размещены современным законодателем в разд. II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», в который включены нормативные положения, закрепляющие статус властных субъектов уголовного судопроизводства, участников со стороны защиты и обвинения, а также лиц, способствующих правосудию.

При этом под участниками уголовного судопроизводства в научной доктрине принято понимать государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют производство по уголовному делу и наделены соответствующими полномочиями. В пункте 58 статьи 5 УПК РФ законодатель прямо указывает, что «участники уголовного судопроизводства — это лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве» [11].

Таким образом, статьи УПК РФ, вошедшие в разд. II «Участники уголовного судопроизводства», должны, на наш взгляд, содержать только те нормативные положения, которые устанавливают конкретный перечень этих лиц и их права (полномочия), обязанности, ответственность, основания и порядок их отвода (т. е. основные аспекты их правового статуса в уголовном судопроизводстве).

Однако анализ содержания ст. 30—36 УПК РФ, посвященных подсудности, указывает на то, что они разнятся по своему содержанию с другими нормативными положениями данного раздела, не соответствуют занимаемому положению и не имеют с ними сходства. Они, в отличие от остальных статей исследуемого раздела, не устанавливают и не закрепляют статус суда как отдельного участника уголовного судопроизводства, конкретизируя лишь частично его полномочия и фиксируя признаки уголовного дела, являющиеся своего рода условием определения границ его компетен-

ции по рассмотрению данного уголовного дела. Основные полномочия суда как участника уголовного судопроизводства в целом регламентированы нормативными положениями ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда», которая, на наш взгляд, отвечает единству структурно-смыслового содержания исследуемой главы УПК РФ, совокупности представленных в ней нормативных положений иных статей.

Кроме того, спорным также представляется отношение нормативного материала ст. 30—36 УПК РФ к общим положениям уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, так как «общий характер нормы права означает, что она является постоянно действующим правилом правовой регуляции определенного вида общественных отношений. Действие нормы права не исчерпывается ее однократным применением» [12].

По мнению В. В. Лазарева, «общий характер правовой нормы устанавливает единые рамки, единый масштаб возможного или должного поведения для всех предусмотренных в ней субъектов» [13], ее воздействие направлено не на индивидуально-определенных лиц, а на любых лиц, вступающих в правоотношения на ее основе, при этом она не воспроизводит частные и второстепенные стороны регулируемых общественных отношений, а фиксирует только наиболее существенные и важные их черты и признаки.

В свою очередь нормативные положения ст. 30—36 УПК РФ отражают условия и порядок рассмотрения уголовных дел непосредственно судом, устанавливают форму рассмотрения уголовного дела («судьей единолично» или «судом коллегиально»), определяют вид суда, рассматривающего уголовное дело (мировой судья, районный судья, верховный суд республики и т. д.), фиксируют правила соединения и передачи уголовного дела по подсудности между судами разных уровней, условия изменения территориальной подсудности уголовного дела и разрешение споров между судами о подсудности в целом.

Мы считаем, что по своим характеристикам данные нормативные положения занимают несоответствующее место в системе УПК РФ, будучи включенными в «Общие положения», и их нахождение в ч. 1 УПК РФ нецелесообразно. Содержательно в большей степени они схожи с общими условиями судебного разбирательства, обладают присущими им признаками, так как выступают конкретизированными правилами, нормативными предписаниями, отражающими условия и процедуру разрешения уголовных дел судом на стадии судеб-

ного разбирательства, и в своем регулятивном воздействии ограничены ее пределами.

Поэтому нам представляется, что более правильным вариантом, обеспечивающим системность уголовно-процессуального права в этой части, будет:

1) разработка и внесение в гл. 5 «Суд» разд. II «Участники уголовного судопроизводства» легального определения «суда» как отдельного участника уголовного судопроизводства, так как оно отсутствует в современной редакции УПК РФ;

2) исключение из гл. 5 УПК РФ нормативных положений ст. 30—36 УПК РФ и рассмотрение последних в качестве элементов (таксонов) таксономической категории «общие условия судебного разбирательства».

В обосновании своей позиции о необходимости отнесения этих нормативных положений к категории общих условий судебного разбирательства хотелось бы продолжить их правовой анализ и обратиться к сравнению нормативных положений ст. 30—36 УПК РФ с рядом общих условий предварительного расследования, регламентированных гл. 21 УПК РФ, такими, как: «Формы предварительного расследования» (ст. 150), «Подследственность» (ст. 151), «Место производства предварительного расследования» (ст. 152).

На наш взгляд, у данных нормативных положений усматриваются схожие признаки (свойства), которые указывают на их «родство» и принадлежность к одной «таксономической категории» — категории «общих условий» в российском уголовно-процессуальном праве.

При определении характера уголовно-процессуальной деятельности в досудебном и судебном производстве в качестве основополагающих в теории уголовного процесса используются два взаимосвязанных понятия «процессуальная форма» и «формы уголовного судопроизводства». Под процессуальной формой уголовного судопроизводства «имеется в виду регламентация уголовно-процессуальным законом деятельности участников судопроизводства, создающая при соблюдении процессуальных гарантий необходимые предпосылки законности действий и решений по делу» [14, с. 8]. Процессуальная форма фиксирует надлежащий правовой режим для возбуждения уголовного дела, его расследования и разрешения, устанавливает последовательность отдельных процессуальных действий, порядок оформления процессуальных решений и других документов, очередность стадий уголовного процесса, систему и условия производства по уголовному делу в целом.

Формы предварительного расследования, регламентированные ст. 150 УПК РФ, включены законодателем в число общих условий данного производства, закрепленных в гл. 21 УПК РФ, и представляют собой «особый способ осуществления процессуальной деятельности на этой стадии, соответствующий требованиям закона, определенную последовательность процессуальных действий и решений органов, осуществляющих в досудебных стадиях при соблюдении законных интересов и прав участников процесса, уголовное преследование, направленное на доказывание события и обстоятельств преступления и оканчивающееся принятием итогового процессуального решения о направлении уголовного дела в суд или о его прекращении» [14, с. 7]. При этом формы предварительного расследования (предварительное следствие и дознание) по своему характеру остаются процессуальными и рассматриваются как часть процессуальной формы уголовного судопроизводства в целом, находясь между собой в таком отношении, как философские категории «общего» и «особенного».

Нормативные положения ст. 30 УПК РФ «Состав суда» устанавливают перечень различных составов суда и подсудность им уголовных дел как элемент полномочий (компетенции) по рассмотрению определенной категории уголовных дел судом первой инстанции. Если понимать «форму» как устройство, структуру и организацию чего-либо [15], можно говорить о том, что понятие «состав суда» тождественно понятию «форма судебного производства» и коррелирует с такими явлениями, как формы предварительного расследования, регламентированными в ст. 150 УПК РФ (дознание и предварительное следствие). По сути различные составы суда (судья единолично, судья и коллегия из двенадцати присяжных заседателей, коллегия из трех федеральных судей) представляют собой определенный способ (порядок) осуществления процессуальной деятельности на данной стадии, включающий особую последовательность процессуальных действий и определяющий для их осуществления конкретного участника уголовного судопроизводства (судья, коллегия судей или судья и присяжные заседатели) либо его статус (судья федерального суда общей юрисдикции или мировой судья).

Соответственно, нормативные положения ст. 30 УПК РФ «Состав суда», на наш взгляд, по своей юридической природе и правовому содержанию достаточно схожи с нормативными положениями ст. 150 УПК РФ «Формы предварительного расследования», в связи с чем должны занимать надле-

жащее место в системе норм действующего уголовно-процессуального законодательства, находясь в числе общих условий судебного разбирательства.

Примечательно также сходство между собой нормативных положений ст. 151 УПК РФ «Последственность», отнесенной законодателем к категории общих условий предварительного расследования, и ст. 31 УПК РФ «Подсудность уголовных дел».

Самостоятельного понятия «подследственность», как и «подсудность», в действующем УПК РФ не закреплено. По мнению З. З. Зинатуллилина, М. С. Салахова и Л. Д. Чулюкина, «нормы данного института определяют полномочия органов предварительного следствия и дознания по расследованию определенной категории уголовных дел, условия, основания и порядок их передачи от одного органа расследования к другому, процессуальный порядок разрешения споров, возникающих между органами расследования по поводу подследственности, правовые последствия, наступающие в случае нарушения правил подследственности» [16, с. 5—6].

Согласно юридическому энциклопедическому словарю под подследственностью принято понимать «совокупность признаков (юридических свойств) уголовного дела, в соответствии с которыми уголовно-процессуальный закон определяет, какой орган должен вести следствие или дознание по данному делу» [17, с. 327].

В свою очередь подсудность в уголовно-процессуальном праве понимается как «установленная законом совокупность признаков преступления... позволяющая отнести уголовное дело... к ведению того или иного суда первой инстанции, определить состав суда, а также порядок разрешения вопросов о передаче дел в соответствии с их подсудностью» [17, с. 5—6].

Кроме того, правовое явление подсудности аналогично подследственности выступает как «правовой институт, нормы которого регулируют разграничение компетенции между конкретными судами судебной системы» [18].

Поэтому, на наш взгляд, подсудность, имея функциональное и смысловое сходство с подследственностью, должна рассматриваться в качестве одного из таксонов категории «общие условия судебного разбирательства» и наряду с подследственностью входить в группу общих условий базовых уголовно-процессуальных производств, нормативными положениями которых конкретизируются особенности процессуального статуса некоторых участников соответствующего этапа уголовного судопроизводства.

Нельзя не отметить похожесть нормативных положений ст. 152—155 и 32—36 УПК РФ («Место производства предварительного расследования», «Соединение уголовных дел», «Выделение уголовного дела», «Выделение в отдельное производство материалов уголовного дела» и, соответственно, «Территориальная подсудность уголовного дела», «Определение подсудности при соединении уголовных дел», «Передача уголовного дела по подсудности», «Изменение территориальной подсудности», «Недопущение споров о подсудности»), так как одни отражают процессуальные аспекты досудебного производства (конкретно — стадии предварительного расследования), а другие, аналогично им, по своему нормативному содержанию отражают процедурные аспекты судебного производства (соответственно — стадии судебного разбирательства) и должны быть отнесены, по нашему глубокому убеждению, к одной правовой категории, а именно категории «общих

условий». Поэтому данные нормативные установления надлежит включить в положения гл. 35 УПК РФ.

Несмотря на то что наша позиция об исключении ст. 30—36 из гл. 5 разд. II «Участники уголовного судопроизводства» ч. 1 «Общие положения» УПК РФ и размещении их в гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства» УПК РФ может показаться не столь значимой для правоприменительной практики, тем не менее мы полагаем, что качество законодательства обеспечивается его системностью, которая должна проявляться в безупречном структурировании разделов уголовно-процессуального закона. Возможно, наш подход у ряда ученых вызовет желание подискутировать. Однако представляется, что совершенствование регламентации частных аспектов досудебного и судебного производства должно осуществляться на основе четко выверенной и логически выстроенной системы общих положений этих видов производств.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237. (25 дек.); Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Бушковская Е. А. Междисциплинарная интеграция как феномен философии и стратегия обучения // Молодой ученый. 2009. № 5. С. 178—182.

3. Галкин Д. В. Знание или мышление: об актуальности междисциплинарного обучения в современном образовании // Стратегии междисциплинарного обучения: материалы I Областной науч.-практ. конф. Томск: Томский ЦНТИ, 2005. С. 5—8.

4. Психологическая энциклопедия. Таксономические системы (taxonomic systems). URL: <http://med.niv.ru/doc/encyclopedia/psychology-usa/articles/299/taksonomicheskie-sistemy-taxonomic.htm> (дата обращения: 14.06.2019).

5. Геологический словарь. В 2 т. Т. 1 / под ред. К. Н. Паффенгольца и др. М.: Недра, 1978. 486 с. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.06.2019).

6. Таксон (в систематике) // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; Т. 25: 1969—1978. М.: Сов. энцикл., 1976. 549 с.

1. Constitution of the Russian Federation (Adopted by Nation-Wide Voting 12/12/1993) (as Amended by Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of 30 December 2008, No. 7-FKZ of 30 December 2008, No. 2-FKZ of 5 February 2014, No. 11-FKZ of 21 July 2014. Rossiyskaya Gazeta. 1993; 237 (Dec. 25); Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014; 31: Art. 4398.

2. Bushkovskaya Ye. A. Interdisciplinary Integration as a Phenomenon of Philosophy and Teaching Strategy. Young Scientist. 2009; 5: 178—182.

3. Galkin D. V. Knowledge or Thinking: on Topical Character of Interdisciplinary Training in Modern Education. In: Interdisciplinary Training Strategies. Materials of the 1st Regional Scientific and Practical Conference. Tomsk: Tomsk Central Scientific Technical Research Institute; 2005: 5—8.

4. Psychological Encyclopedia. Taxonomic Systems. Available from: <http://med.niv.ru/doc/encyclopedia/psychology-usa/articles/299/taksonomicheskie-sistemy-taxonomic.htm>. Accessed: 14 June 2019.

5. Geological Dictionary. In 2 Vol. Vol. 1. Ed. by K. N. Paffengoltz (et al.). Moscow: Nedra; 1978: 486. Available from: <https://dic.academic.ru>. Accessed: 14 June 2019.

6. Taxon (in Taxonomy). In: Great Soviet Encyclopedia. In 30 Vol. Vol. 25: 1969—1978. Ed. by A. M. Prokhorov. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1976: 549.

7. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь / предисл. В. Д. Федорова. Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энцикл., 1990. 406 с. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.06.2019).

8. Павлинов И. Я., Любарский Г. Ю. Биологическая систематика: Эволюция идей. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2011. 667 с.

9. Философская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

10. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/768 (дата обращения: 29.03.2019).

11. Безлепкин Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 608 с.

12. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для юрид. вузов и факультетов. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. 552 с.

13. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник. М.: Новый Юрист, 1997. 125 с.

14. Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Власова Н. А. Общие условия предварительного расследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2005. 144 с.

15. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 608 с.

16. Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Подследственность уголовных дел. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 104 с.

17. Лупинская П. А. Подследственность // Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. 528 с.

18. Энциклопедия юриста. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 05.12.2019).

© Проваторова К. В., 2020

Проваторова Ксения Васильевна,

оперуполномоченный
отдела уголовного розыска
Управления МВД России
по городу Волгограду;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

7. Dedyu I. I. Ecological Encyclopedic Dictionary. Foreword by V. D. Fyedorova. Chisinau: Ed. by Moldavian Soviet Encyclopedia; 1990: 406. Available from: <https://dic.academic.ru>. Accessed: 14 June 2019.

8. Pavlinov I. Ya., Lyubarsky G. Yu. Biological Systematics: Evolution of Ideas. Moscow: Association of Scientific Publications of KMK; 2011: 667.

9. Philosophical Encyclopedia. Available from: <https://dic.academic.ru>. Accessed: 29 March 2019.

10. Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Available from: https://epistemology_of_science.academic.ru/768. Accessed: 29 March 2019.

11. Bezlepkin B. T. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (clause-by-clause). 14th ed., Rev. and Add. Moscow: Prospect; 2017: 608.

12. Nersesyants V. S. General Theory of Law and State. Textbook for Law Institutes of the Higher Education and Faculties. Moscow: NORMA — INFRA-M; 1999: 552.

13. Lazarev V. V. Theory of State and Law. Textbook. Moscow: New Lawyer; 1997: 125.

14. Soloviyev A. B., Tokareva M. Ye., Vlasova N. A. General Conditions for Preliminary Investigation. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2005: 144.

15. Dictionary of Foreign Words. 14th ed., rev. Moscow: Russian Language; 1987: 608.

16. Zinatullin Z. Z., Salakhov M. S., Chulyukin L. D. Investigative Jurisdiction of Criminal Cases. Kazan: Kazan University Press; 1986: 104.

17. Lupinskaya P. A. Investigative Jurisdiction. In: Legal Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1987: 528.

18. Encyclopedia of a Lawyer. Available from: <https://dic.academic.ru>. Accessed: 5 December 2019.

© Provatorova K. V., 2020

Provatorova Ksenia Vasilevna,

security officer
of the criminal investigation department
of the Department of the Ministry
of Interior of Russia in the city of Volgograd;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

* * *

О. А. Решняк, С. А. Ковалев

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»,
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ЭТАПАХ**

Сегодня мошенничество с использованием сети «Интернет» — нередкое явление, которое влечет за собой ряд негативных последствий, в частности ухудшение экономической и социальной обстановки в стране. Практика показывает, что следователи не всегда могут правильно оценить фактические обстоятельства совершенных преступлений и квалифицировать действия виновных лиц, что приводит к ошибкам при производстве расследования и принятию неверных процессуальных решений. Чтобы избежать этого, нужно оптимизировать деятельность органов предварительного расследования в ходе производства по уголовным делам, возбужденным по признакам преступлений, предусмотренных ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Необходимо также выработать алгоритм действий следователя в различных следственных ситуациях, определить их порядок и содержательный аспект.

Работа органов предварительного следствия по борьбе с мошенничествами, совершаемыми с использованием сети «Интернет», требует дальнейшего совершенствования и четкого взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями.

В настоящее время руководители следственных подразделений всех уровней должны осознавать необходимость проверки обстоятельств хищения в рамках расследования уголовных дел указанных категорий, вместе с тем, придавая первостепенное значение соблюдению законности и конституционных прав граждан, не допускать создания видимости работы за счет неправильной правовой оценки расследуемых событий.

В статье рассмотрены способы совершения мошенничеств с использованием сети «Интернет» и организация их расследования на первоначальном и последующем этапах.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, сеть «Интернет», организация расследования, компьютерные технологии, хищение путем обмана.

O. A. Reshnyak, S. A. Kovalev

**ARRANGING THE INVESTIGATION OF INTERNET FRAUDS
AT THE INITIAL AND SUBSEQUENT STAGES**

Internet fraud today is committed quite often, which entails a number of negative consequences, such as: deterioration of economic and social conditions in the country. The evidence from practice shows that investigators are not always able to correctly assess the factual circumstances of the crimes committed and correctly qualify the acts of the perpetrators, which, as a rule, entails incorrect procedural decisions and errors in the investigation. In order to avoid this, it is necessary to optimize the activities of the preliminary investigation bodies during criminal proceedings initiated on the grounds of crimes under Art. 159.6 of the Criminal Code. In addition, it is necessary to develop an algorithm for the actions of the investigator in various investigative situations, to determine the sequence of investigative actions and their substantive aspect.

The work preliminary investigation authorities for combating the Internet fraud requires significant strengthening and further improvement. During the interaction of investigative and operational units, it is necessary to establish focused work in this direction.

Currently, the heads of investigative units at all levels should be focused on verifying the circumstances of the theft as part of the investigation of criminal cases of the above categories.

At the same time, attaching paramount importance to act within the law and respect constitutional rights of citizens, it is important to prevent the creation of a semblance of work due to an incorrect legal assessment of the events under investigation.

The article describes the methods of committing Internet fraud as well as the arrangement of their investigation at the initial and subsequent stages.

Key words: fraud, computer information, the Internet, investigation organization, computer technology, theft by deception

Сегодня одним из наиболее распространенных способов совершения мошенничества является мошенничество с использованием сети «Интернет». Оно связано с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации с последующей ее модификацией в целях неправомерного списания денежных средств с расчетных счетов граждан, а также с завладением денежных средств граждан путем обмана.

Способы совершения мошенничеств с использованием сети «Интернет» разнообразны и зависят от интеллектуальных способностей преступника. В настоящее время среди них можно назвать следующие:

— создание так называемых сайтов-зеркал (клонов), которые выглядят как подлинные интернет-сайты, предлагающие услуги или товары, но отличаются от последних одной буквой в адресной строке (вместо «sberbank.ru» указано «sberbunk.ru»);

— создание сайтов с удаленной работой, за выполнение которой обещан хороший заработок, однако для его вывода на электронный кошелек или банковскую карту необходимо перевести определенную денежную сумму со своего реального банковского счета якобы для проверки способности платежной системы. После этого заработок получить все равно невозможно, обращения в службу поддержки игнорируются, через некоторое время сайты исчезают;

— создание сайтов, где можно сделать вклад под хорошие проценты (в три раза больше, чем в банке) и за короткие сроки увеличить доход. Принцип их работы состоит в том, что человек вкладывает небольшую сумму для проверки реальности сайта, затем через несколько дней выводит деньги с процентами, после чего, удостоверившись, что сайт действительно работает, вносит крупный денежный вклад, но спустя несколько дней сайт перестает функционировать.

Кроме указанных можно выделить такие способы совершения хищения денежных средств, как осуществление неправомерного доступа в компьютерные системы банков, организаций, для чего мошенники нередко используют свои или недостатки в программном обеспечении систем безопасности.

В настоящее время самой уязвимой для вирусов операционной платформой является OS Android, которая широко распространена в России (на ней функционируют смартфоны и планшеты) [1].

Хищение электронных денег посредством использования вирусов (Trojan-SMS.AndroidOS.FakeInst, Trojan-SMS.AndroidOS.Svpeng, Android.bankbot) происходит следующим образом: при посещении различных сайтов со смартфона или планшета, работающего на OS «Android», вирус попадает на устройство и остается невидимым для пользователя до определенного момента. Так, вредоносная программа Android.BankBot.34.origin подменяет интерфейс других приложений (WhatsApp, Viber, Instagram, Facebook, Twitter). При запуске приложения пользователем зараженного мобильного устройства ярлык удаляется, если этого не произошло, остается. Вредоносная программа способна автоматически начать свою работу, загрузившись вместе с операционной системой. После этого появляется запрос на доступ к функциям администратора мобильного устройства и программа запускает режим отслеживания активности пользователя устройства. Далее Android.BankBot.34.origin отображает поверх интерфейса приложения собственное окно, которое имитирует запрос ввода конфиденциальной информации (логин и пароль, номер телефона или сведения о кредитной карте). Полученные таким образом данные передаются на управляющий сервер злоумышленника [2].

Хищение денежных средств в сети «Интернет» чаще всего совершается путем удаленного неправомерного доступа к счетам потерпевших, для чего используется компьютер с выходом в Интернет через модем или роутер. При этом во втором случае доступ в Интернет можно осуществить с нескольких устройств одновременно.

Расследование мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет», представляет собой сложный процесс, поскольку получение доказательственной информации требует специальных знаний в области компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей. А. Н. Яковлев и Н. В. Олиндер [3] выделяют два вида следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования таких преступлений:

1. Событие преступления известно, необходимо установить лицо, его совершившее, и обстоятельства совершения преступления.

2. Событие преступления и лицо, его совершившее, известны, необходимо установить все обстоятельства по расследуемому делу.

На следственную ситуацию будет влиять ряд факторов:

— имеющаяся первоначальная информация, полученная из заявления / сообщения о преступлении, событии преступления и лицах, причастных к нему;

— условия получения данной информации (место, время, применение специальных технических средств);

— имеющиеся в распоряжении следователя силы и средства для дальнейшего использования полученных данных при расследовании преступления;

— позиция участников уголовного судопроизводства, их линия поведения по противодействию расследованию;

— иные факторы, влияющие на успешное установление истины по делу.

От сложившейся следственной ситуации будут зависеть особенности дальнейшего планирования расследования хищений на первоначальном и последующем этапе, где необходимо предусмотреть привлечение специалиста. Планирование может состоять из таких этапов, как:

— анализ имеющейся информации;

— выдвижение следственных версий и установление задач расследования;

— определение путей и способов решения задач;

— составление письменного плана предварительного расследования.

Рассмотрим каждый из этапов подробнее. На первом следователь изучает всю имеющуюся исходную информацию (данные о предмете преступления, способе хищения, личности потерпевшего, месте и времени совершения преступления), анализирует ее, после чего выдвигает следственные версии произошедшего.

Второй этап планирования заключается в выдвижении следственных версий, зависящих от исходной информации. Версии могут быть о наличии или отсутствии самого события преступления, личности преступника и его мотивах, об иных обстоятельствах преступления, которые могут иметь значение для расследования.

При производстве предварительного расследования подлежат доказыванию такие обстоятельства, как:

1. Событие преступления (время, место, способ совершения преступления).

2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.

4. Характер и размер вреда, причиненного потерпевшему.

5. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния.

6. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

7. Обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

8. Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

9. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [4].

Третий этап планирования заключается в определении способов проверки выдвинутых следственных версий. Здесь следователь планирует мероприятия и алгоритм необходимых процессуальных действий, который может меняться в зависимости от хода предварительного расследования и следственных ситуаций. Анализируя практику расследования мошенничеств, совершенных в сфере компьютерной информации, выделим основные следственные действия:

— допрос потерпевшего или его представителя, свидетелей;

— производство осмотра, выемки и приобщение в качестве доказательств документов, содержащих охраняемую законом тайну, в том числе документов, отражающих принадлежность платежной карты конкретному лицу, выписки по счетам физических и юридических лиц, которые фигурируют в уголовном деле;

— проведение обыска с участием соответствующих специалистов по месту регистрации либо фактического проживания лиц, причастных к хищению;

— проведение опознания свидетелями (очевидцами) держателя карты как лица, причастного к хищению;

— допрос подозреваемого, обвиняемого.

По уголовным делам рассматриваемой категории в целях повышения эффективности расследования план необходимо дополнять схемой движения денежных средств.

Четвертый этап заключается в составлении письменного плана проведения проверки по каждой выдвинутой версии, где для всех мероприятий установлен срок их исполнения (в целях упрощения контроля).

Планирование мероприятий и следственных действий должно осуществляться следователем совместно с органом дознания для четкого распределения действий [5]. В круг лиц, которых нужно включать в план проверки выдвинутых версий, необходимо внести специалистов в области компьютерных технологий (перечень их обязанностей также должен быть строго регламентирован). Такое взаимодействие должно наблюдаться с момента поступления сообщения о преступлении до направления уголовного дела в суд. Это будет способствовать полному и качественному сбору доказательственной информации о преступлении и лицах, его совершивших.

Особое внимание нужно акцентировать на проблемах, возникающих при обращении к провайдерам финансовых услуг (кредитные организации, платежные системы, где фиксируются данные о владельцах счетов, дате и времени совершения операций, сведения о дате и времени интернет-соединений и IP-адресах, с которых осуществлялись выходы в сеть). От того, насколько хорошо налажено взаимодействие правоохранительных органов с ними, может зависеть ход дальнейшего расследования: несвоевременность обращений с запросами, промедление получения ответов на них могут способствовать безвозвратной утери или уничтожению значимых сведений. Решению данных проблем, по нашему мнению, может способствовать проведение регулярных встреч руководителей территориальных органов МВД России с представителями провайдеров финансовых услуг, где будут обсуждаться вопросы взаимодействия.

Совершенствование деятельности по расследованию мошенничеств с использованием сети «Интернет» на основе предложенных нами рекомендаций, несомненно, повысит эффективность работы органов предварительного расследования.

1. Особенности расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств в сфере компьютерной информации (159.6 УК РФ): учеб. пособие / Т. Ф. Скогорева, В. В. Намнясев, О. А. Решняк, Д. В. Чухнин. Волгоград, 2018.

2. Брызгалов Г. Е. Механизм преступления при хищении денежных средств, совершаемом с использованием вредоносных компьютерных программ // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 99—104.

3. Яковлев А. Н., Олиндер Н. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: науч.-метод. пособие. М., 2012.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020.

1. Skogoreva T. F., Namnyasev V. V., Reshnyak O. A., Chukhnin D. V. Features of the investigation of crimes related to the theft of funds in the field of computer information (159.6 of the Criminal Code). Textbook. Volgograd; 2018.

2. Bryzgalov G. E. The mechanism of crime in the theft of funds committed with the use of malicious computer programs. Altai Legal Bulletin. 2018; 23 (3): 99—104.

3. Yakovlev A. N., Olinder N. V. Features of the investigation of crimes committed using electronic means of payment and systems: scientific method. allowance. Moscow; 2012.

4. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Reshnyak O. A. Use of computer technology in the investigation of crimes in the field of illicit trafficking in dangerous psychoactive substances. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd, 2020.

Решняк Ольга Александровна,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Ковалев Сергей Александрович,
начальник отдела
информационно-технического обеспечения
учебного процесса
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Reshnyak Olga Alexandrovna,
lecturer at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Kovalev Sergey Aleksandrovich,
head of the department
of information and technical support
of the educational process
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

Б. П. Смагоринский, А. В. Сычева

**НОВЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**

В статье анализируются новые способы совершения мошенничеств, связанных с пандемией коронавируса, приводится статистика совершения преступлений данной категории. Рассматриваются основные признаки «вирусных» мошенничеств, а также классификации способов их совершения. Проводится анализ объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на способы совершения мошенничеств, связанных с пандемией коронавируса. Рассматриваются технологии, которые используют преступники при совершении «вирусных» мошенничеств, и конкретизируются их действия по подготовке к совершению преступления и сокрытию его следов. В статье приводятся примеры из практики расследования мошенничеств, совершенных в период распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: новые способы совершения мошенничества, киберпреступность, «вирусные» мошенничества, коронавирусная инфекция, пандемия, полноструктурные способы совершения мошенничества, объективные и субъективные факторы, влияющие на способ преступления, классификация способов совершения «вирусных» мошенничеств.

B. P. Smagorinsky, A. V. Sycheva

**THE NEW METHODS OF FRAUD ASSOCIATED
WITH THE SPREAD OF CORONAVIRUS INFECTION**

The article analyzes new methods of fraud associated with the coronavirus pandemic, provides statistics on the commission of the crimes of this category. The main signs of "viral" fraud are considered, as well as giving classifications of methods for commission of such crimes. The article analyzes the objective and subjective factors that influence the methods of fraud commission associated with the coronavirus pandemic. The technologies that are used when committing "viral" frauds are examined, and the preparatory actions of criminals as well as suppression of traces of crime are specified. The article also provides examples from the practice of investigation of fraud committed during the spread of coronavirus infection.

Key words: new methods of fraud commission, cybercrime, "viral" fraud, coronavirus infection, pandemic, full-structured methods of fraud commission, objective and subjective factors affecting the method of crime, classification of methods of "viral" fraud commission.

Мошеннические посягательства на собственность являются одним из немногих видов преступлений, которые сохраняют устойчивую тенденцию к росту на фоне некоторой стабилизации общей преступности.

Статистика свидетельствует, что в 2020 г. на криминогенную ситуацию в России продолжает оказывать существенное влияние киберпреступность. Количество IT-преступлений выросло на 83,9 %, а их удельный вес достиг 19,9 % от общего числа. В основном из-за этого фактора уровень преступности в стране в целом вырос на 4 %.

По сравнению с мартом 2019 г. число мошенничеств возросло на 48,5 %, причем мошенниче-

ских действий с использованием электронных средств платежа — более чем в два раза. Общее количество зарегистрированных преступлений в марте 2020 г. превысило показатель марта предыдущего года на 4,4 %, главным образом за счет роста киберпреступности [1].

В связи с пандемией коронавируса (COVID-19) появились новые способы обмана граждан, так называемые «вирусные» мошенничества. Как отмечает заместитель председателя правления Сбербанка России С. Кузнецов, «коронавирус стал темой номер один не только для мировых СМИ, но и для мошенников, которые используют сложившуюся ситуацию в своих целях; вирус COVID-19

затронул многие страны и вызвал всплеск киберпреступности» [2]. Согласно данным службы безопасности Сбербанка России с начала пандемии мошенники зарегистрировали более 4 000 доменов со словами «коронавирус», «covid» и т. д. При этом количество фишинговых рассылок по сравнению с прошлым кварталом выросло на 30 % [2].

По справедливому мнению О. В. Волоховой, применительно к мошенничеству можно сказать, что способ его совершения играет главную роль. Он прямо указан в законе и определен как хищение «путем обмана или злоупотребления доверием». Соответственно, если при хищении не установлен обман или злоупотребление доверием, то не будет и мошенничества [3].

В криминалистике под способом совершения преступления понимается система действий преступника, объединенных единым замыслом по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных объективными и субъективными факторами и сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и приемов [4]. Считаем, что данное определение применимо и к мошенничествам, связанным с распространением коронавирусной инфекции.

Рассмотрим основные способы совершения «вирусных» мошенничеств:

1. Компенсация за самоизоляцию. Мошенники, будучи хорошими психологами, находят «психологические крючки», на которые «кляют» доверчивые граждане. Зная о том, что многие из них в период самоизоляции работают удаленно и длительное время проводят в сети «Интернет» или находятся в неоплачиваемых отпусках, или лишились работы, преступники играют на чувствах жадности и справедливости. На мобильный телефон предполагаемой жертвы поступает сообщение о том, что запущен новый портал объединенного Компенсационного фонда, где можно получить компенсацию при наличии на то законных оснований. Каждому гражданину гарантировано от 15 000 руб. и выше. Для получения выплаты необходимо срочно пройти регистрацию. Сообщение приходит якобы с портала Госуслуги. Ссылка ведет на сайт того самого компенсационного фонда, который просит оплатить госпошлину. Затем под разными предлогами потерпевшим предлагают оплатить «закрепительный платеж», «транзакционные издержки», «комиссия банковской системы» и т. д. до тех пор, пока они не поймут, что их обманули.

2. Возврат средств за отмененные перелеты. Если до недавнего времени в квартиры потерпев-

ших приходили «сотрудники» горгаза, банков, социальных служб, то теперь это «сотрудники отдела компенсаций авиакомпании». Мошенники пользуются тем, что потенциальные потерпевшие, находясь дома, пребывают в негативном информационном поле, а в средствах массовой информации действительно фигурировал сюжет о том, что определенным авиакомпаниям государство возместит причиненный ущерб ввиду отмены перелетов из-за распространения коронавирусной инфекции. При этом преступники, выдавая себя за колл-центр авиакомпании, задают наводящие вопросы, вселяя в человека надежду на возврат денежных средств. Далее просят предоставить информацию о данных банковской карты, чтобы перечислить на нее компенсацию. Затем деньги с карты потерпевшего исчезают. Представляется, что мошенники ищут потенциальных жертв в социальных сетях, где многие люди делятся всеми подробностями своей жизни. Потерпевший мог, например, написать пост о том, что у него «пропал» отпуск на Кипр, поскольку компания ввиду распространения новой коронавирусной инфекции отменила рейс. Считаем, что социальная инженерия представляет особую опасность в связи с тем, что потерпевший сам добровольно передает информацию по своей карте мошеннику, что влечет за собой сложности при доказывании именно факта обмана.

3. Предложение инвестировать деньги в развитие крупной компании под большие проценты. В СМИ появилась информация о том, что крупные компании окажут помощь государству в период кризиса после пандемии коронавируса. Бизнес приобретает медицинское оборудование и инвестирует денежные средства в разработку вакцины от коронавируса. Мошенники, пользуясь данной информацией, «дорабатывают» ее, предлагая потенциальным потерпевшим инвестировать денежные средства в крупные компании под большие проценты. Например, в социальных сетях размещают рекламу о том, что Газпром обязали выплачивать всем гражданам по 255 000 руб. ежемесячно. Перейдя по ссылке, указанной в рекламе, потерпевший попадает на сайт с логотипами Министерства энергетики Российской Федерации и Газпрома, который имеет доменное расширение «com», но, к сожалению, не все обращают на это внимание. Далее в рекламе идет текст о том, что в условиях сложной экономической ситуации российский газ становится наиболее востребованным на мировом рынке, в связи с чем Газпром решил увеличить объемы производства газа в несколько раз и привлечь граждан России в качестве инве-

сторов. Вложить денежные средства мошенники предлагают в амбициозные проекты («Турецкий поток», «Северный поток» и др.). Для получения выплат потерпевшему нужно оставить на сайте в специальной форме свое имя и номер телефона. Далее звонит якобы консультант, обещает большие выплаты и предлагает положить деньги на виртуальный личный счет, на котором через 30 дней окажутся первые дивиденды, впоследствии деньги не возвращаются.

4. Преступники обещают своим потенциальным жертвам различные компенсации (по телефону или лично), отсрочку по выплате кредитов, ипотек, оказание услуг по диагностике заражения коронавирусной инфекцией; продают по завышенной цене очистители воздуха, якобы убивающие вирусы, маски, отсеивающие вирусы, лекарства, эффективность которых не доказана. Помимо «тестов», определяющих коронавирус в крови, Интернет пестрит объявлениями о магических средствах защиты от коронавирусной инфекции. Это всевозможные амулеты, обереги, подвески и др. Кроме того, появились сервисы, якобы позволяющие проверить, как далеко гражданам можно отходить от дома, если потерпевшие введут данные банковской карты. Получили распространение сайты по продаже фальшивых пропусков на въезд в Москву и поездки по столице и другим городам. Участилась рассылка фейковых СМС-сообщений о штрафах за нарушение режима самоизоляции, отправители которых просят оплатить их сразу по номеру телефона или карты, угрожая возбуждением уголовного дела. Все действия мошенников направлены на то, чтобы получить информацию о банковской карте, пароль из СМС-сообщения либо чтобы потерпевший самостоятельно внес платеж на определенный счет.

5. Особую общественную опасность представляют мошенничества, совершаемые в отношении социально не защищенных категорий граждан (пенсионеров, инвалидов, одиноких людей и др.). Обладая излишней наивностью, простодушием, доверчивостью, они открыты к общению и принимают с благодарностью искреннюю «заботу» о них. Так, 16 марта 2020 г. в г. Ессентуки были задержаны пять членов организованной группы, которые от имени Пенсионного фонда России звонили пенсионерам под предлогом предоставления услуг диагностики коронавируса либо выплат в честь 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Затем злоумышленники вводили пенсионеров в заблуждение, и те сообщали им номер своей карты, код из СМС-сообщения с номера 900, в том

числе логины/пароли для входа в личный кабинет, и похищали денежные средства [2].

В связи с распространением коронавирусной инфекции многие компании перевели своих сотрудников на дистанционный режим работы. Этим тоже пользуются мошенники. С момента начала пандемии COVID-19 было зарегистрировано 1,7 тысячи новых доменов, содержащих название сервиса популярной видеосвязи Zoom [2].

Безусловно, приведенный перечень способов совершения мошенничеств, связанных с пандемией коронавируса, не является исчерпывающим. Мошенники, используя официальную информацию из СМИ, обладая знаниями в области психологии, изобретают все новые способы обмана граждан, причем схемы мошенничества настолько реалистичны, что даже подготовленному человеку иногда сложно понять, что он имеет дело с преступниками. Как отмечает В. Ф. Ермолович, присущие преступнику знания и умения, используемые при совершении преступления, оказывают влияние на содержание его способа [5]. Применительно к «вирусному» мошенничеству к знаниям и умениям преступника можно добавить навыки, которые делают способ совершения преступления индивидуальным.

Считаем целесообразным привести классификацию новых способов совершения мошенничеств. Как справедливо отмечает П. Г. Великородный, особенно актуальной является проблема классификации методов действий субъекта на различных этапах его преступной деятельности [6]. Она представляет интерес для практики, ввиду того что уровнем осведомленности следователя о содержании и особенностях поведения преступника во многом определяются направление и объем предварительного следствия по уголовным делам, криминалистическое содержание рекомендаций о приемах и средствах раскрытия и расследования преступлений.

В теории криминалистики достаточное внимание уделялось классификациям способов совершения и сокрытия различных видов преступлений и разработке на их основе типовых моделей раскрытия и расследования соответствующих видов преступных посягательств. Рассмотрим некоторые классификации способов совершения преступлений.

1. По признаку структуры преступной деятельности, предложенной М. С. Уткиным [7], способы совершения преступлений подразделяются:

— на полноструктурные, включающие подготовку, совершение и сокрытие преступлений;

— менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений);

— менее квалифицированные или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений); неквалифицированные или упрощенные (состоящие только из действий по совершению преступлений).

Представляется, что применительно к рассматриваемой категории преступлений речь должна идти о полноструктурных способах их совершения, так как они, безусловно, требуют тщательной подготовки, планирования сокрытия преступления и т. д.

Рассмотрим основные действия по подготовке к совершению мошенничеств, связанных с пандемией коронавируса:

— принятие решения о совершении мошенничества;

— определение цели, времени, места, средств и методов ее достижения;

— распределение ролей среди участников организованной группы;

— подбор потенциальных жертв;

— подготовка необходимых атрибутов (одежды, документов, лекарственных препаратов или БАДов, SIM-карт, средств связи, иных предметов). Планируя совершение «вирусных» кибермошенничеств, преступники занимаются поиском необходимых документов, для того чтобы зарегистрировать их владельцев в качестве идентификаторов в электронных платежных системах и затем регистрировать на их имя SIM-карты, открыть электронные кошельки для перевода и обналичивания похищенных денежных средств. В период пандемии коронавируса на многих сайтах, предлагающих услуги по поиску рабочих мест, таких как Avito, «Юла», появилось много объявлений для граждан, которые находятся в поисках работы, за денежное вознаграждение открыть счет в банке на свое имя с получением карты или приобрести SIM-карты сотовой связи, указав свои паспортные данные и др.;

— принятие мер к сокрытию следов преступления и, возможно, минимизации преступного характера своих действий. Для этого многие мошенничества, связанные с распространением коронавирусной инфекции, совершаются бесконтактно.

При подготовке к совершению рассматриваемой категории преступлений мошенники нередко используют IP-телефонию, Skype, динамические IP-адреса, зашифрованные схемы передачи информации, позволяющие исключить визуальные контакты с потерпевшими, средства мобильной связи, электронные платежные системы и другие

достижения техники, что значительно затрудняет раскрытие и расследование таких преступлений [8].

2. В зависимости от характера поведения субъекта способы совершения преступления делятся на активные, пассивные и смешанные. Применительно к «вирусным» мошенничествам представляется, что преступники занимают активную позицию (осуществляют связь с потенциальными жертвами путем телефонных звонков гражданам или поквартирный обход с предоставлением определенных платных услуг, размещают объявления о возможности заработка путем оформления на потерпевших банковских карт, SIM-карт и др.).

3. По степени возможности обнаружения действий (бездействия) способы совершения преступления делятся на латентные, очевидные и смешанные. Считаем, что способы совершения «вирусных» мошенничеств могут быть как латентными, так и смешанными.

4. По признаку использования орудий преступлений и средств: осуществляемые с применением орудий и средств и без применения таковых. «Вирусные» мошенничества, как правило, совершаются с применением орудий и средств совершения преступления.

5. По уровню исполнительского мастерства, базирующегося на использовании преступного опыта и профессиональных и преступных навыков и умений: квалифицированные и простые. «Вирусные» мошенничества, безусловно, совершаются квалифицированными способами: преступники не только являются хорошими психологами, но и прекрасно разбираются в IT-технологиях.

Предложенная классификация способов совершения «вирусных» мошенничеств не является исчерпывающей, возможны и другие варианты.

Анализ литературы, интернет-ресурсов и практики расследования кибермошенничеств, в том числе связанных с пандемией коронавируса, позволяет перечислить технологии, которые используют преступники при совершении преступного деяния:

1. Принятие мер к сокрытию электронной информации о своих преступных действиях (при помощи передачи электронных посланий о банковских счетах, базах данных потенциальных жертв, данных других членов преступной группы и т. д.; используя неконтролируемые средства электронной связи — спутниковые телефоны, чаткомнаты в сети «Интернет» с ограниченным доступом и др.).

2. Использование электронных переводов для отмывания доходов от мошеннических действий, что обеспечивает анонимность, свободный доступ и быстроту совершения сделки.

Рассмотрев основные способы совершения мошенничеств, связанных с пандемией коронавируса, выделим характерные признаки данной категории преступлений:

— способы совершения обмана разнообразны, быстро изменяются и требуют тщательной подготовки;

— совершение преступления, как правило, в группе с распределением ролей;

— преступные посягательства направлены на личную собственность граждан (обычно денежные средства);

— межрегиональный и международный спектр преступных действий;

— высокая латентность;

— нередко виктимное поведение потерпевших.

А. Н. Колесниченко и В. Е. Коновалова отмечают, что способ преступления детерминирован рядом объективных факторов, относящихся к условиям внешней среды, в которой совершается преступление, и субъективных, относящихся к личности преступника [9].

Применительно к мошенничествам, в том числе связанным с пандемией коронавируса, объективными факторами, влияющими на способ совершения преступления, являются условия места и обстановки; время совершения преступления; орудия

совершения преступления; наличие связи с предметом посягательства, отношений с потерпевшим и др.

Субъективными факторами, обуславливающими способ совершения преступления, — цель преступления, поскольку она определяет в общем виде средства и условия ее достижения; наличие у преступника опыта, профессиональных знаний, в том числе знаний по психологии; социальные, психологические и физические особенности личности преступника.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что способ совершения мошенничества зависит от различных факторов, их взаимосвязи и взаимобусловленности. Способ совершения конкретного преступления детерминируется определенной совокупностью факторов, один из которых может приобретать доминирующее значение. Таким образом, способ совершения преступления как в теоретическом, так и в практическом плане должен изучаться в тесной связи с объективными и субъективными факторами, поскольку это существенно облегчает работу следователя в выдвижении версий, определении направлений расследования, выборе средств изобличения и розыска лиц, совершивших преступление.

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — апрель 2020 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/2001603> (дата обращения: 01.05.2020).

2. Станислав Кузнецов: коронавирус породил новые схемы мошенничества. URL: <https://ria.ru/20200413/1569949717.html> (дата обращения: 01.05.2020).

3. Волохова О. В. Современные способы мошенничества: особенности выявления и расследования / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2005. 128 с.

4. Криминалистика. М., 1999. 351 с.

5. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. 304 с.

6. Великородный П. Г. Криминалистическая характеристика и классификация способов совершения преступления и способов уклонения от ответственности // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 89—92.

7. Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации. Свердловск, 1975. 22 с.

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January — April 2020. Available from: <https://mvd.rf/reports/item/2001603>. Accessed: 1 May 2020.

2. Stanislav Kuznetsov: coronavirus gave rise to new fraud schemes. Available from: <https://ria.ru/20200413/1569949717.html>. Accessed: 1 May 2020.

3. Volokhova O. V. Modern methods of fraud: features of identification and investigation. Ed. by E. P. Ishchenko. Moscow; 2005: 128.

4. Forensics. Moscow; 1999: 351.

5. Ermolovich V. F. Forensic characteristics of crimes. Minsk; 2001: 304.

6. Velikorodny P. G. Forensic characteristics and classification of methods of crime commission and ways of responsibility evasion. In: Forensic characteristics of crimes: collection of scientific works. Moscow; 1984: 89—92.

7. Utkin M. S. Features of the investigation and prevention of theft in consumers cooperative society. Sverdlovsk; 1975: 22.

8. URL: <https://xn--90ahp.66.xnч--b1aew.xn--p1ai/news/item/9781451> (дата обращения: 01.05.2020).

9. Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985. 93 с.

© Смагоринский Б. П., Сычева А. В., 2020

Смагоринский Борис Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Сычева Анна Викторовна,

преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: anna002@yandex.ru

8. Available from: <https://xn--90ahp.66.xnч--b1aew.xn--p1ai/news/item/9781451>. Accessed: 1 May 2020.

9. Kolesnichenko A. N., Konovalova V. E. Forensic characteristics of crimes. Kharkov; 1985: 93.

© Smagorinsky B. P., Sycheva A. V., 2020

Smagorinsky Boris Pavlovich,

professor at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
senior researcher of research institute
of Federal penitentiary service of Russia,
doctor of juridical sciences, professor,
honored science worker
of the Russian Federation;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Sycheva Anna Viktorovna,

lecturer at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: anna002@yandex.ru

* * *

Ю. С. Чичерин, Е. А. Лугинец

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В СФЕРЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА И МЕРАХ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕЕ РАЗВИТИЮ
(ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ АСПЕКТ)**

В статье рассматриваются некоторые направления оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию опасным проявлениям организованной, в том числе этнической, преступности в сфере фальшивомонетничества; освещаются проблемы нормативно-правового регулирования организационно-тактического взаимодействия оперативных и следственных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации по раскрытию и расследованию фальшивомонетничества; предлагаются меры по совершенствованию ведомственного правового регулирования оперативно-разыскного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, организованная преступность, этническая преступность, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, нормативно-правовое регулирование в сфере противодействия организованной (в том числе этнической) преступности.

Yu. S. Chicherin, E. A. Luginets

**ABOUT SOME TRENDS IN ORGANIZED CRIME IN THE FIELD OF COUNTERFEITING
AND MEASURES AIMED AT COUNTERACTING ITS DEVELOPMENT
(OPERATIONAL-SEARCH ASPECT)**

The article presents some areas of criminal intelligence activities of internal affairs authorities on fighting against hazard caused by organized, including ethnic, crime in the sphere of counterfeiting; highlights the regulatory issues on organizational and tactical interaction between the criminal intelligence and investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in terms of counterfeiting solution and investigation; suggests measures on improving departmental legal regulation of the criminal intelligence legislation in this sphere.

Key words: counterfeiting, organized crime, ethnic crime, criminal intelligence activity, criminal intelligence actions, legal and regulatory framework in the sphere of fighting against organized (including ethnic) crime.

Слово «фальшивомонетничество» происходит от латинских «falsus» — ложный, неверный и «moneta» — критерий, стандарт [1]. Фальшивомонетничество дословно означает производство поддельных, подложных монет. С появлением и распространением бумажных денег под фальшивомонетничеством стали понимать изготовление и сбыт поддельных денег вообще, а также подделку некоторых ценных бумаг.

Фальшивомонетничеством в соответствии со ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) признается изготовление в целях сбыта, хранение, перевозка с целью сбыта или сбыт поддельных денежных знаков либо ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо ино-

странной валюте. Ответственность за это тяжкое преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей [2], чем подчеркивается исключительная важность для государства раскрытия данных преступлений, посягающих на экономическую безопасность России. Однако ранее уголовная ответственность за аналогичные деяния была более суровой. Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. [3] предусматривалась ответственность в виде лишения свободы на срок до 15 лет с конфискацией имущества, а Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. устанавливался расстрел с конфискацией имущества [4].

Опасность данного деяния главным образом обусловлена подрывом устойчивости государственной валюты — российского рубля. Именно поэтому в постановлении Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег» указано, что «преступления данной категории приобретают повышенную общественную опасность в условиях становления рыночной экономики, подрывают устойчивость государственных денег и затрудняют регулирование денежного обращения» [5].

Несмотря на суровое наказание, рассматриваемый вид преступлений характеризуется негативной динамикой, в частности тенденцией к росту. По данным ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» (далее — ФКУ ГИАЦ МВД России) за 2019 г., удельный вес таких преступлений в общем количестве преступлений экономической направленности составил 15,8 % (для сравнения: в 2018 г. — 14,7 %, а в 2017 г. — 15,5 %), при этом удельный вес раскрытых преступлений в сфере фальшивомонетничества составил лишь 1,6 %; в Южном федеральном округе (ЮФО) в 2019 г. — 15,8 % (в 2018 г. — 11 %, в 2017 г. — 12,7 %), а доля раскрытых преступлений — 2,5 %; на территории Волгоградской области данный показатель составил 45,2 % (в 2018 г. — 23,5 %, в 2017 г. — 18,2 %), доля раскрытых преступлений — 3 %.

За последние 5 лет произошло снижение показателей организованной преступности в сфере фальшивомонетничества, что подтверждается следующими данными статистики: в 2015 г. в составе организованных групп (преступных сообществ) (далее — ОГ (ПС)) совершено 732 тыс. преступлений, а их удельный вес в общем количестве расследованных преступлений рассматриваемой категории составил 14,6 %; в 2016 г. в составе ОГ (ПС) совершено менее 657 тыс. преступлений, их удельный вес в общем количестве расследованных преступлений рассматриваемой категории сократился до 12,3 %; в 2017 ОГ (ПС) совершено 754 тыс. преступлений, удельный вес в общем количестве расследованных преступлений составил 21 %; в 2018 г. совершено менее 471 тыс. преступлений, их удельный вес в общем количестве расследованных преступлений рассматриваемой категории сократился до 16 %; в 2019 г. удельный вес преступлений, совершенных в составе ОГ (ПС), в общем количестве расследованных преступлений в сфере фальшивомонетничества снизился до 11 % [6]. Анализ приведенных позиций свидетельствует далеко не о снижении

уровня организованной преступности, а о снижении качества раскрытия, расследования уголовных дел, совершаемых в сфере фальшивомонетничества, падении уровня профессионализма правоприменителей. Интервьюирование сотрудников оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел (ОВД) показывает, что растет процент судебных приговоров, в которых имеет место перекавалификация преступных действий обвиняемых с совершенных в составе ОГ (ПС) на совершенные группой лиц по предварительному сговору.

В результате анализа имеющихся данных становится очевидным, что преступления в сфере фальшивомонетничества совершаются организованными, в том числе этническими группами. Формирования (группы), занимающиеся фальшивомонетничеством, имеют налаженные каналы для сбыта фальсификатов в крупных размерах путем использования определенных категорий лиц (посредников и сбытчиков).

Организованные группы, занимающиеся фальшивомонетничеством, обладают высокой степенью общественной опасности. Скрытность внутренних процессов организации, многоступенчатая иерархическая структура подчиненности, наличие строго соблюдаемых «уставов», правил и мер предосторожности в сочетании с осуществлением приемов и методов противодействия оперативным и следственным подразделениям ОВД создают серьезные препятствия для планирования и проведения в отношении участников данных формирований специальных мероприятий, направленных на их изобличение, в том числе выявление и привлечение к уголовной ответственности лиц, руководящих преступной организацией, а также установление места нахождения и изъятие печатающего устройства («станка»).

Специфическим отличием современной организованной преступности является ее латентный характер, обусловленный слабой профессиональной подготовкой сотрудников оперативных подразделений ОВД, работающих по данному направлению оперативно-служебной деятельности, отсутствием взаимодействия со следственными органами в части выработки единой позиции о стратегии противодействия организованной преступности [7], а также методики и тактики текущего и перспективного планирования, подготовки и проведения следственных действий по документированию преступной деятельности участников и лидеров ОГ (ПС).

Учитывая высокую латентность данного вида преступлений, от оперативных подразделений органов внутренних дел требуются только последовательные наступательные действия, направленные на их выявление и раскрытие. Наряду с этим следует отметить, что сотрудники оперативных подразделений постоянно загружены вынесением значительного количества постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по материалам доследственных проверок и заключений проверок по обращениям граждан, ведением самых разнообразных переписок и т. д. Подобное положение дел, несомненно, оказывает самое негативное воздействие на конечные результаты оперативно-служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений при решении задач оперативно-разыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В настоящее время ОГ (ПС), совершающие преступления, в том числе в сфере фальшивомонетничества, используют в преступной деятельности достижения науки и техники, информационно-коммуникационные технологии, средства визуального и технического контроля. Наличие у современных организованных преступных групп прочных финансово-экономических основ усложняет процесс противодействия организованной преступности со стороны оперативных и следственных подразделений ОВД.

Указанные обстоятельства создают объективные предпосылки разрозненности действий оперативных подразделений на региональном и районном уровнях и их несоответствия складывающейся оперативной обстановке в сфере противодействия этническим ОГ (ПС) и в целом организованной преступности.

Следует иметь в виду, что подразделения ОВД решают оперативно-служебные задачи по противодействию организованной преступности, как правило, на территории своего субъекта России, руководствуясь принципом территориальности и оперативной заинтересованности относительно зоны своего оперативного обслуживания.

Не вызывает сомнений тот факт, что без выработки конкретных мер, направленных на совершенствование деятельности ОВД по противодействию организованной преступности, невозможно реализовать директивные установки государства по совершенствованию системы защиты конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в Российской Федерации.

Основными нормативно-правовыми актами, регламентирующими взаимодействие сотрудников оперативных и следственных подразделений ОВД, при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в составе ОГ (ПС), являются Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений ОВД при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел [8] и Положение об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами [9].

Заслуживает внимания тот факт, что недостаточно организовано взаимодействие оперативных подразделений ОВД в процессе противодействия ОГ (ПС) на территории двух и более регионов России.

Анализируя нормативно-правовое регулирование организационных вопросов борьбы с организованной преступностью в нашей стране, приходим к выводу, что для совершенствования правовых основ противодействия этническим ОГ (ПС) требуется существенное изменение ведомственной нормативно-правовой базы, регламентирующей организационно-тактические аспекты деятельности и взаимодействия оперативных подразделений, в части подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий по пресечению преступной деятельности членов ОГ (ПС).

Складывающаяся ситуация осложняется укреплением позиций транснациональной организованной преступности, беспрецедентным ростом нелегального проникновения на территорию России трудовых мигрантов из числа стран-участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) [10].

Согласно статистическим данным Главного управления по вопросам миграции МВД России (далее — ГУВМ МВД РФ) количество поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 2015 г. составило 14 млн, в 2016 г. — 14,3 млн, в 2017 г. — 15,7 млн, в 2018 г. — 17,7 млн, в 2019 г. — 19,5 млн. Вместе с тем официальные данные Федеральной службы безопасности России значительно превышают эти показатели. Так, например, в 2018 г. в Россию въехало 32,6 млн иностранных граждан и лиц без гражданства [11].

Анализ миграционной статистики показывает, что подавляющее большинство иностранцев, прибывающих в Россию, — это граждане государств СНГ. При этом лидерство принадлежит Узбекистану, на втором месте Таджикистан, затем следуют Киргизия, Украина, а также Казахстан.

Основу современной организованной преступности составляют среднеазиатские и кавказские ОГ (ПС), обосновавшиеся во многих крупных регионах страны и активно втягивающие в свой состав новых участников, являющихся соотечественниками, выходцами из этнических диаспор, братств и землячеств.

Следует особо отметить, что современная организованная преступность имеет межрегиональный характер. Устойчивые преступные группы действуют не только в одном отдельно взятом городе или регионе, но и в масштабах нескольких субъектов РФ, а также всей страны.

Вот лишь некоторые примеры.

В 2014 г. на территории Нижегородской области были совершены массовые сбыты поддельных денежных билетов Банка России номиналом 5 000 (пять тысяч) рублей образца 1997 г. выпуска в фирменных сетевых магазинах розничной торговли обувью, одеждой, аксессуарами, парфюмерией и цифровой техникой, среди которых: Colin`s, Ostin, Gloria Jeans, Zolla, H&M, Ooji, Zarina, Yves Rocher, «Л'Этуаль», «Детский Мир», «Спорт Мастер», «М.Видео», «Связной» и др. Все объекты предпринимательской деятельности, в инкассируемой выручке которых выявлялись фальсификаты, были расположены в крупных торговых-развлекательных центрах г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. В результате преступной деятельности группы злоумышленников в течение нескольких суток был осуществлен массовый сбыт фальшивых пятитысячных купюр на общую сумму свыше 300 тысяч рублей.

После реализации имеющихся оперативных материалов сотрудниками Главного управления МВД России по Нижегородской области при взаимодействии с Главным управлением экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее — ГУЭБиПК МВД России) установлены и задержаны участники устойчивой этнической организованной группы: «Н», 1984 г. р. (организатор); «А», 1992 г. р.; «Э», 1986 г. р.; «М», 1993 г. р.; «У», 1996 г. р., и «Т», 1996 г. р. Указанные лица являлись гражданами Узбекистана и Киргизии, имели временную регистрацию и проживали на территории г. Москвы и г. Санкт-Петербурга.

При проведении личных обысков, обысков по местам временного проживания задержанных, а также используемого автотранспорта обнаружено и изъято имущество, приобретенное ими путем сбыта фальшивых денежных купюр в вышеуказанных торговых точках, а также изъяты поддельные денежные билеты Банка России номиналом

5 000 (пять тысяч) рублей, хранившиеся при них с целью последующего сбыта.

Результаты проведенных оперативно-разыскных мероприятий в установленном законом порядке предоставлены в СЧ СУ УМВД России по г. Нижнему Новгороду, по данным фактам возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 186 УК РФ (в последующем несколько уголовных дел по фактам сбыта фальшивок соединены в одно производство и переклассифицированы на ч. 3 ст. 186 УК РФ).

В ходе расследования основного уголовного дела была установлена причастность членов данной организованной группы к совершению серий аналогичных преступлений на территории Калужской, Тверской, Воронежской и Московской областей.

В декабре 2012 г. ГУЭБиПК МВД России совместно с Управлением внутренних дел по Юго-Восточному административному округу Главного управления МВД России по г. Москве в результате реализации оперативных материалов пресечена деятельность межрегионального этнического сообщества, занимавшегося изготовлением на территории Москвы и Московской области поддельных денежных знаков (билетов Банка России, долларов США, денежных знаков Республики Армения) и сбытом их на территориях различных субъектов Российской Федерации.

В ходе проведения проверочной закупки за совершение сбыта 100 поддельных билетов Банка России номиналом 5 000 рублей были задержаны с поличным участники преступного сообщества — гражданин Республики Армения и житель Республики Дагестан.

В результате проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий организатор преступного сообщества и четверо активных участников арестованы, двое — скрылись и объявлены в розыск. В рамках оперативного сопровождения уголовного дела, на территории Ивановской области в марте 2013 года задержан еще один активный участник преступного сообщества. Позднее установлено местонахождение изготовителя поддельных денежных знаков, скрывающегося в г. Чехове Московской области (задержан в мае 2013 г.).

Установлено, что в различных субъектах Российской Федерации по фактам сбыта подделок, изготовленных участниками указанного преступного сообщества, возбуждено свыше 100 уголовных дел, которые соединены в одно производство. Органами предварительного следствия были собраны доказательства причастности членов преступного

сообщества к совершению преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 186, чч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ.

Как показывает практическая деятельность, ОГ (ПС), в том числе сформированные по этническому или смешанному типу, занимающиеся фальшивомонетничеством, состоят из 4—10 человек и отличаются устойчивой стабильностью своего состава. Члены группы могут быть связаны между собой как родственными, земляческими, так и приятельскими связями, в том числе возникшими в период отбывания прошлых судимостей. В подобных формированиях довольно четко прослеживается распределение обязанностей между их членами с учетом специальных знаний, способностей, возможностей и других моральных и деловых качеств, необходимых при осуществлении подделки и сбыта денежных знаков и ценных бумаг. Наиболее организованными и сплоченными этническими ОГ (ПС), занимающимися фальшивомонетничеством, являются чеченские, дагестанские, узбекские, азербайджанские и армянские.

В большинстве случаев организатор (как правило, это лицо мужского пола) является лидером преступного формирования либо инициатором его создания. В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. В крупных преступных формированиях, в которых фальшивомонетничество является лишь одним из направлений деятельности, организаторами могут являться лица, зачастую ранее судимые за другие преступления, так называемые «преступные авторитеты».

Изготовители фальшивок обладают комплексом специальных знаний относительно технологии изготовления подлинных денежных знаков, ценных бумаг и способов их защиты, профессионально занимаются подделкой российских денежных знаков и иностранной валюты, используя дорогое полиграфическое оборудование.

По нашему мнению, высокое качество подделки, способ ее изготовления и большой «тираж» могут свидетельствовать о профессионализме изготовителя и устойчивом функционировании ОГ (ПС).

В крупных ОГ (ПС) организаторов условно можно подразделить на «организаторов изготовления (либо приобретения)» и «организаторов сбыта» фальсификатов. Данные лица очень редко привлекаются к уголовной ответственности, так как подделкой денег сами не занимаются, а непо-

средственным сбытом подделок занимаются так называемые сбытчики, которым в большинстве случаев о личности организатора ничего не известно. В редких случаях они могут знать организатора в лицо.

Эти обстоятельства существенно влияют на своевременное выявление, раскрытие и расследование фальшивомонетничества, сопровождаются значительными трудностями и требуют эффективного применения следственных и оперативно-разыскных действий, профессионального использования имеющихся сил, средств, методов, приемов и методик.

Остановимся на основных проблемах и направлениях совершенствования оперативно-служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений ОВД по борьбе с фальшивомонетничеством, совершаемым организованными, в том числе этническими преступными группами.

1. Руководители территориальных ОВД не уделяют должного внимания организации работы по борьбе с фальшивомонетничеством. К уголовной ответственности, как правило, привлекаются не организаторы, а сбытчики поддельных денежных знаков. Значительное количество фактов сбыта поддельных денежных знаков на объектах розничной торговой сети выявляется благодаря своевременным сигналам, поступившим от сотрудников предприятий торговли, о фактах сбыта или попытке сбыта фальшивых денег и последующему оперативному реагированию сотрудников дежурных частей и наружных нарядов полиции.

2. Изменился контингент лиц, занимающихся фальшивомонетничеством. К изготовлению и сбыту подключились этнические преступные формирования. В преступных группах установлена четкая иерархия и строгое распределение обязанностей. Рядовые сбытчики знают лишь своих «бригадиров» и не располагают сведениями о местах изготовления, хранения и способах перевозки фальшивок.

По нашему мнению, необходимо повышать квалификацию оперативных сотрудников, пересматривать оценку эффективности их деятельности.

3. Утратила актуальность информационная система СТРАС «Фальшивка» [12], в настоящее время учет поддельных денег ведется только по номиналам и реквизитам.

По нашему мнению, необходимо сформировать единое информационное пространство между ГУЭБиПК МВД России, ЭКЦ МВД России, территориальными ОВД (в части создания и ведения единой базы данных о преступлениях, связанных

с изготовлением в целях сбыта и сбытом поддельных денежных билетов). Представляется, что внедрение данной базы позволит активизировать работу по раскрытию фальшивомонетничества «по горячим следам», а также повысить оперативность выявления фактов сбыта аналогичных фальсификатов на территории Российской Федерации.

4. При документировании деятельности межрегиональной ОГ (ПС) фальшивомонетчиков руководитель территориального ОВД не заинтересован в выявлении всех фактов преступной деятельности за пределами территории оперативного обслуживания, поскольку существует вероятность соединения уголовных дел в одно производство и передачи их по подследственности.

Необходимо пересмотреть критерии оценки работы территориальных ОВД, сделав упор на результаты совместных мероприятий, направленных на пресечение и документирование деятельности межрегиональных ОГ (ПС) фальшивомонетчиков; при этом должна даваться оценка всем подразделениям, принимавшим участие в раскрытии преступлений.

5. Для систематизации организационных основ противодействия этнической организованной преступности необходимо создать единый информационный банк данных въехавших на территорию РФ и выезжающих с территории РФ граждан — выходцев из стран СНГ, в котором должны быть определены цели приезда, место предполагаемой регистрации, место фактического проживания и трудоустройства, сведения о судимости по месту регистрации на родине с обязательным получением образцов папиллярных узоров и результатов анализа буккального эпителия.

6. Проблемным вопросом противодействия ОГ (ПС) все еще остается недостаточное материально-

техническое обеспечение оперативных подразделений, что существенно снижает потенциал их возможностей.

В целях значительного повышения уровня обеспечения оперативных подразделений, видится необходимым их целевое техническое переоснащение современными средствами радиосвязи, аудиоконтроля, видеодокументирования и наблюдения. Вместе с тем в рамках предстоящего этапа реформы МВД необходимо пересмотреть распределение единиц служебного автотранспорта и топливного лимита.

7. Для оптимизации взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений ОВД по борьбе с организованной преступностью необходимо проработать вопрос образования в структуре органов предварительного следствия профильных следственных подразделений, специализирующихся на расследовании организованной преступной деятельности, в том числе во всех регионах России. Вместе с тем необходимо создание межрегиональных следственных подразделений по расследованию организованной преступной деятельности при СУ (ГСУ) территориальных органов МВД России на региональном уровне.

В заключение отметим, что раскрытие и расследование преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой в целях сбыта и сбытом поддельных денег, совершаемых организованными преступными формированиями, является одной из основных задач оперативных и следственных подразделений ОВД. Выработка соответствующих управленческих решений руководством МВД России по обозначенным направлениям будет способствовать повышению эффективности оперативно-разыскной деятельности по противодействию организованной, в том числе этнической преступности.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997. С. 848.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960), (в ред. Закона РСФСР от 25.07.62; Закона РФ от 18.02.93 № 4510-1; Федерального закона от 01.07.94 № 10-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language / RAS. Russian Language Institute of V. V. Vinogradov. Moscow: Azbukovnik; 1997: 848.

2. Federal law of Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. on 18 February 2020). "The Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. The RSFSR Criminal Code (approved by RSFSR Supreme Court 27 October 1960), (as amended by the RSFSR Law of 25 July 62; the RF Law No. 4510-1 of 18 February 93; Federal Law No. 10-FZ of 1 July 94). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Уголовный Кодекс РСФСР: ред. 1926 г., принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введен в действие с 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (СУ № 80, ст. 600). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 (ред. от 06.02.2007). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Состояние преступности в России (форма 495 (5-БЭП)) за январь — декабрь 2019, 2018, 2017, 2016, 2015; Состояние преступности в Южном федеральном округе (форма 495 (5-БЭП)) за январь — декабрь 2019, 2018, 2017, 2016, 2015; Состояние преступности в Волгоградской области (форма 495 (5-БЭП)) за январь — декабрь 2019, 2018, 2017, 2016, 2015: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Доступ из системы информ.-аналит. обеспечения деятельности МВД РФ (ИСОД МВД).

7. Шумилов А. Ю. Разработка и утверждение в России в первой четверти XXI века оперативно-розыскной стратегии: еще не поздно? // Оперативник (сыщик). 2016. № 3 (48). С. 52.

8. Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел: приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495дсп.

9. Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): приказ Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, СКР России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России от 14.05.2013 № 192/420/279/15/229/1071/293. Доступ из СТРАС «Юрист-Регион».

10. Никитенко И. В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): монография / под ред.: Ю. М. Антонян, И. И. Шумиловой. М.: 2013. С. 350.

11. Статистические данные по миграции. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/-statistics/-migracionnaya> (дата обращения: 16.03.2020); URL: <https://fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 16.03.2020).

12. Вопросы учета и анализа преступлений, связанных с изготовлением в целях сбыта и сбы-

4. The RSFSR Criminal Code. Revised in 1926, adopted by the 2nd VTsIK (All-Russian Central Executive Committee) session of calling XII, Made effective from 1 January 1927 by VTsIK decree as of 22 November 1926 (Code of justice and decrees of workers-peasants' government No. 80, article 600). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Decree of RF Supreme Court Plenum No. 2 of 28 April 1994 (edited on 6 February 2007). "Regarding litigation practice in cases on forgery and circulation of false money or securities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Criminal situation in Russia (form 495 (5-BEP)) for January — December 2019, 2018, 2017, 2016, 2015; Criminal situation in Southern Federal District (form 495 (5-BEP)) for January — December 2019, 2018, 2017, 2016, 2015; Criminal situation in Volgograd oblast (form 495 (5-BEP)) for January — December 2019, 2018, 2017, 2016, 2015: Federal Government Institution "Main Information and Analysis Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia". Available from: The System of information analytical ensuring the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (ISOD Ministry of Internal Affairs).

7. Shumilov A. Yu. Development and approval of a criminal intelligence strategy in Russia in the first quarter of XXI century: not late yet? Investigator. 2016; 48 (3): 52.

8. Order No. 495dsp issued by the Ministry of Internal Affairs of Russia. "Regarding approval of Instructions on organization of joint intelligence official activities conducted by the subdivisions of the Russian Federation Internal Affairs Authorities when solving crimes and investigating criminal cases".

9. Order of the RF General Procurator's Office, the Federal Security Service of Russia, Investigative Committee of Russia, Federal Drug Control Service of Russia, Federal Customs Service of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia No. 192/420/279/15/229/1071/293 of 14 May 2013. "Regarding of the approval of a Regulation on establishment of interdepartmental interaction in terms of fighting against crimes committed by organized groups and criminal communities (criminal associations)". Available from: STRAS "Lawyer-Region".

10. Nikitenko I. V. Migration security of Russia (criminologic aspect). Monograph. Ed. by: Yu. M. Antonyan, I. I. Shumilova. Moscow; 2013: 350.

11. Statistical data on migration. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/-migracionnaya>. Accessed: 16 March 2020; Available from: <https://fedstat.ru/indicator/38479>. Accessed: 16 March 2020.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

том поддельных денег: приказ МВД России от 14 апреля 2004 г. № 243. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

© Чичерин Ю. С., Лугинец Е. А., 2020

Чичерин Юрий Семенович,

Профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sakarka.54@mail.ru

Лугинец Евгений Александрович,

преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: evgeni-luginec@yandex.ru

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 243 of 14 April 2004. "Issues on reporting and analysis of currency fabrication and distribution crimes". Available from: legal information portal "Garant".

© Chicherin Yu. S., Luginets E. A., 2020

Chicherin Yuri Semenovich,

professor at the department
of operative and detective activity
and special technical equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sakarka.54@mail.ru

Luginets Eugeny Alexandrovich,

lecturer at the department
of operative and detective activity
and special technical equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: evgeni-luginec@yandex.ru

* * *

А. Ю. Чурикова

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ФРАНЦИИ*

Франция является родоначальницей одной из традиционных систем организации деятельности прокуроров в уголовном процессе. В настоящее время французское законодательство подвергается коренным преобразованиям, осуществляется реформа правосудия. В связи с этим особую актуальность представляет анализ правовой модели деятельности прокурора во Франции. На основании комплексного исследования действующего уголовно-процессуального законодательства Франции, международных стандартов и актуальных публикаций зарубежных ученых была рассмотрена деятельность органов прокуратуры Франции. В качестве основного использовался метод правового моделирования. Выделены следующие основные структурные элементы правовой модели деятельности прокурора: субъект, включая фундаментальные основы построения самого органа прокуратуры; объект; цели; задачи; функции и круг полномочий прокуроров. Их анализ позволил выявить еще один важный элемент — нормативно закрепленные принципы осуществления прокурорами их деятельности. К таким принципам в уголовном процессе Франции относятся: независимость и беспристрастность прокуроров; неделимость обвинения; целесообразность осуществления уголовного преследования. Прокурор, обладая широкими дискреционными полномочиями, часто рассматривается как «квазисудья». При этом имеются недостатки обеспечения его реальной независимости от органов исполнительной власти, что породило обсуждение потребности внесения изменений в Конституцию Французской Республики. На основе проведенного исследования сделан вывод, что принципы, цели и задачи деятельности прокурора являются ключевыми структурными элементами правовой модели и прямо влияют на выполняемые прокурорами функции и полномочия. Рассмотренная модель — воплощение сильной «прокурорской власти» с все возрастающей ролью в сфере уголовного процесса. Вместе с тем в деятельности прокуратуры нет никакого разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором, а законность и обоснованность уголовного преследования обеспечивается путем соблюдения принципа беспристрастности.

Ключевые слова: реформа уголовного процесса, прокуратура Франции, прокурор, уголовный процесс Франции, уголовное судопроизводство зарубежных государств, правовая модель деятельности прокурора.

A. Yu. Churikova

LEGAL MODEL OF PROSECUTOR'S ACTIVITY IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF FRANCE

France is the founder of one of the traditional systems for organizing the activity of prosecutors in criminal procedure. At present French legislation is subject to fundamental transformations; reform of justice is also being carried out. Taking it into account the analysis of legal model of prosecutor's activity in France is of great importance. Based on a comprehensive study of the acting criminal procedural legislation of France, international standards and topical publications of foreign scientists the prosecutor's office activity in France was analyzed. The method of legal modeling was used as the main one. The author of the article identified and considered the following basic structural elements of the legal model of prosecutor's activity: a subject including fundamental foundations of forming the prosecutor's office as a body itself; an object; goals; tasks; functions and range of prosecutors' authorities. Their analysis revealed another important element — the fixed normative principles regulating prosecutors' activity. In the criminal procedure of France such principles include: independence and impartiality of prosecutors; integrity of charging; expediency of criminal prosecution.

The prosecutor to have wide discretion authorities is often considered to be a "quasi-judge" in the criminal procedure of France. At the same time there are some gaps related to ensuring his real independence from the executive authorities. This fact led to necessity to amend the Constitution of the French Republic. Based on the study the author of the article concluded principles, goals and objectives of the prosecutor's activity to be key structural elements of the legal model and to directly affect the functions and powers performed by prosecutors.

This model is an implementation of a strong "prosecutorial authority" along with an ever-increasing role in criminal procedure sphere. Moreover there is no separation and contrast between criminal prosecution and supervision in the prosecutor's office activity, legality and validity of criminal prosecution being ensured by observing the principle of impartiality.

Key words: criminal procedure reform, prosecutor's office of France, a prosecutor, criminal procedure of France, criminal proceedings of foreign states, legal model of prosecutor's activity.

Анализ правового опыта иностранных государств всегда актуален, так как позволяет выбрать верный путь преобразования собственной правовой системы. Потребность совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а иногда и коренное реформирование его, казалось бы, незыблемых основ возникла не только в Российской Федерации, но и во многих зарубежных государствах. Одним из них является Франция, последнее десятилетие для которой ознаменовалось проведением ряда крупномасштабных реформ в сфере уголовного судопроизводства, продолжающихся в настоящее время (например, Программа реформы в области правосудия на 2018—2022 г. [1]). Организация деятельности органов прокуратуры во французском уголовном процессе также подверглась существенным преобразованиям.

В целях выделения основ и поиска закономерностей протекания реформирования уголовного судопроизводства, определения места и роли прокурора в этом процессе представляется необходимым использование метода правового моделирования, что не является новинкой. Еще в 1889 г. генерал-прокурор и Министр юстиции Российской Империи Н. В. Муравьев писал: «Если из многих описательных признаков выбрать наиболее существенные, характеристические и наименее спорные, то сопоставление их образует средний тип учреждения, которым исчерпывается его социально-юридическая природа» [2, с. 1]. Фактически он использовал построение модели правового регулирования деятельности органов прокуратуры для вычленения и рассмотрения отдельных типов организации прокуратур, существовавших в тот период. «Применение метода моделирования предполагает исследование объекта опосредованно через его модель» [3, с. 16], что позволяет выделить основные, «сущностные» характеристики исследуемого явления или объекта, установить процессы, влияющие на их преобразование, определить пути их дальнейшего изменения. «Основой построения любой модели является выделение и анализ структурных элементов исследуемого объекта» [3, с. 17]. При рассмотрении структурных элементов правового регулирования деятельности

органов прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства стоит согласиться с Н. В. Муравьевым в том, что «в составных частях юридического определения, удовлетворяющего своему назначению, должен заключаться краткий ответ на вопросы: из кого состоит учреждение, где оно действует, какие задачи лежат на нем, и в чем, главным образом, проявляется его деятельность» [2, с. 1—2].

Для анализа правовой модели деятельности прокурора в уголовном процессе Франции и с учетом ранее проведенных автором исследований [3; 4] в качестве ее основных структурных элементов выделяются:

- 1) субъект, включая фундаментальные основы построения самого органа прокуратуры, влияющие на деятельность прокуроров в сфере уголовного судопроизводства;
- 2) объект, в качестве которого рассматривается деятельность органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства;
- 3) цель и задачи, на реализацию которых направлена деятельность органов прокуратуры;
- 4) выполняемые прокурорами Французской Республики функции, как прямо сформулированные в законодательстве, так и сложившиеся в правоприменительной практике;
- 5) круг полномочий, закрепленный в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и позволяющий прокурорам выполнять их основные функции, а также реализовывать стоящие перед ними цель и задачи.

Французская модель участия прокурора в уголовном судопроизводстве является одной из традиционных. Так, Н. В. Муравьев выделял французскую прокуратуру как отдельный «тип наиболее сложный и богатый содержанием» [2, с. 22]. Сегодня Комитет министров Совета Европы, подчеркивая значимость французского типа (модели) прокуратуры для всего международного сообщества, выделяет данную модель в Рекомендации Rec (2000)19 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» как одну из двух существующих концепций органов власти, ответственных за уголовное преследование [5, с. 751].

Н. В. Муравьев писал, что «место прокуратуры в общей системе, а следовательно, и в изучении права, определяется ее принадлежностью в обширном смысле к государственным установлениям, а в тесном — к суду и в то же время к органам правительства, как власти исполнительной» [2, с. 11]. Данный подход был распространен в XIX—XX вв. Прокуратура Франции до сих пор сохранила такую двойственность: с одной стороны, французские прокуроры являются магистратами, имеющими прямое отношение к судебной ветви власти и учреждаемые при судах, с другой — во французском законодательстве сохранилось положение Закона «О статусе магистратуры» от 22 декабря 1958 г., согласно которому прокуроры «находятся под властью» Министра юстиции [6]. В связи с этим Ж. Ходжсон и Л. Субиз подчеркивают амбивалентность роли и статуса прокуроров во Французской Республике, ставящую под угрозу их независимость [7]. Двойственное положение в первую очередь выражается в порядке назначения прокуроров на их должности, а также в наличии широких полномочий, позволяющих некоторым авторам называть французских прокуроров «квазисудьями» [8; 9, с. 98—100]. Такое положение прокурора вызывает множество споров и разногласий среди зарубежных ученых и практиков, большинство из которых указывают на его недопустимость [8; 10; 11].

Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) в решении от 23 ноября 2010 г. (Мулен против Франции) [12] и Конституционный совет Франции в решении от 15 декабря 2010 г. пришли к выводу, что французская прокуратура не обладает независимостью или беспристрастностью, необходимыми для того, чтобы считаться судебным органом по смыслу ст. 5 Европейской конвенции по правам человека [13].

Н. Браконне подчеркивает, что статут французских прокуроров содержит две особенности: 1) порядок их назначения позволяет исполнительной власти игнорировать возможное неблагоприятное мнение Высшего судебного совета; 2) прокуроры могут получать инструкции от Министра юстиции [14].

Законом от 25 июля 2013 г. [15] внесены изменения в ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Франции (далее — УПК Франции) [16], исключая возможность, ранее предоставленную Министру юстиции, давать индивидуальные письменные инструкции по осуществлению уголовного преследования в конкретных случаях. Однако Министр юстиции по-прежнему вправе давать прокурорам общие инструкции, известные как «уголов-

ная политика». В связи с этим в феврале 2020 г. Генеральный прокурор Франции Ф. Молинс отметил, что «в течение 20 лет был достигнут консенсус в отношении того, что статус прокурора должен быть укреплен путем пересмотра Конституции <...>, но в течение 20 лет эта реформа все еще не увенчалась успехом, из-за отсутствия, как я думаю, реальной политической воли» [17].

В свою очередь, действующий президент Французской Республики Э. Макрон объявил о реформе, предусматривающей назначение прокуроров в том же порядке, что и судей: без возможности вмешательства органов исполнительной власти [17]. Принципиальная необходимость решения данного вопроса объясняется обширными полномочиями французских прокуроров и стоящими перед ними целями и задачами в сфере уголовного судопроизводства.

Д. Салас и Ф. Милберн отмечают возрастающую роль прокуроров в уголовном процессе Франции [9, с. 95]. Это выражается как в создании все большего числа специализированных прокуратур (например, в соответствии с законом № 2013-1117 от 6 декабря 2013 г. о борьбе с налоговым мошенничеством и серьезными финансовыми преступлениями была создана национальная финансовая прокуратура [18], а затем национальная антитеррористическая прокуратура по закону № 2019-222 от 23 марта 2019 г. о Программе реформы правосудия на 2018—2022 гг. [1]), так и в постановке глобальных целей и задач перед прокурорами.

Согласно УПК Франции у прокурора две основные цели: с одной стороны, это проведение в жизнь уголовной политики (ст. 30), а с другой — публичная миссия (ст. 1, 31). Прокуроры осуществляют уголовное преследование и требуют применения закона, соблюдая принцип беспристрастности, которым они связаны (ст. 31). В уголовно-процессуальной доктрине цель деятельности органов прокуратуры обозначается как обеспечение интересов правосудия, защита интересов общества, государства и личности путем реализации уголовного преследования и проведения в жизнь уголовной политики в сфере уголовного судопроизводства, что отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства Франции [19, с. 632].

Функции органов прокуратуры состоит в руководстве расследованием и расследовании правонарушений, проступков и преступлений и принятии решений о дальнейших действиях в соответствии с положениями ст. 40-1 УПК Франции. В суде прокурор представляет общество. Его главная задача — найти и привлечь к ответственности за правона-

рушения лиц, истинно виновных в их совершении, причем как непосредственно (по ряду дел), так и опосредованно путем руководства расследованием. Прокуроры направляют расследование по уголовному делу, разыскивают виновных и требуют, чтобы они предстали перед судом.

Стоит отметить, что объект, на который направлена деятельность прокуроров Франции в уголовном процессе, также носит двойственный характер, что отражается в делегированных им полномочиях. Вся поступившая информация о преступлениях и проступках первоначально проходит через полицию и прокуроров, под чьим руководством осуществляется полицейское расследование. В дальнейшем прокурор как бесспорный и единственный руководитель уголовного преследования определяет, раскрывать ли собранную «судебную информацию» перед следственным судьей (*du juge d'instruction*), передавая ему фактически дело для осуществления расследования. Самим расследованием, осуществляемым судебными следователями, прокуроры не руководят, но продолжают руководить уголовным преследованием, являясь главными субъектами, оценивающими его целесообразность и судебную перспективу. Таким образом, в качестве объектов деятельности прокуроров Франции можно выделить уголовно-процессуальную деятельность полиции и деятельность по расследованию уголовного дела следственным судьей.

Исходя из обозначенных целей, задач и объектов деятельности, органы прокуратуры Франции выполняют такие функции, как:

- уголовное преследование;
- руководство полицейским расследованием;
- расследование;
- реализация уголовной политики путем применения мер, альтернативных уголовному преследованию.

В контексте осуществления прокурором уголовного преследования он, обладая сам прерогативами сотрудника судебной полиции, также направляет деятельность агентов и сотрудников судебной полиции в пределах своей юрисдикции. Прокурор в обязательном порядке информируется о преступлениях и правонарушениях, руководит проведением расследования, осуществляет надзор за мерами содержания под стражей, продление которых он также санкционирует (ст. 53—74-2 УПК Франции).

Прокурор руководит полицейским предварительным расследованием (ст. 75—78 УПК Франции), действиями судебной полиции; организует все действия, необходимые для обыска, уголовного

преследования, ареста и возможного задержания лиц, совершивших уголовные преступления; санкционирует любое продление срока содержания под стражей в полиции; решает, раскрывать или нет собранную информацию, когда сформировано обвинение, путем обращения к следственному судье (после этого следственный судья будет отвечать за расследование) (ст. 40, 79 и 80 УПК Франции).

Прокуроры лично и через своих заместителей поддерживают обвинение в суде первой инстанции, представляя в первую очередь публичные интересы. В соответствии со ст. L122-4 Кодекса организации судопроизводства [20] действует принцип неделимости обвинения, означающий, что каждый процессуальный акт может быть осуществлен любым из государственных обвинителей. Данный принцип имеет общее применение, поэтому относится к осуществлению прокурорами их деятельности как в судебном, так и в досудебном производстве. Вместе с тем прокуроры во Франции наделены обширными дискреционными полномочиями. Когда прокурор считает, что факты, доведенные до его сведения в соответствии с положениями ст. 40 УПК Франции, представляют собой правонарушение, совершенное лицом, личность и место жительства которого известны и в отношении которого нет препятствий для начала уголовного преследования, он принимает решение, целесообразно ли:

- 1) начать разбирательство;
- 2) применять альтернативную процедуру уголовного преследования в соответствии со ст. 41-1 или 41-2 УПК Франции;
- 3) прекратить процедуру, когда конкретные обстоятельства, связанные с совершением деяния, позволяют это сделать.

Нужно отметить, что во французской судебной системе в силу принципа целесообразности уголовного преследования прокурор является единственным «судьей» при применении мер, которые должны быть приняты в отношении правонарушителя. Именно эта особенность в основном породила бурную дискуссию о квазисудебных задачах и полномочиях французской прокуратуры и внесение предложений по соответствующим изменениям Конституции Французской Республики в целях обеспечения большей независимости органов прокуратуры от исполнительной власти. Более того, в правоприменительной практике часто полномочия прокуроров еще шире, чем это можно увидеть в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, например при получении сведений о геопозиционировании мобильных устройств.

Получение информации о геолокации регулируется ст. 230-32—230-44 УПК Франции. Согласно им такую информацию можно получить только по делам о преступлениях, наказание за совершение которых превышает три года, а также при соблюдении довольно сложного порядка санкционирования (первоначально получение данной информации на срок до 8 дней, а в исключительных случаях и до 15 суток санкционирует прокурор, а затем уже судьи по делам о свободе и содержании под стражей** по требованию прокурора). Однако Ж. Виал, Э. Верже и В. Гаутре считают порядок получения информации о геопозиционировании белым пятном во французском уголовном процессе, так как в сложившейся практике принято делить получение информации о геолокации на «апостериорный» и «в режиме реального времени» [21, с. 183].

Апостериорный режим геолокации состоит в том, что прокуроры и лица, ведущие расследование, руководствуясь ст. 60-1, 60-2 и 77-1-1 УПК Франции, позволяющими им запрашивать у любого лица информацию, имеющую отношение к расследованию, в том числе информацию из компьютерной системы или базы персональных данных, прямо запрашивают у операторов сотовой связи информацию, касающуюся местоположения мобильных телефонов, которую операторы записывают и хранят в своих базах данных, т. е. прокуроры и органы полиции получают информацию из баз данных оператора сотовой связи о бывшем местонахождении мобильного устройства лица на основании простого письменного запроса, что свидетельствует о еще большем объеме полномочий прокурора, чем можно увидеть из анализа УПК Франции. В связи с этим особую значимость приобретают принципы организации деятельности прокуратуры, к которым относятся:

- независимость прокуроров;
- беспристрастность прокуроров;
- неделимость обвинения;
- целесообразность осуществления уголовного преследования.

Можно говорить о том, что принципы организации деятельности органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве являются еще одним элементом правовой модели деятельности прокурора в уголовном процессе, поскольку они тесно взаимосвязаны и влияют на все остальные элементы, вызывая ее преобразование. В частности, необходимость должного обеспечения независимости прокуроров породила потребность в проведении реформы вплоть до внесения изменений в Конституцию Французской Республики.

Беспристрастность, закрепленная в качестве основополагающего начала деятельности прокуроров в ст. 31 УПК Франции, обязывает прокуроров действовать в интересах обеспечения справедливости и законности, а также непредвзятости обвинения. По своей сути данный принцип схож с закреплением в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации требований об осуществлении прокурором надзора за соблюдением законности при одновременном осуществлении уголовного преследования. Этот принцип представляет особый интерес: позволяет понять «природу» деятельности прокурора в уголовном процессе. Прокурор, являясь безусловным руководителем уголовного преследования, должен учитывать все обстоятельства, как изобличающие лицо, так и оправдывающие его, а также добиваться соблюдения закона. Только такое его поведение будет соответствовать принципу беспристрастности, т. е. сущность деятельности прокурора видится в обеспечении законного, обоснованного и справедливого уголовного преследования.

Неделимость обвинения предполагает взаимозаменяемость и сменяемость прокуроров при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, что для прокуроров Франции имеет большое значение, так как они функционируют при судах и относятся к судебной власти.

Принцип целесообразности влияет на реализацию прокурором дискреционных полномочий. Именно этим принципом они обязаны руководствоваться при выборе альтернативных уголовному преследованию и осуждению способов воздействия на лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние.

Таким образом, анализ элементов правовой модели деятельности прокурора Франции (субъекта, объекта, целей и задач, выполняемых функций и полномочий) позволил выявить еще один важный элемент — принципы осуществления прокурорами их деятельности. В результате их анализа мы приходим к выводу о том, что вся деятельность прокурора Французской Республики ориентирована на осуществление беспристрастного уголовного преследования и беспристрастное применение мер, альтернативных уголовному преследованию, при нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего уголовно наказуемое деяние.

Французская модель прокуратуры, «при которой должностные лица фактически обладают монополией на уголовное преследование в рамках инквизиционной системы» [5, с. 751], сохранилась.

Франция пошла по пути совершенствования данной модели посредством законодательного закрепления принципов деятельности органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Рассмотренная модель — воплощение сильной «прокурорской власти» с все возрастающей ролью в сфере уголовного процесса. Это проявляется не только в реализуемых функциях и полномочиях, но и в создании специализированных органов прокуратуры, ответственных за осуществление уголовного преследования в отдельных случаях (национальные финансовая и антитеррористическая прокуратуры). При этом в деятельности прокуратуры нет никакого разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором. Само по себе осуществление прокурором уголовного преследования рассматривается как деятельность в интересах общества и граждан от имени государства и только в контексте принципа

беспристрастности, т. е. само прокурорское уголовное преследование во Франции немислимо без требования неукоснительного соблюдения закона. Такой подход представляется теоретически и практически верным и обоснованным. Кроме того, как видно из проведенного анализа, принципы, цели и задачи деятельности прокурора являются ключевыми структурными элементами правовой модели и прямо влияют на выполняемые прокурорами функции и полномочия. Этот факт имеет значение для определения основных точек воздействия при преобразовании правовой модели.

Проведенное в настоящей статье исследование имеет теоретическое и практическое значение и позволит в дальнейшем использовать проанализированный опыт организации деятельности органов прокуратуры в уголовном процессе Франции для совершенствования российского законодательства.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

** Du juge des libertés et de la détention — судья по делам о свободе и содержании под стражей (для его обозначения часто используется аббревиатура «JLD») во французском уголовном процессе является судьей, специально уполномоченным выносить постановление о временном задержании подсудимого и его возможном освобождении. Он также уполномочен давать санкцию прокурорам на производство определенных действий в рамках расследования.

1. LOI No. 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice (Dernière modification: 10 septembre 2019). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichLoiPubliee.do?idDocument=JORFDOLE000036830320&type=general&legislature=15> (дата обращения: 24.03.2020).

2. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: прокуратура на западе и в России. Пособие для прокурорской службы. М.: Унив. тип., 1889. Т. 1. 568 с.

3. Чурикова А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в досудебном производстве (российский опыт и международная практика): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 212 с.

4. Чурикова А. Ю. Некоторые аспекты деятельности прокурора в уголовном процессе Франции // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 9—1. С. 311—319.

5. О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия: рекомендация № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы (вместе с Пояснительной запиской, Комментариями...) (принята 6 октября 2000 г. на 724-ом заседании предста-

1. Law No. 2019-222 of 23 March 2019 of 2018—2022 programming and reform for justice (Last modification: 10 September 2019). Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichLoiPubliee.do?idDocument=JORFDOLE000036830320&type=general&legislature=15>. Accessed: 24 March 2020.

2. Muravyov N. V. Prosecutor's Supervision in its Structure and Activity: Prosecutor's Office in the West and in Russia. Manual for the Prosecutor's Service. Moscow: University Printing House, 1889; 1: 568.

3. Churikova A. Yu. Legal Model of the Prosecutor's Activity in Pre-Trial Proceedings (Russian Experience and International Practice). Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2010: 212.

4. Churikova A. Yu. Some Aspects of Prosecutor's Activity in the Criminal Procedure of France. Questions of Russian and International Law. 2019; 9; 9—1: 311—319.

5. Recommendation № R (2000) 19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe "On Role of the Prosecutor's Office in the Criminal Justice System" (Taken Together with the "Explana-

вителей министров) // Совет Европы и Россия: сб. документов. М.: Юридическая литература, 2004. С. 746—779.

6. Ordonnance n° 58-1270 du 22 décembre 1958 (Dernière modification: 1 janvier 2020). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000339259> (дата обращения: 01.04.2020).

7. Hodgson J., Soubise L. Prosecution in France. URL: https://www.researchgate.net/publication/317037650_Prosecution_in_France (дата обращения: 30.03.2020).

8. Luna E., Wade M. Prosecutors as Judges. 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/254729988_Prosecutors_as_Judges (дата обращения: 24.03.2020).

9. Salas D., Milburn P. Les procureurs de la république. De la compétence personnelle a l'identité collective // Dans Archives de politique criminelle 2007/1. № 29. P. 95—115.

10. Marianne L. Wade A European public prosecutor: potential and pitfalls // A European public prosecutor: potential and pitfalls. 2013. P. 439—486.

11. Oudoul A. L'impartialité des magistrats dans la procédure pénale françaises à l'aune du droit de la convention. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01686290/document> (дата обращения: 10.04.2020)

12. Дело «Мулен против Франции» [Moulin v. France] (жалоба № 37104/06) (V Секция): постановление Европейского Суда по правам человека от 23 ноября 2010 г. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 26.03.2020).

14. Braconnay N. Quels magistrats pour diriger les enquêtes ? La question du juge d'instruction et du statut des procureurs // Vie publique. 2019. URL: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/38545-la-question-du-juge-dinstruction-et-du-statut-des-procureurs> (дата обращения: 30.03.2020).

15. LOI No. 2013-669 du 25 juillet 2013 relative aux attributions du garde des sceaux et des magis-

tory Note", "Comments ...") (Adopted on 6 October 2000 at the 724th Meeting of Representatives of Ministers). Council of Europe and Russia. Collection of Documents. Moscow: Legal Literature; 2004: 746—779.

6. Ordinance No. 58-1270 of 22 December 1958 (Last modification: 1 January 2020). Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000339259>. Accessed: 1 April 2020.

7. Hodgson J., Soubise L. Prosecution in France. Available from: https://www.researchgate.net/publication/317037650_Prosecution_in_France. Accessed: 30 March 2020.

8. Luna E., Wade M. Prosecutors as Judges. 2010. Available from: https://www.researchgate.net/publication/254729988_Prosecutors_as_Judges. Accessed: 24 March 2020.

9. Salas D., Milburn P. Prosecutors of the Republic. From Personal Competence to Collective Identity. In Criminal Policy Archives. 2007/1; 29: 95—115.

10. Marianne L. Wade A European Public Prosecutor: Potential and Pitfalls. A European Public Prosecutor: Potential and Pitfalls; 2013: 439—486.

11. Oudoul A. The impartiality of the Magistrates in the French Criminal Procedure in the light of the Law of the Convention. Available from: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01686290/document>. Accessed: 10 April 2020.

12. Decree of the European Court of Human Rights dated 23 November 2010. Case on "Moulin v. France" [Moulin v. France] (application No. 37104/06) (V Section) (Extract). Accessed from legal information portal "Garant".

13. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Signed in Rome on 4 November 1950) (as Amended on 13/05/2004) (Taken Together with Protocol № 1 (Signed in Paris on 20 March 1952), Protocol № 4 on Ensuring Certain Rights and Freedoms Besides Those to Have Been Already Included in the Convention and the first Protocol to Convention (Signed in Strasbourg on 16 September 1963), Protocol № 7 (Signed in Strasbourg on 22 November 1984)). Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. Accessed: 26 March 2020.

14. Braconnay N. Which Magistrates to Lead the Investigations? The Question of the Investigating Judge and the Status of Prosecutors. Public life. 2019. Available from: <https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/38545-la-question-du-juge-dinstruction-et-du-statut-des-procureurs>. Accessed: 30 March 2020.

trats du ministère public en matière de politique pénale et de mise en œuvre de l'action publique. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=1E91738AF9F452C293759D9AE0ACB61B.tplgfr21s_1?cidTexte=JORFTEXT000027751362&idArticle=LEGIARTI000027753187&dateTexte=20130727 (дата обращения: 23.03.2020).

16. Code de procédure pénale (Dernière modification: 29 mars 2020). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154> (дата обращения: 16.04.2020).

17. La réforme du statut des magistrats du parquet, "indispensable" pour François Molins // Indépendance. Par L'EXPRESS.fr avec AFP, publié le 05.02.2020. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/justice/la-reforme-du-statut-des-magistrats-du-parquet-indispensable-pour-francois-molins_2117425.html (дата обращения: 14.04.2020).

18. LOI No. 2013-1117 du 6 décembre 2013 relative à la lutte contre la fraude fiscale et la grande délinquance économique et financière (Dernière modification: 1 janvier 2019). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028278976> (дата обращения: 16.04.2020).

19. Pradel J. Procédure pénale, Edition Cujas. 2015. 984 p.

20. Code de l'organisation judiciaire (Version consolidée au 1 avril 2020). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071164> (дата обращения: 07.04.2020).

21. Vial G., Vergès É., Gautrais V. Preuves scientifiques et technologiques // Le procès pénal à l'épreuve de la génétique. 2019. № 9. P. 179—197.

© Чурикова А. Ю., 2020

15. Law No. 2013-669 of 25 July 2013 Relating to the Powers of the Keeper of the Seals and Magistrates of the Public Prosecutor's Office in matters of Criminal Policy and Implementation of Public Action. Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexteArticle.do;jsessionid=1E91738AF9F452C293759D9AE0ACB61B.tplgfr21s_1?cidTexte=JORFTEXT000027751362&idArticle=LEGIARTI000027753187&dateTexte=20130727. Accessed: 23 March 2020.

16. Code of Criminal Procedure (Last Modification: 29 March 2020). Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154>. Accessed: 16 April 2020.

17. The Reform of the Statute of Public Prosecutors, "Indispensable" for François Molins. Independence. By L'EXPRESS.fr with AFP, published on 5 February 2020. Available from: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/justice/la-reforme-du-statut-des-magistrats-du-parquet-indispensable-pour-francois-olins_2117425.html. Accessed: 14 April 2020.

18. Law No. 2013-1117 of 6 December 2013 Relating to the Fight Against Tax Fraud and Great Economic and Financial Delinquency (Last modification: 1 January 2019). Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028278976>. Accessed: 16 April 2020.

19. Pradel J. Criminal Procedure, Cujas Edition. 2015: 984.

20. Code of the Judicial Organization (Consolidated Version as of April 1, 2020). Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071164>. Accessed: 7 April 2020.

21. Vial G., Vergès É., Gautrais V. Scientific and Technological Evidence. The Criminal Trial of Genetics. 2019; 9: 179—197.

© Churikova A. Yu., 2020

Чурикова Анна Юрьевна,

доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления имени П. А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Churikova Anna Yurevna,

associate professor at the department of administrative and criminal law of the Povolzhsky institute of management named after P. A. Stolypin — Branch of the Russian Presidential academy of national economy and public administration, candidate of juridical sciences, docent; e-mail: a_tschurikova@bk.ru

* * *

УДК 340.15
ББК 67.3

DOI 10.25724/VAMVD.OPQR

А. В. Жуланов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье исследуются истоки возникновения политического терроризма во второй половине XIX в. как вызова реформаторским процессам, предпринятым Александром II. В рамках работы устанавливаются ключевые причины возникновения политического терроризма. Делается вывод, что данная форма борьбы была взята на вооружение, так как остальные меры были признаны неэффективными, в том числе и такое молодежное движение, как «хождение в народ». Исследуются исторические аспекты возникновения политического терроризма, который подвергался достаточно жесткой критике и осуждению видными политическими деятелями того времени. В статье также анализируются формы проявления терроризма и реакция власти на данное политическое явление. Отдельное внимание уделено мерам борьбы с проявлениями политического терроризма. В итоге автор приходит к выводу об отсутствии поддержки политического терроризма у населения и неэффективности данной формы борьбы.

Ключевые слова: политический терроризм, меры борьбы с терроризмом, государственная безопасность, «хождение в народ», «народники».

A. V. Zhulanov

STATE ACTIVITY IN THE FIGHT AGAINST POLITICAL TERRORISM IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article examines the origins of political terrorism in the second half of the XIX century, as a challenge to the reform processes undertaken by Alexander II. The work identifies the key causes of political terrorism. It is concluded that this form of struggle was adopted, since other measures were considered ineffective, including such a youth movement as "going to the people". The author studies the historical aspects of the emergence of political terrorism, and concludes that this form of political struggle was quite harshly criticized and condemned by prominent political figures of that time. The article also analyzes the forms of terrorism and the reaction of the authorities to this political phenomenon. Special attention is paid to measures to combat manifestations of political terrorism. The main conclusion of the article is the lack of support for political terrorism among the population and the ineffectiveness of this form of struggle.

Key words: political terrorism, measures to combat terrorism, state security, "going to the people", "narodniki".

Исследование вопросов исторического развития терроризма чрезвычайно актуально на современном этапе формирования политической и экономической системы как отдельного государства, так и всего мирового сообщества. Это связано с тем, что, несмотря на усиление борьбы с терроризмом, в XXI в. данное явление процветает и представляет собой реальную угрозу государственности для каждой страны.

Терроризм — это особая идеология, целью которой выступает достижение определенных политических и экономических результатов; данная идеология основана на применении насилия, что вызывает страх у населения и, как следствие, влия-

ет на политический и экономический курс государства [1, с. 64].

Во второй половине XIX в. развитие получил так называемый политический терроризм. После декабрьского восстания 1825 г. в Российской империи наблюдалось некоторое затишье, не сформировалась новая политическая элита, способная свободно выражать недовольство правящим режимом. Однако реформы, проводимые Александром II, вызвали очередную волну возмущения как среди дворян, так и среди народа. По оценкам отдельных историков, одна из главных причин, породивших политический терроризм во второй половине XIX в., — это отсутствие диалога между

реформаторами и обществом в целом. Несмотря на тот факт, что реформы фактически ослабили абсолютную власть Александра II, сам процесс подготовки реформ и механизм проведения исключили взаимодействие власти и общества. Результатом стал очередной виток развития политического терроризма.

Одна из причин выбора террора как инструмента борьбы с правящим режимом заключается также в том, что другие методы борьбы были оценены как неэффективные. В частности, в 1860-х гг. стало развиваться молодежное движение, получившее название «хождение в народ», смысл которого состоял в том, что революционеры-народники и студенческая молодежь пытались сблизиться с народом с целью привлечения его к революционному движению. Характеризуя абсолютные показатели данного явления, можно отметить, что в «хождении в народ» было задействовано около 2 500 человек, при этом было охвачено около 50 губерний. Однако эта инициатива не получила поддержки со стороны народных масс. Как результат — молодежное революционное движение никак не повлияло на сознание народа, однако привело к некой самоорганизации внутри самой оппозиции. Сейчас словосочетание «хождение в народ» употребляется с определенной долей иронии.

Основной формой проявления политического терроризма того времени стала организация покушений на жизнь отдельных личностей. Другими словами, терроризм XIX в. представлял собой организацию политических убийств. Тем не менее, зачастую приемы и методы, которые использовали террористы, не ограничивались одной личностью: одновременно погибали и приближенные к жертве. Необходимо отметить следующее: террористы оправдывали свои действия высокими идеями свободы, но в то же время результаты деятельности терроризма приводили к ужесточению законодательства и репрессиям оппозиционно настроенной молодежи и интеллигенции и, как следствие, к укреплению существующего монархического режима. Помимо этого историками отмечается некоторая стихийность выбора жертв. Покушения устраивались как на самого Александра II, так и на основных представителей власти того исторического периода. За все время правления на Александра II было совершено восемь покушений, последнее из которых привело к его гибели 1 (13) марта 1881 г. Особой «кровавостью» отличилось седьмое покушение (взрыв бомбы в Зимнем дворце студентом Степаном Халтуриным), в результате которого погибло по меньшей мере одина-

дцать солдат, ранения (по различным данным) получили от тридцати до восьмидесяти человек. Объектами террористов, помимо членов семьи царя, также выступали губернаторы, деятели военной прокуратуры, начальники жандармерии и некоторые другие лица. Таким образом, политический террор второй половины XIX в. носил личностный характер [2, с. 29].

По оценкам историков, отличительной чертой ответной реакции на терроризм со стороны оппозиции также стал терроризм, только государственный. Аппарат власти мог действовать не только в рамках существующего законодательства, но и менял правовые нормы исходя из усиления угрозы терроризма в сторону их ужесточения. Не следует считать, что идеи терроризма поддерживала вся без исключения оппозиция: для многих ученых и писателей была очевидна извращенность идей нигилизма.

Начало политического терроризма во второй половине XIX в. связывают с прокламацией «Молодая Россия» Петра Заичневского, которую революционер составил, сидя в камере Тверской политической части весной 1962 г. В данном документе терроризм рассматривался как средство достижения определенных политических и социальных преобразований. Необходимо отметить такой важный факт: многие видные политические деятели осудили терроризм как средство борьбы, среди них Н. Я. Николадзе, А. И. Герцен, М. К. Элпирин и некоторые другие. Так, А. И. Герцен писал: «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». По мнению Н. Я. Николадзе, «выходки вроде выстрела 4 апреля решительно не входят в программу современного молодого поколения» (имеется в виду акт террора Д. Каракозова). Однако революционная молодежь того времени одобрила идеи терроризма, которые становятся популярной мерой борьбы с произволом власти.

В рамках проводимого исследования остановимся на отдельных террористических актах и реакции на них представителей власти.

Первый акт террора совершил Дмитрий Каракозов 4 апреля 1866 г. Как известно, покушение на Александра II не удалось: террорист промахнулся. Реакция власти на террористический акт была незамедлительной. Д. Каракозов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Предполагается, что арестант был подвержен пыткам. Помимо этого полицейские установили связь Каракозова с членами так называемого ишутинского кружка, сам Николай Ишутин и некоторые его соратники были арестованы.

Верховный уголовный суд вынес смертные приговоры как Д. Караказову, так и Н. Ишутину, однако впоследствии наказание Н. Ишутину сменили на 25 лет каторги.

В рассматриваемый исторический период в качестве реакции на произвол власти начинают возникать революционные кружки, и одним из первых таких образований стало основанное С. Г. Нечаевым в 1869 г. общество «Народная расправа». Написанный С. Г. Нечаевым «Катехизис революционера» призывал к уничтожению как представителей власти (правлящего строя), так и приближенных к ним, так называемых людей, «вредных для дела революции». Еще в одном произведении революционер призывает к составлению списка имен, которые подлежат внесудебной расправе. Историки однозначны в оценке этих произведений: несмотря на недостатки правящего режима, в них прослеживается явно выраженная патология как с точки зрения современной морали, так и с позиций морали того времени.

Интересен также следующий момент: единственной жертвой общества становится И. И. Иванов, один из его членов, который отказался подчиниться С. Г. Нечаеву и в итоге был им убит. Примечателен тот факт, что сам С. Г. Нечаев успел эмигрировать, в то время как многие члены общества были арестованы и в качестве наказания были приговорены к каторжным работам на разные сроки. Отдельные обвиняемые получили более мягкие наказания, а некоторые были оправданы [3, с. 16]. Данное обстоятельство послужило определенным тормозом для дальнейшего развития терроризма.

В 1878 г. начался новый этап развития революционного движения, связанного с террористической деятельностью. В 1878 г. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Причина поступка заключалась в поведении Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был подвергнут порке заключенный А. П. Емельянов (псевдоним А. П. Боголюбов, член организации «Земля и воля»), чья вина состояла в нежелании снять головной убор перед градоначальником. Странность ситуации состояла в том, что суд присяжных неожиданно (как для В. Засулич, так и для правительства) вынес оправдательный приговор. Результатом такого решения стало резкое ужесточение репрессивных мер царского правительства. В частности, отныне суды присяжных не имели права рассматривать дела, связанные с терроризмом: дела подобного рода передавались в военный суд. Другой реакцией на вынесение приго-

вора стало быстрое распространение идей терроризма среди революционно настроенной молодежи [2, с. 30].

Перечень следующих политических террористических актов выглядит следующим образом:

— 23 февраля 1878 г. — покушение на покурора Киева М. М. Котляревского (по счастливой случайности никто не пострадал, хотя террористы стреляли в упор);

— 24 мая 1878 г. было совершено покушение на главу жандармерии Одессы барона Г. Э. Гейкина членом общества «Земля и воля» Г. А. Попко. Г. Э. Гейкин скончался от ножевого ранения 29 мая 1878 г.;

— 4 августа 1878 г. — убийство агента сысской полиции А. Г. Никонова;

— 4 августа 1878 г. — С. М. Кравчинский (член общества «Земля и воля») зарезал кинжалом шефа жандармов Н. В. Мезенцова;

— в феврале 1879 г. был убит харьковский губернатор генерал-майор князь Д. Н. Кропоткин.

Следует отметить, что во всех ситуациях реакция общества была неоднозначной. Так, историками [2; 3] отмечается следующий факт: глава жандармерии барон Г. Э. Гейкинг был лояльно настроен к революционной молодежи, отличался мягкостью характера и представлял собой образец порядочности. Отличие его от остальных жандармов также состояло в том, что он, уверенный в своей защищенности, был удобной мишенью. Убегая от преследователей, Г. А. Попко при этом абсолютно хладнокровно стрелял в подростка, который кинулся за ним в погоню, попутно убив крестьянина и городского. Естественно, что со стороны общества реакция на данный террористический акт была резко отрицательной.

Одновременно с развитием террористических идей подверглись определенным преобразованиям и существовавшие в то время революционные организации. Так, в 1879 г. перестала существовать организация «Земля и воля», в результате была создана партия «Народная воля», членами которой стали революционеры — приверженцы идей терроризма. По оценкам современных историков, численность партии насчитывала около 500 чел., однако сами террористические акты готовились и осуществлялись крайне узкой группой людей. Так, в подготовке всех покушений на Александра II участие принимали всего 12 членов организации. Террористы ставили своей целью дезорганизацию правительства и побуждение к революционным действиям народных масс.

Непринятие рядом членов организации идей терроризма привело к тому, что часть организации откололась, в результате чего было создано общество «Черный передел». Следовательно, нельзя сказать, что идеи терроризма носили повсеместный характер среди прогрессивной молодежи.

Оценивая работу органов государственной безопасности по выявлению и пресечению действий членов «Народной воли», можно прийти к выводу, что они в значительной степени оказались не готовы бороться с проявлениями терроризма. Как следствие, стало возможным проведение народовольцами террористических актов. Все это требовало освоения передовых методов политического сыска, более тесного взаимодействия правоохранительных органов, правового обеспечения антитеррористических мер. После убийства Мезенцева в августе 1878 г. был издан Указ императора «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени». Рассмотрение данных дел производилось в суммарном порядке, наиболее опасным террористам выносились смертные приговоры, приводившиеся в исполнение публично в течение 24 часов после утверждения губернаторами.

Отдельные историки отмечают [4, с. 641], что террористы и правительство были похожи на два локомотива, несущихся друг на друга. Этот факт свидетельствует о том, что реакция властей на проявление революционных движений была также жесткой. Зачастую под подозрение попадали случайные люди, оказавшиеся не в то время не в том месте. Наказания за участие в подготовке террористических актов и за участие в революционных организациях были суровыми: для непосредственных организаторов и исполнителей это смертная казнь через повешение, для остальных членов революционных обществ — длительные сроки заключения, каторжные работы и ссылки; оправдательные приговоры выносились крайне редко. Отмечались случаи вынесения жестких приговоров за простое распространение листовок.

В ответ на усиление террора были созданы специальные охранные отделения, в обязанности которых входило выявление революционных групп. Деятельность данных отделений принесла определенные плоды и позволила в 1880-х гг. «сбить» пик терроризма. Так, одна из наиболее успешных операций была проведена Петербургским охранным отделением во главе с полковником Г. П. Судейкиным (убит в 1883 г.). В результате

проведенной операции удалось завербовать одного из членов революционного движения С. Дегаева, который впоследствии «сдал» многих своих сподвижников. Всего за 1882—1883 гг. было выявлено 78 организаций (групп), которые планировали террористические акты.

Предпринимаемых мер, тем не менее, оказалось недостаточно, действия жандармерии не принесли результатов, покушения продолжались. Осенью 1879 г. были предприняты подряд три попытки крушения царского поезда. Затем последовал взрыв в Зимнем дворце, и наконец, 1 марта 1881 г., последняя попытка народовольцев увенчалась успехом, Александр II был убит.

Таким образом, терроризм как форма борьбы второй половины XIX в. представлял собой организованные покушения на жизнь царя и членов его семьи, а также ключевых представителей органов власти того времени, т. е. носил личный, индивидуальный характер. Причина развития данной формы борьбы с властью — это нежелание Александра II и представителей властных структур идти на диалог с обществом. Значительный всплеск терроризма наблюдался в период реакции власти на революционное движение. Именно такое положение вещей и привело к переходу многих ненасильственных организаций (например, «Земля и воля») к террористическим организациям («Народная воля»). Следует отметить, что подобная форма борьбы не пользовалась поддержкой у народа, зачастую это было связано с тем фактом, что, несмотря на личностный характер покушений, от рук террористов нередко погибали и обычные граждане. После убийства царя долгое время бытовало мнение, что террористы-дворяне убили Александра II, так как хотели восстановления крепостного права.

Другими последствиями террористических актов становится принятие мер по усилению власти. Существующая власть отвечала жестко и зачастую жестоко, расправляясь как с самими террористами, так и с поддерживающими (приближенными) их гражданами. В результате репрессии стали составной частью того времени.

Последний террористический акт, приведший к убийству царя, стал, по сути, актом прекращения деятельности революционного общества «Народная воля». Это связано с тем, что фактически революционеры были оторваны от народа и, ставя во главу угла террор, оказались не в состоянии предложить по-настоящему прогрессивные идеи дальнейшего развития российского общества и государственности.

Ключевой вывод по результатам исследования политического терроризма XIX в. — это беспочвенность попыток революционного движения того времени ослабить монархическую власть. Цели, которые ставила перед собой радикально настроенная молодежь, достигнуты не были. Самым

главным провалом можно считать тот момент, что народ отказывался поддерживать действия террористов. Помимо этого, не произошло так называемого «пробуждения народа», к чему стремились существовавшие в то время революционные общества.

1. Бидова Б. Б. Анализ вопросов терроризма в контексте исторической реальности // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 2 (33). С. 64—65.

2. Пономарев Е. Г. Политический терроризм в России во второй половине 19 века // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 27—31.

3. Майшев С. Е. Возникновение политического терроризма в Российской Империи во второй половине XIX века // КАНТ. 2016. № 1 (18). С. 14—19.

4. Прошляков А. Д. Уголовное дело об убийстве Александра II: быстрое расследование и скорый суд // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной Международ. науч. конф., посвящ. 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2018. С. 640—642.

© Жуланов А. В., 2020

Жуланов Александр Владимирович,

доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

1. Bidova B. B. Analysis of the issues of terrorism in the context of historical reality. Modern fundamental and applied research. 2019; 33 (2): 64—65.

2. Ponomarev E. G. Political terrorism in Russia in the second half of the 19th century. Society and Law. 2012; 42 (5): 27—31.

3. Maishev S. E. The emergence of political terrorism in the Russian Empire in the second half of the XIX century. KANT. 2016; 18 (1): 14—19.

4. Proshlyakov A. D. The criminal case of the murder of Alexander II: a quick investigation and a speedy court. In: Russian police: three centuries of service to the Fatherland: materials of the anniversary international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. Ed. by N. S. Nizhnik. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 640—642.

© Zhulanov A. V., 2020

Zhulanov Alexander Vladimirovich,

associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

А. Н. Самарский**ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 60—70-х гг. XIX в.
НА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В статье анализируется содержание либеральных реформ 60—70-х гг., проводимых Александром II. Особое внимание уделяется таким реформам, как отмена крепостного права, городская и земская реформа, финансовая реформа, реформа образования и другие. Дается критическая характеристика реформам, выделяются недостатки их проведения, которые повлекли за собой бунты крестьян и возникновение такого явления, как политический терроризм. Делается вывод о существенной перестройке государственного строя, ослаблении централизованной власти и передачи части властных полномочий на местный уровень. Оценивается влияние реформ на государственно-правовую политику Российской империи, выделяются положительные последствия их реализации. Реформы дали толчок к развитию капитализма, свободного труда. Лишение помещиков монополии на крестьянский труд, активизация рынка труда способствовали преодолению экономического кризиса. Развитие просвещения, медицины, промышленности, внедрение самоуправления проходило благодаря земской реформе. Тем не менее именно реформы привели к активизации революционного движения, что впоследствии вылилось в акты политического терроризма.

Ключевые слова: отмена крепостного права, финансовая реформа XIX в., городская реформа XIX в., государственно-правовая политика российской империи, военная реформа XIX в.

A. N. Samarsky**INFLUENCE OF LIBERAL REFORMS OF THE 60—70th OF THE XIX CENTURY
ON THE STATE AND LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The article analyzes the content of the liberal reforms of the 60—70th, carried out by Alexander II. Special attention is paid to such reforms as the abolition of serfdom, land and city reform, financial reform, education reform, and others. The article gives a critical description of the reforms, highlights the shortcomings of their implementation, which led to peasant riots and the emergence of such a phenomenon as political terrorism. The conclusion is made about a significant restructuring of the state system, weakening of centralized power and transfer of some of the power to the local level. The impact of the reforms on the state and legal policy of the Russian Empire is assessed, and the positive consequences of the implementation of the reforms are highlighted. The reforms gave an impetus to the development of capitalism and free labor. The deprivation of the landlords' monopoly on peasant labor and the activation of the labor market helped to overcome the economic crisis. Development of education, medicine, industry, introduction of self-government took place due to the land and city reform. Nevertheless, it was the reforms that led to the intensification of the revolutionary movement, which subsequently resulted in acts of political terrorism.

Key words: abolition of serfdom, financial reform of the XIX century, urban reform of the XIX century, state and legal policy of the Russian Empire, military reform of the XIX century.

История Российского государства пронизана как драматическими событиями, так и событиями, связанными с реформированием государственности. Это объективная реальность, присущая всем странам мира. Смена политической власти, изменение мирохозяйственных связей, взаимные претензии государей кардинально меняли карту мирового устройства. Особое значение во все времена имели внутренние реформы, меняющие

систему государственного устройства, что либо выступало двигателем прогресса, либо приводило к росту внутренних противоречий и социальной напряженности. Особое место в истории Российского государства принадлежит либеральным реформам Александра II, которые охватили период 1860—1870 гг. [6, с. 42—43].

Н. С. Столяров выделил следующие основные реформы, которые сыграли решающее значение

для дальнейшего развития государственности в Российской империи [1, с. 434]:

- ликвидация военных поселений (1857 г.);
- отмена крепостного права (1861 г.);
- финансовая реформа (1863 г.);
- реформа высшего, среднего и начального образования (1863 г.);
- земская реформа (1864 г.);
- судебная реформа (1865 г.);
- реформа городского самоуправления (1870 г.);
- реформа среднего образования (1871 г.);
- военная реформа (1874 г.).

Как видно, перечень реформ весьма внушительен и свидетельствует о существенной перестройке в государственно-правовой политике Российской империи.

Необходимость отмены крепостного права назрела давно, по оценкам историков, 22 млн граждан находились в зависимости от помещиков — владельцев земли. В то же время согласно десятой переписи населения 1958 г. общая численность населения Российской империи составляла 74 млн чел., т. е. около 30 % граждан — это крепостные крестьяне. Прогрессивными политическими деятелями крепостное право оценивалось как социальный произвол государственной власти. Неслучайно еще в 1825 г. произошло такое трагическое событие, как восстание декабристов. Дворянская элита, сознавая урон, который наносит крепостное право государственности Российской империи, решила на государственный переворот. Эти и другие причины побудили Александра II отменить крепостное право в 1861 г. Пожалуй, это самая главная реформа, которая кардинальным образом изменила государственно-правовую политику [2, с. 545].

Перечислим последствия отмены крепостного права для крестьян и помещиков:

— во-первых, крестьяне получали свободу заключения многих гражданских актов — т. е. отныне крестьяне могли свободно вступать в брак, принимать участие в судебных делах, самостоятельно приобретать имущество путем заключения гражданских договоров. Таким образом, крепостным крестьянам предоставлялась юридическая свобода;

— во-вторых, наделение крестьян землей было крайне несправедливым. Крестьяне должны были выкупить земли у помещиков на очень невыгодных условиях. Цена на землю была существенно завышена, помимо этого крестьянам выделялись худшие наделы, тогда как наиболее производительные наделы оставались в собственности помещика. Фактически крестьяне попадали в очередную зависимость, только немного иного рода;

— в-третьих — и это связано с предыдущим пунктом, — были созданы невыгодные условия для перехода крестьян в собственники. Согласно уставным грамотам была организована так называемая выкупная операция. Правительство давало крестьянам ссуду на 49 лет и под процентную ставку 6 %. Денежные средства шли на погашение долга перед помещиком, т. е. фактически правительство расплачивалось с помещиками за крестьян, а те попадали в долговую зависимость перед государством. Перед крестьянами стоял выбор: либо выкупать землю по отдельности, либо всей общиной. Здесь следует также отметить такой момент, что не все крестьяне соглашались выкупать землю, некоторая часть осталась безземельной, однако их было крайне мало.

Таким образом, несмотря на прогрессивность реформы, ее результаты имели плачевные последствия по меньшей мере следующие два года после объявления воли крепостным крестьянам. Это связано с тем фактом, что основные условия освобождения крестьянина диктовались помещиками, выкуп земли представлялся на крайне невыгодных условиях, а основные повинности, такие как «барщина» и «оброк», не были ликвидированы. Так, при отмене крепостного права Александр II учел прежде всего интересы помещиков, и как результат — 1861—1862 гг. стали годами бунтов и восстаний крестьян по всей стране, большая часть которых была подавлена армией.

Тем не менее в долгосрочной перспективе отмена крепостного права имела положительные последствия, так как создавала предпосылки для участия народа во властных структурах.

Отдельно следует остановиться на финансовой реформе, начало которой было положено 22 мая 1862 г. В частности, в данный исторический момент были введены «Правила о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений». Основная цель финансовой реформы — это усиление государственного контроля за финансовыми ресурсами Российской империи, а также становление нового типа экономической системы — капитализма.

Содержание и сущность финансовой реформы Александра II может быть проиллюстрирована в виде схемы (рис. 1) [3, с. 131].

Важной составляющей реформы было введение принципа гласности и начала публикации государственного бюджета. С целью реализации реформы были созданы новые государственные органы: Государственный банк Российской империи и Главное выкупное учреждение при министерстве финансов (для проведения выкупной

операции). Впоследствии в структуре Министерства финансов появились такие структурные подразделения, как казначейства, а на уровне органов местного самоуправления были созданы контрольные палаты.

В основном историки единодушно положительно оценивают финансовую реформу и ее влияние на государственно-правовую и экономическую политику. Важным представляется тот факт, что не-

посредственное участие в проведении реформы принимали прогрессивные политические деятели, радеющие о благополучии государства: В. А. Татаринов (государственный контролер, подготовивший проект финансовых преобразований) и К. К. Грот (неподкупный чиновник заведующий акцизным хозяйством, приносившим значительные доходы в государственную казну) [4, с. 22].

Рис. 1. Содержание финансовой реформы Александра II

Основные организационные и экономические результаты финансовой реформы можно сформулировать следующим образом:

— качественно новый подход к организации формирования и расходов средств государственного бюджета, повышение его прозрачности, и как

следствие — рост эффективности использования государственных финансовых ресурсов;

— рост ответственности чиновников за расход финансовых средств с последующим сокращением ненужных расходов;

— значительное изменение системы налогообложения, отмена отдельных видов акцизов (винный акциз), изменение органа, регулирующего получение акцизных марок, четкое разграничение налогов на прямые и косвенные.

Именно с положительным эффектом от реализации финансовой реформы историки [2; 3; 4; 5] связывают преодоление политического и экономического кризиса, смягчение негативных последствий отмены крепостного права и наличие финансовых ресурсов для дальнейшего преобразования государственного устройства Российской империи.

Следующая реформа, проводимая Александром II, — это реформа образования. Так же как и остальные реформы, она проходила в несколько этапов. Можно отметить следующие исторические периоды, которые стали отправными точками для реформирования образования в Российской империи:

— 18 июня 1863 г. — принятие «Университетского устава»;

— 14 июля 1864 г. — принятие «Положения о народных училищах»;

— 18 ноября 1864 г. — принятие «Устава гимназий и прогимназий».

Кратко остановимся на сложившейся системе начального образования. До реформ Александра II у церкви и государства была монополия на образовательную деятельность. После принятия соответствующих законодательных актов полномочия открывать школы получили как частные лица, так и общественные учреждения. Срок обучения в начальной школе составлял три года. В послереформенный период различали церковноприходские, воскресные, частные, земские и государственные школы. Как результат совокупности реформационных действий, система начального образования приобрела следующий вид (рис. 2).

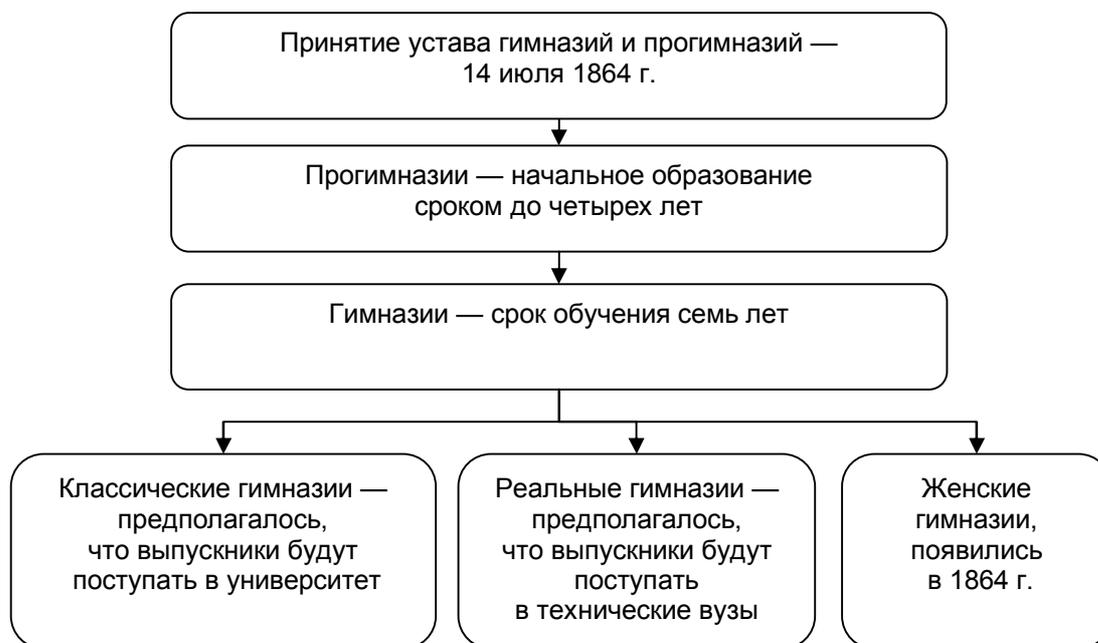

Рис. 2. Система начального образования, сложившаяся после реформ Александра II

Отличительной чертой классических гимназий было то, что основой обучения были гуманитарные науки; в реальных гимназиях, напротив, акцент делался на естественные науки. Еще одна особенность реформы — это возможность обучаться в гимназиях всем слоям населения. Однако по факту стоимость обучения была весьма велика и доступна только зажиточным гражданам или дворянам.

Характеризуя основные изменения, которые произошли в результате реформирования высше-

го образования, можно отметить следующие ключевые моменты. Университеты получили автономии, на базе университетов создавался «совет профессоров», на котором избирались ректор и декан. Именно данные органы полностью и единолично отвечали за образование в университете. В частности, в полномочия «совета профессоров», а также ректора и декана входило: принятие решений о приеме и увольнении преподавателей, утверждение программ обучения, а также формирование, редакция и утверждение учебных планов

в разрезе отдельных дисциплин; решение широкого круга финансовых вопросов.

Особо следует отметить возможность получения высшего образования у женщин в результате реформы образования. Окончание женской гимназии не давало право поступать ни в университет, ни в технический вуз. Однако были организованы так называемые высшие женские курсы, которые по своему статусу приравнивались к высшему образованию. Такие учебные заведения были созданы в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Киеве. Впоследствии реформы предоставили право женщинам поступать и в университеты, тем не менее их статус был ниже статуса мужчин: они принимались как вольнослушатели.

С одной стороны, наблюдается некоторая прогрессивность реформ, с другой — многими историками последствия реформы образования оцениваются отрицательно, что связано со следующими факторами:

— кажущаяся доступность образования оставалась таковой только на бумаге, по факту только первоначальное образование можно с определенной долей условности назвать доступным, в гим-

назиях и высших учебных заведениях по-прежнему обучались дети дворян;

— монополия государства и церкви практически не была устранена, многие частные школы, возникнув в результате реформы, через какое-то время исчезали, так и не став полноценными участниками системы образования;

— самостоятельность университетов впоследствии также отрицательно отразилась на государственном строе Российской империи, именно данный факт впоследствии широко использовался революционерами.

Следующая к рассмотрению — земская реформа. В 1864 г. Александр II издает «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Согласно этому положению в уездах и губерниях создавались новые органы местного самоуправления — земства. Они были выборными органами власти: участвовать в выборах могли только мужчины, достигшие 21 года; все же избиратели делились на три курии (разряда) — земледельческая, городская, крестьянская. Состав органов местного самоуправления наглядно представлен в таблице 1.

Таблица 1

Состав граждан, получивших избирательные права в соответствии с земской реформой 1864 г.

Курия	Получение избирательных прав
Землевладельческая	Избирательные права определялись имущественным положением, а именно: не менее 200 десятин земли, наличие имущества в размере не менее 15 тыс. руб. Также избирательное право признавалось за владельцами предприятий, в случае если их доход превышал 6 тыс. руб. в год
Крестьянская	<i>Первый этап</i> заключался в выборе представителей в волостные сходы. <i>Второй этап</i> предполагал выбор представителей в уездные земства. <i>На третьем этапе</i> выбирались представители губернских ведомств
Городская	Избирательное право закреплялось за владельцами предприятий и купцами, чей годовой доход превышал 6 тыс. руб. Избирательные права также закреплялись за собственниками имущества, в том случае если его стоимость превышала 3 600 руб. (для крупных городов) и 600 руб. (для остальных городов)

Органы земств были разделены на исполнительные (управа) и распорядительные (собрание) органы. Земские управы состояли из шести членов, которые назначались земскими собраниями. Собрания проводились раз в год, земства же работали непрерывно.

Основные отличительные черты проводимой земской реформы можно сгруппировать следующим образом:

— недостатком проводимой реформы был тот факт, что новые органы местного самоуправления создавались не повсеместно и не одновременно;

— выборность сословий (основные «голоса» оставались у дворянства);

— ограниченные полномочия органов местного самоуправления, полное подчинение губернатору и Министерству внутренних дел;

— направленность органов местного самоуправления на решение исключительно местных вопросов (строительство дорог; открытие и содержание школ, больниц, приютов; сбор статистических данных, сбор податей и др.) [5, с. 57].

Тем не менее, несмотря на определенные недостатки, земская реформа имела большое значение для политической жизни Российской империи. К управлению были привлечены широкие слои населения. Земская реформа — это важный шаг к прогрессивному развитию общества.

Следующая реформа — военная. В качестве основной цели выдвигалась оптимизация существующей армии, незначительная численность военных в мирное время и как результат — сокращение издержек на содержание армии при одновременной возможности быстрой мобилизации армии в период военных действий.

Основное содержание военной реформы может быть представлено следующим образом:

- создание сети военных учебных заведений: старая система учреждений реформирована, в результате были сформированы военные гимназии, юнкерские училища и военные академии;

- введение новых уставов;

- учреждение военных округов в количестве 15 ед. в целях повышения эффективности управления армией;

- проведено комплексное перевооружение армии: существовавшие оружие было заменено нарезным оружием и артиллерией;

- проведена отмена рекрутской системы комплектования армии;

- в практику вводится всесословная воинская повинность, главное достижение — это возможность сокращать численность армии в мирное время при запасе обученного личного состава.

По продолжительности военная реформа была самая длительная, тем не менее в историческом аспекте ее результаты оценивают как положительные.

Судебная реформа Александра II — это очередной шаг в сторону значительных преобразований государственно-правовой политики. Данная реформа также носила кардинальный характер и привела к тому, что в Российской империи появился новый современный суд, который соответствовал всем ведущим тенденциям в мировом судопроизводстве.

Необходимость судебной реформы была вызвана значительными недостатками в существовавшей на тот момент судебной системе. Основные претензии высказывались в сторону многоступен-

чатости судебной процедуры и, как результат, к высокой ее продолжительности. Судебные процессы длились годами, любое из решений могло быть оспорено и возвращено для последующего повторного рассмотрения. Определенные дела подлежали обязательному дополнительному рассмотрению и ревизии в вышестоящих судах.

Результатом реформирования было сокращение количества судебных инстанций и выделение двух судебных ветвей. Первая ветвь — это мировые установления, данная организационная структура, в свою очередь, подлежала делению на мировых судей и мировые установления. Вторая ветвь — это так называемые общие установления. Данная ветвь также подлежала делению на окружные суды и судебные палаты. В качестве третьей инстанции для всех ветвей судебной власти были созданы департаменты Сената [7].

Важным достижением судебной реформы было значительное упрощение судебного процесса. Убрана многоступенчатость, существенно сократились сроки рассмотрения дел. Помимо этого суд стал более справедливым, так как развитие получило состязательность судебного процесса. Уравнились права между сословиями в процессе предоставления и опровержения доказательной базы. Еще одной прогрессивной мерой стало создание суда присяжных. Особенностью его функционирования было то, что суд присяжных собирался только в случае судебных дел по особо тяжким преступлениям.

Таким образом, любой судебный процесс мог быть рассмотрен только двумя инстанциями — первой и апелляционной. В том случае, когда дело рассматривал суд присяжных, судебный процесс ограничивался одной инстанцией. Помимо этого для всех судебных дел была предусмотрена одна кассационная инстанция [3, с. 143].

Следовательно, несмотря на ряд отрицательных последствий при реализации либеральных реформ 1860—1870-х гг., в целом либеральные преобразования были направлены на ограничение деспотической власти, основанной на принуждении и насилии, на расширение представительства народа во власти и, таким образом, кардинально меняли проводимую государственно-правовую политику.

Как нам представляется, Александр II проводил достаточно эффективную государственно-правовую политику, направленную на формирование качественно нового государственного устройства, по своим параметрам не уступавшего развитым европейским державам того времени. Были соз-

даны объективные правовые предпосылки для развития капитализма. Фактом, подтверждающим эффективность проводимой Александром II государственной правовой политики, выступает значи-

тельный прирост населения. Согласно проводимым переписям тех лет, за время правления Александром II численность населения выросла на 25 млн человек.

1. Столяров Н. С. Либеральные реформы Александра II и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2018. Т. 5, № 4. С. 433—443.

2. Примакова А. В., Фотин В. А. Либеральные реформы Александра II // Студенческая наука Подмосквю: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. Орехово-Зуево: Ред.-изд. отдел ГГТУ, 2016. С. 544—547.

3. Худокормов А. Г. Либеральные реформы 1861—1874 гг. // Социально-экономическая история России: учеб. пособие / под ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 123—146.

4. Столяров Н. С., Семенова А. А., Кузина М. Н. Либеральные реформы Александра II и современный российский либерализм // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2019. № 1. С. 19—26.

5. Маннапов И. И. Роль государственных реформ в развитии местного самоуправления в России при правлении Александра II // Мир политики и социологии. 2017. № 9—10. С. 54—59.

6. Копосова Т. Ю. Полицейская реформа как элемент системы великих реформ Александра II // Юридическая мысль. 2019. № 1 (111). С. 42—46.

7. Проценко А. И. Судебная реформа Александра II: проблемы и перспективы развития // Проблемы управления — 2018: материалы 26-й Всерос. студ. конф. (Москва, 14—17 мая 2018 г.). М.: Гос. ун-т управления, 2018. С. 186—187.

1. Stolyarov N. S. Liberal reforms of Alexander II and modernity. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "State and Municipal Administration". 2018; 5; 4: 433—443.

2. Primakova A. V., Fotin V. A. Liberal reforms of Alexander II. In: Student science for Near Moscow: materials of the International scientific conference of young scientists. Orekhovo-Zujevo: Ed. Department of the State Humane and Technology University; 2016: 544—547.

3. Khudokormov A. G. Liberal reforms of 1861—1874. In: Socio-economic history of Russia. Tutorial. Moscow: INFRA-M; 2017: 123—146.

4. Stolyarov N. S., Semenova A. A., Kuzina M. N. Liberal reforms of Alexander II and modern Russian liberalism. Actual problems of socio-economic development of Russia. 2019; 1: 19—26.

5. Mannapov I. I. The role of state reforms in the development of local self-government in Russia during the reign of Alexander II. World of Politics and Sociology. 2017; 9—10: 54—59.

6. Kuposova T. Y. Police reform as an element of the system of great reforms of Alexander II. Legal Thought. 2019; 111 (1): 42—46.

7. Protsenko A. I. Judicial reform of Alexander II: problems and development prospects. In: Management Problems — 2018: materials of the 26th All-Russian student conference. Moscow, 14—17th of May 2018. Moscow: State University of Management; 2018: 186—187.

© Самарский А. Н., 2020

© Samarsky A. N., 2020

Самарский Александр Николаевич,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук;
e-mail: samarsky_an@mail.ru

Samarsky Alexander Nikolaevich,
associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences;
e-mail: samarsky_an@mail.ru

* * *

УДК 316.653
ББК 60.527

DOI 10.25724/VAMVD.ORST

Н. Н. Демидов, О. В. Зуева**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ ОРГАНАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И СЛЕДСТВЕННЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ ПОЛИЦИИ
СО СТОРОНЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Целью данного исследования является анализ отношения граждан к полиции и следственным подразделениям органов внутренних дел на примере Волгоградской области. На основании данных социологических опросов автор показывает динамику изменения доверия и отношения к полиции на протяжении ряда лет (1994—2019 гг.). В статье отмечается тенденция роста удовлетворенности работой полиции и следственных подразделений в период после проведения реформы Министерства внутренних дел 2011 г. Население в целом более позитивно стало относиться к полиции как важному и необходимому элементу правоохранительной системы.

Одной из задач данного исследования был анализ взаимосвязи между страхом перед преступностью, ощущением защищенности от преступных посягательств, восприятием работы полиции и доверием населения сотрудникам органов внутренних дел. На основе эмпирического материала автор анализирует факторы, определяющие доверие граждан к полиции, обращая внимание на СМИ и интернет как важнейшие инструменты, оказывающие влияние на формирование имиджа полиции в современных условиях.

Ключевые слова: общественное мнение о деятельности органов внутренних дел, удовлетворенность деятельностью полиции, доверие полиции, следственные подразделения органов внутренних дел, средства массовой информации.

N. N. Demidov, O. V. Zuyeva**THE PROBLEMS OF STUDYING OF THE LEVEL OF TRUST
IN THE INTERIOR BODIES AND INVESTIGATIVE POLICE UNITS
ON THE PART OF THE POPULATION OF VOLGOGRAD REGION**

The purpose of this study is to analyze the attitude of the citizens to the police and investigative units of the interior bodies through the example of Volgograd region. On the basis of the opinion polls findings, the authors analyze the dynamics of changes in trust and attitude to the police over a number of years (1994—2019). The article notes a trend of increasing satisfaction with the work of the police and investigative units in the period after the reform of the Interior Ministry of Russia in 2011. The population in general began to regard the police more positively as an important and necessary element of the law enforcement system.

One of the objectives of this study was to analyze the relationship between the fear of crime, the feeling of protection from criminal attacks, the perception of police work, and the trust of the population in the employees of interior bodies. Based on empirical material, the authors analyze the factors determining the citizens' trust in the police, paying attention to the media and the Internet, as the most important tools that influence the formation of the police image in modern conditions.

Key words: public opinion on the interior bodies' activities, satisfaction with the police activities, trust in the police, investigative units of the interior bodies, mass media.

Общепринятым фактом считается, что уровень доверия граждан полиции непосредственно влияет на эффективность выполнения профессиональных обязанностей полицейскими. Поэтому данной проблеме уделяется такое большое значение в научной и публицистической литературе. Именно доверие

играет главную роль в формировании общественного мнения о полиции и является фактором, влияющим на общую удовлетворенность граждан деятельностью органов внутренних дел (ОВД). За последние годы после осуществления реформы 2011 г. происходят позитивные изменения в оценке

деятельности полиции со стороны граждан. Вместе с тем данная проблема продолжает оставаться актуальной.

Целью представленного исследования является определение на основе социологических данных уровня доверия сотрудникам полиции и следственным подразделениям ОВД у населения Волгоградской области и факторов, влияющих на оценку их деятельности.

Задачами исследования являются:

1. Анализ изменения общественного мнения о деятельности полиции и ее подразделений за период с 1994 по 2019 г.

2. Сравнительный анализ отношения и уровня доверия населения к полиции и к ее следственным подразделениям в регионе и в целом по стране.

3. Изучение связей между уровнем защищенности от преступных посягательств и уровнем доверия полиции и следственным подразделениям ОВД.

4. Исследование зависимости между источниками информации о полиции и следственных подразделениях и уровнем доверия им.

Результаты: изучены формы взаимодействия граждан и полиции, определены отношение населения к сотрудникам различных подразделений полиции и уровень доверия к ним; выявлены различия в отношениях населения к отдельным подразделениям полиции.

Научная новизна: в статье впервые рассматривается общественное мнение жителей Волгоградской области о сотрудниках следственных подразделений полиции.

Практическая значимость: результаты исследования могут служить инструментом для разработки рекомендаций по формированию позитивного имиджа сотрудников следственных подразделений полиции.

Обзор литературы. Вопрос повышения уровня доверия полиции является предметом многочисленных исследований и дискуссий как до начала осуществления реформы 2009—2011 гг., так и в настоящее время. Об активности обсуждения проблемы можно судить по числу и содержанию научных статей, посвященных этому вопросу. Только за последние пять лет было опубликовано более 200 статей в научных журналах, индексируемых в РИНЦ, посвященных различным аспектам данной проблемы. Из них в 2019 г. было опубликовано более 60 статей [1]. Многочисленные публикации по данной теме и разнообразие направлений, исследующих проблемы доверительного отношения к различным службам и подразделениям полиции говорят о сложности вопроса и необходимости комплексного подхода к его решению.

Можно выделить несколько направлений исследования проблем, связанных с изучением вопросов доверия органам внутренних дел. Общее, что объединяет публикации, это поиски путей, методов, инструментов повышения доверия полиции. Но выполнение этой задачи представляется исследователям по-разному. Ряд авторов обращают внимание на необходимость изменить систему подготовки полицейских, другие предлагают сделать систему Министерства внутренних дел (МВД) более прозрачной, наладить более эффективные механизмы взаимодействия с представителем СМИ [2; 3]. Ряд статей посвящен обобщению опыта зарубежных стран по использованию интернет-пространства для распространения информации о деятельности полиции [4]. Немало авторов акцентирует внимание на необходимости применения партнерской модели взаимоотношений между полицией и обществом [5; 6], а также расширения общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел [7; 8].

Начиная с 2017 г. в научной литературе, а также в общественной и правовой сферах активно дискутируется вопрос о презумпции доверия полиции в связи с предложением в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в апреле 2017 г. о внесении изменений в Федеральный закон «О полиции», в котором, в частности, предлагалось дополнить ст. 30 частью 1.1 следующего содержания: «Государство гарантирует презумпцию доверия и поддержку сотруднику полиции при выполнении им служебных обязанностей» [9]. На эту тему высказывали свои соображения И. А. Андреева [10], И. А. Антонов, А. В. Победкин [11], О. И. Цоколова [12]. Можно согласиться с мнением О. И. Цоколовой, которая обращает внимание на преждевременность законодательного введения положения о правовой презумпции доверия полиции, что предполагает масштабные преобразования различных правовых отраслей. К тому же сами по себе законодательные положения никак не гарантируют общественного доверия к деятельности полиции, которое формируется под влиянием ряда факторов, в том числе честной, добросовестной работы сотрудников ОВД по защите прав и свобод граждан.

Значительное количество публикаций в последние годы посвящено также обсуждению вопросов изучения общественного мнения о деятельности полиции и ее различных подразделений. В частности, появились статьи, рассматривающие опыт формирования доверия участковым уполномоченным полиции [13; 14]. В ряде публикаций анализи-

руются проблемы взаимоотношения населения и полиции в различных регионах страны на основе эмпирического материала [15; 16]. На основании обширных эмпирических данных составляются индексы доверия полиции социологическими центрами: «ВЦИОМ», «ФОМ», «Левада-центр», фонд «Общественный вердикт» [17; 18; 19]. Немало публикаций появилось в последние годы и в зарубежных научных журналах. Так, в иностранных журналах, индексируемых в системах Web of Science (WoS) и SCOPUS, за последние пять лет опубликовано более тысячи научных статей, в той или иной степени затрагивающих вопросы взаимодействия общественности и полиции [20; 21]. Тем не менее по-прежнему данная тематика остается актуальной и требует дальнейшего изучения средствами социологических исследований.

В данной статье на основе результатов ряда социологических исследований общественного мнения о деятельности органов внутренних дел Волгоградского региона дан анализ тенденций изменения уровня доверия / оценки полиции и ее подразделений, а также факторов, влияющих на нее.

Методология и методика исследования.

Данный анализ основан на нормативном социологическом подходе, который рассматривает доверие как элемент взаимодействия социальных субъектов, необходимый для стабильного воспроизводства социальной реальности. Общественное доверие правоохранительным институтам зависит от социальной веры в то, что данные учреждения действуют в соответствии с интересами граждан по обеспечению защиты их прав и безопасности. Недоверие граждан может быть объяснено дисфункцией данных социальных институтов.

Проблема социального доверия имеет давнюю историю и является предметом научного дискурса в социологии, политологии, антропологии, социальной психологии и ряде других социально-гуманитарных дисциплин. Большинство социологов считают доверие основным условием развития общества. Так, например, Т. Парсонс рассматривает доверие как неотъемлемое условие сохранения стабильности в обществе, а Р. Дарендорф — как феномен, благодаря которому возможно урегулирование политических конфликтов [22]. П. Штомпка называет основой функционирования любого общества именно доверие [23]. Существуют различные подходы к определению этого сложного понятия. В нашей статье мы не будем заниматься анализом многочисленных определений социального доверия. Остановимся на точке зрения Ф. Фукуямы, предложившего следующее опреде-

ление данного феномена: доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно, с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами [24, с. 53]. В социологии обычно выделяют межличностное и институциональное доверие. К межличностному доверию прежде всего относят личностное доверие, связанное с повседневным взаимодействием людей. Именно межличностное доверие является фундаментом общественной жизни. Из него вырастает и институциональное доверие, которое предполагает отношение к различным институтам общества, таким как государство, политические партии, суд, полиция. В статье рассматривается институциональное доверие к такому социальному институту, как полиция и ее подразделения. Доверие к полиции в целом складывается из таких аспектов, как доверие конкретному полицейскому учреждению, доверие руководству органов внутренних дел, доверие отдельным полицейским, доверие отдельным службам и т. д.

Социологические опросы населения Волгоградской области социологической группой Волгоградской академии МВД России (ВА МВД России) были начаты в 1994 г. и не прерывались на протяжении многих лет. В 2019 г. было проведено очередное социологическое исследование, в рамках которого изучалось общественное мнение о деятельности различных подразделений ОВД, в том числе их следственных подразделений. Данное исследование предполагало изучить основные аспекты проблемы взаимодействия различных подразделений полиции с гражданским обществом. Важное место в проведенном исследовании занимало изучение проблемы формирования позитивного облика полиции, в том числе сотрудников следственных подразделений.

Опросы, как правило, проводятся методом формализованного интервью по месту жительства и носят выборочный характер. При составлении программы исследований используется многоступенчатая территориальная смешанная квотная выборка. При ее формировании учитываются следующие характеристики респондентов: пол, возраст, образование, сфера деятельности, место жительства. Интервьюирование осуществляется силами курсантов ВА МВД России.

В 2019 г. было опрошено 600 респондентов, в том числе 287 мужчин (48 %) и 313 женщин (52 %). Демографическая характеристика выборки адекватна генеральной совокупности. В ней в целом адекватно отражен уровень образования и социального положения респондентов.

Полученные данные социологического исследования 2019 г. были сопоставлены с результатами предыдущих опросов, проведенных по аналогичной методике. В частности были использованы данные исследований 1994—2018 гг. Наш анализ использует и другие обследования, содержащие вопросы об отношении (доверии) к полиции. Среди них: опросы ВЦИОМ [17], ФОМ [18], ВолНЦ РАН [25] и другие. Подробная информация о них доступна по соответствующим ссылкам.

В нашем исследовании доверие и отношение к полиции и следственным подразделениям измеряется с помощью следующих вопросов:

1. *Насколько Вы доверяете органам внутренних дел (полиции) в обеспечении Вашей личной и имущественной безопасности?*

2. *Насколько хорошо, по Вашему мнению, местные ОВД справляются со своими обязанностями?*

3. *В какой мере Вы доверяете или не доверяете органам внутренних дел?*

4. *Как бы Вы оценили работу сотрудников следственных подразделений ОВД (полиции) вашего района?*

Для ответа на первые два вопроса использовалась шкала с пятью позициями, а на третий и четвертый вопросы — шкала с тремя позициями.

Результаты исследования. Оценка работы полиции населением Волгограда. Жители города в целом положительно оценивают работу полиции и высказывают доверие ей. Об этом свидетельствуют данные опроса, согласно которым отрицательную оценку полиции поставили в 2019 г. всего 9,4 %, а положительную — почти в пять раз больше (44,3 %) (табл. 1). При сравнении с данными предыдущих исследований мы наблюдаем значительный рост хороших и отличных оценок. В 2011 г. на «хорошо» и «отлично» деятельность полиции оценили 34 % опрошенных, в 2014 г. — уже почти 56 % респондентов. Отрицательные оценки в 2011 г. поставили 17 %, в 2014 г. — всего 7,6 %. Следует отметить, что 2014 и 2015 гг. отличаются наиболее высокими показателями уровня доверия и высокими оценками деятельности большинства государственных институтов России со стороны населения Волгоградской области. Можно предположить, что это связано с общим настроением граждан России, положительно отреагировавших на воссоединение с Крымом.

Таблица 1

Оценка респондентами деятельности местной полиции, %

Вариант ответа	2011 г.	2014 г.	2019 г.
Очень хорошо	4,2	17,0	8,0
Довольно хорошо	30,0	38,9	36,3
Ни хорошо, ни плохо	48,2	36,4	46,3
Плохо	13,4	5,9	6,7
Очень плохо	4,2	1,8	2,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Динамику изменений оценок работы полиции можно проследить на рисунках 1 и 2, где представлены данные нашего мониторинга с 1994 по 2019 г. Для анализа были взяты отдельные годы. Данные были разделены на две группы. Первая — опросы 1994—2007 гг., когда оценка органов внутренних дел измерялась по шкале с тремя позициями. Вторая группа — опросы 2008—2019 гг., измерение осуществлялось при помощи шкалы с пятью позициями. В первой группе средняя положительная оценка полиции составила 43 %, отрицательная — 30 %. Во второй группе выделяется три позиции оценок: «хорошо и отлично»,

«удовлетворительно» и «плохо». Средние показатели по первой позиции («хорошо и отлично») — 41 %, по второй позиции («удовлетворительно») — 42 %, по третьей («плохо») — 14 %. Самый низкий уровень оценок милиции наблюдался в 1994 г., когда положительно оценили работу сотрудников ОВД только 27 % респондентов, а отрицательную оценку поставили 35 %. Самые высокие показатели были в 2015 г., когда на «хорошо и отлично» деятельность полиции оценили 64 % респондентов, а 29 % опрошенных поставили удовлетворительную оценку.

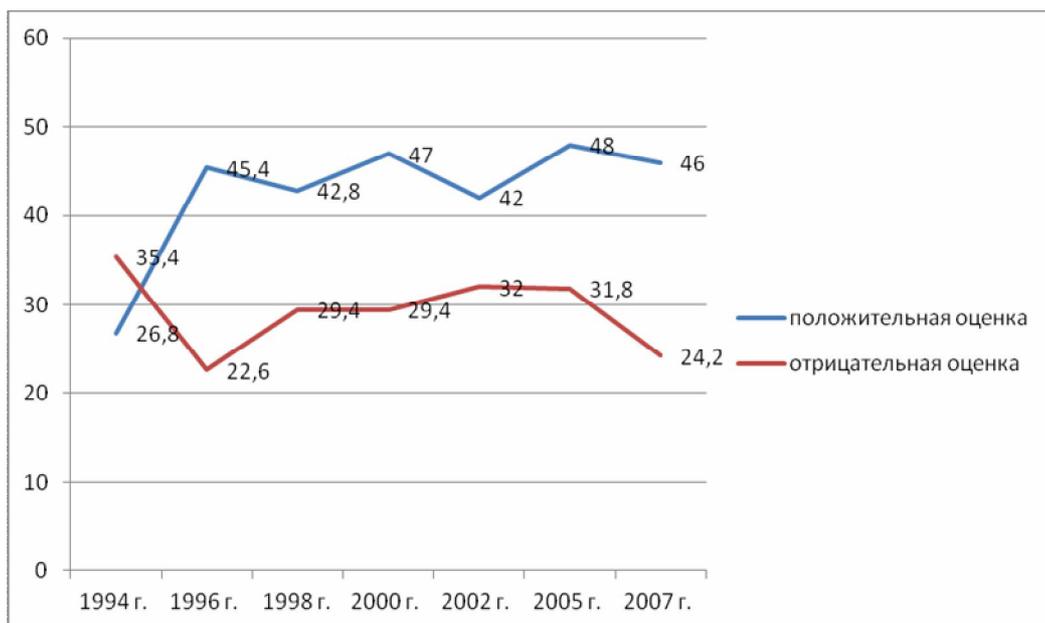

Рис. 1. Динамика изменения оценок работы полиции 1994—2007 гг. (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

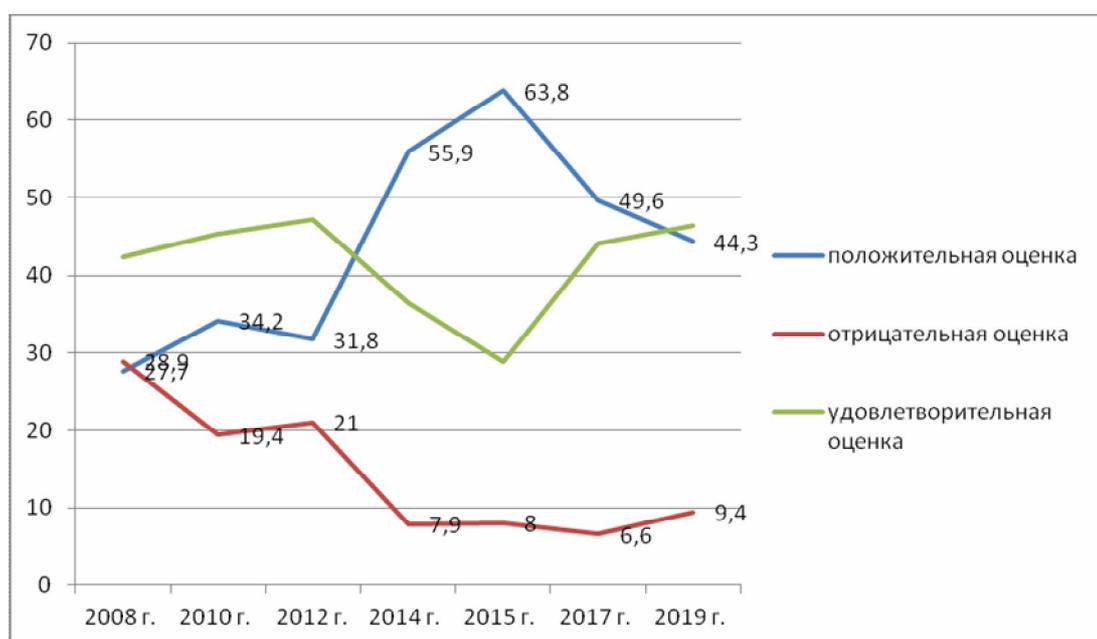

Рис. 2. Динамика изменения оценок работы полиции 2008—2019 гг. (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Данные нашего исследования мы также сравнили с результатами опросов, проведенных в других городах России, в частности в Нижнем Новгороде в 2017 г., где положительно оценивают полицию 42 % респондентов, а отрицательно —

11 % [26]. Таким образом, полученные нами данные вполне сопоставимы с результатами опросов населения других городов России.

Вместе с тем к результатам социологических опросов населения по поводу оценки работы по-

лиции следует относиться достаточно осторожно. Так, например, при проведении интервьюирования в 2019 г. больше половины попавших в выборку респондентов отказались участвовать в социологическом исследовании. Как правило, именно отказники достаточно критично относятся к государственным институтам и дают не самую высокую оценку деятельности полиции или же опасаются дать некавалифицированное заключение по этому вопросу. Необходимо также учитывать, что более адекватную оценку работы полиции могут дать люди, непосредственно контактировавшие с пред-

ставителями органов внутренних дел, которые составляют меньшинство среди опрошенных. Эта мысль об известной осторожности оценок подтверждается анализом ответа на вопрос о доверии полицейским. Так, среди опрошенных в 2019 г. затруднились дать свою оценку 15,5 % респондентов. При этом доверяют полностью или частично почти две трети респондентов (60,2 %), а не доверяют — 24,4%. При сравнении результатов исследования 2019 г. с данными 2011 г. прослеживается рост доверия к полиции в целом и к местной полиции в частности (табл. 2).

Таблица 2

Уровень доверия местной полиции, %

Вариант ответа	2011 г.	2014 г.	2019 г.
Да	10,4	29,6	28,2
Скорее да, чем нет	39	34,1	32,0
Скорее нет, чем да	36,2	15,1	17,2
Нет определенно	5,4	7,8	7,2
Затрудняюсь ответить	9,0	13,4	15,4
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Следует отметить, что местным органам полиции доверяют большее количество респондентов, чем полиции в целом (60,2 % против 57 %), и меньшее количество не доверяет (24,4 % против 27,7 %).

На вопрос «Доверяете ли полиции в целом?» 57 % респондентов ответили положительно, 27,7 % ответили, что в основном не доверяют (рис. 3).

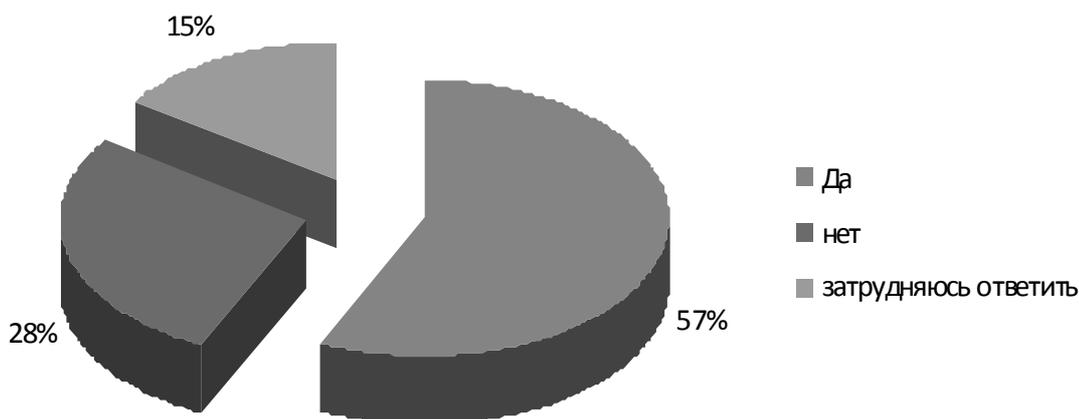

Рис. 3. Уровень доверия населения полиции

Результаты этого исследования вполне сопоставимы с данными общероссийских исследований, которые были проведены в 2019 г. социологическими центрами «ВЦИОМ» и «ФОМ». В опросе

ФОМ был поставлен вопрос: «Как Вы лично относитесь к полиции — положительно или отрицательно?», 61 % опрошенных ответили положительно и 22 % отрицательно [18]. По данным

исследования ВЦИОМ, доверяют полиции 54 % респондентов и не доверяют — 39 %. На «хорошо» и «очень хорошо» оценивают деятельность

полиции 36 % [19]. В таблице 3 показаны данные исследований ВЦИОМ и социологической группы ВА МВД России.

Таблица 3

Оценка работы полиции по результатам опросов ВЦИОМ и социологической группы ВА МВД России в 2019 г., %

Вариант ответа	ВЦИОМ	Социологическая группа ВА МВД России
Очень хорошо	4,0	8,0
Довольно хорошо	32,0	36,3
Ни хорошо, ни плохо	47,0	46,3
Плохо	9,0	6,7
Очень плохо	4,0	2,7
Затрудняюсь ответить	4,0	—

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВЦИОМ и социологической группы ВА МВД России.

В ходе опроса 2019 г. респондентам было предложено оценить деятельность следственных и других подразделений полиции. Анализ данных исследования показывает, что наибольшее удовлетворение респонденты испытывают по отношению к деятельности участковых уполномоченных

(63 % опрошенных), сотрудников ППС (61,5 %), а также сотрудников следственных органов (57,8 %). Значительно ниже оценивают сотрудников уголовного розыска (50,8 %) и деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних (49,7 %) (рис. 4).

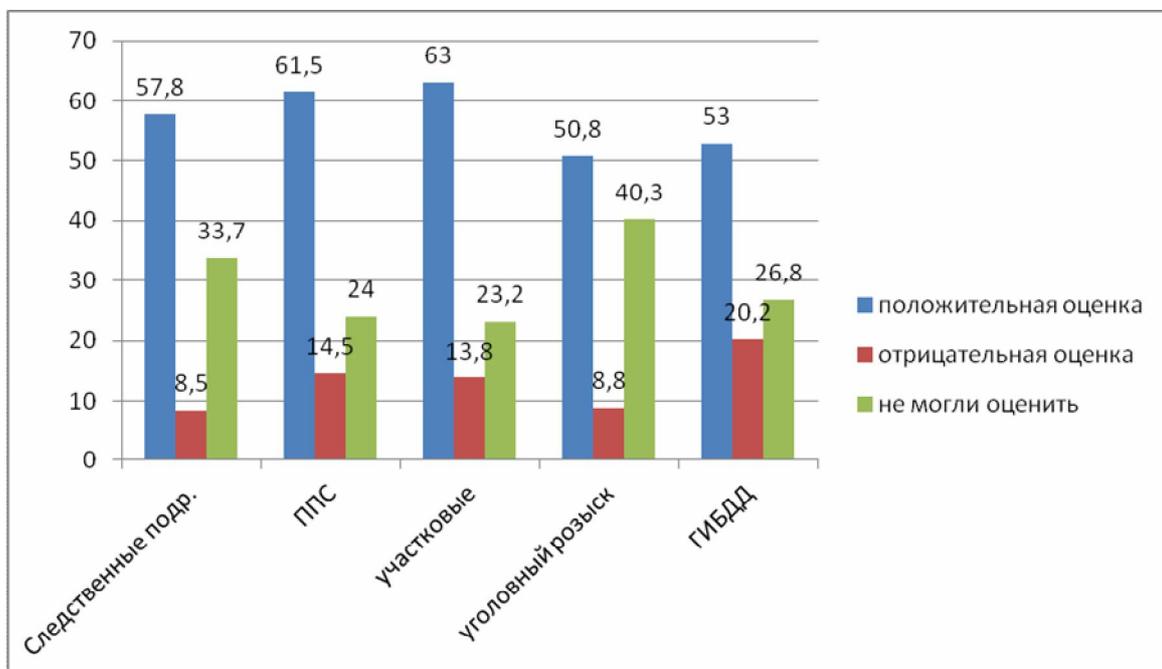

Рис. 4. Оценка различных подразделений органов внутренних дел

Мы также сравнили оценки работы следственных подразделений, полученные в опросах предыдущих лет. Как показывают наши исследования,

за последние годы наметилась тенденция повышения оценки деятельности следственных подразделений ОВД. Если в 90-е гг. XX в. и начале

2000-х гг. средний показатель положительной оценки был на уровне 30 % и отрицательной 16 %, то

в 2019 г. положительно оценивали работу следствия 57,8 % и отрицательно 8,5 % (рис. 5).

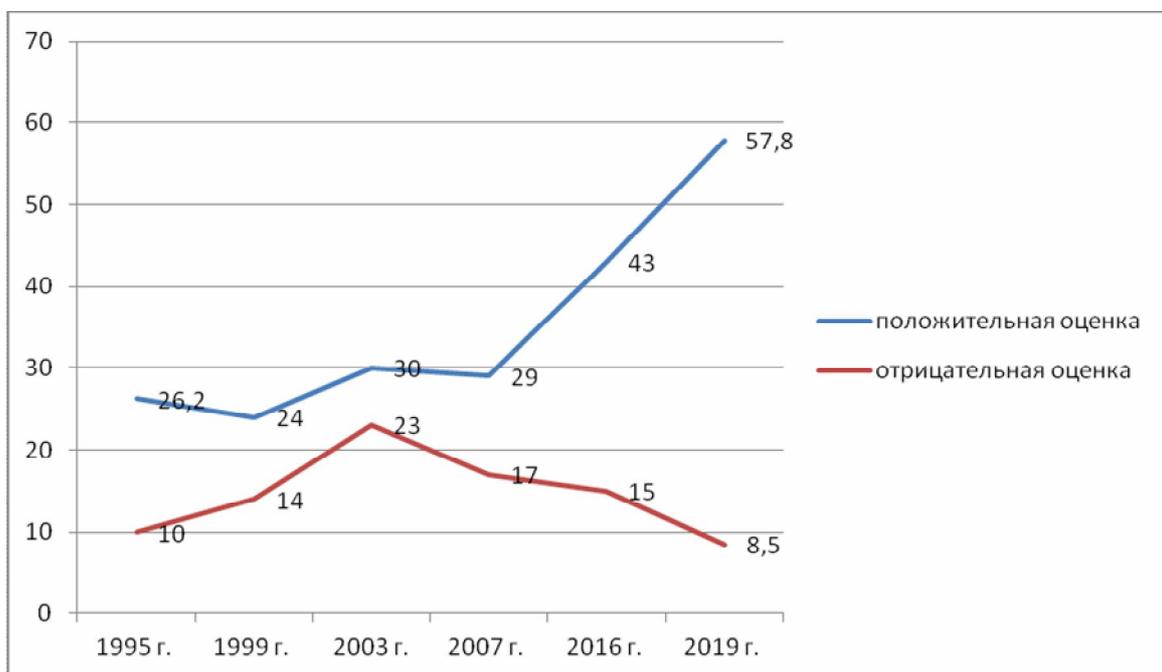

Рис. 5. Динамика изменений оценок работы следственных подразделений (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Таким образом, мы можем наблюдать положительную динамику в отношении к деятельности различных подразделений органов внутренних дел у жителей Волгограда.

Как считают многие исследователи, одним из критериев оценки доверия полиции со стороны граждан могут служить показатели практической помощи ей населением, а также готовность оказывать такую помощь. Причем, с нашей точки зрения, готовность оказывать содействие полиции

может быть более значимым показателем доверия. Для выяснения готовности граждан оказывать содействие полиции в наших исследованиях были поставлены соответствующие вопросы. Как показал анализ ответов, наблюдается тенденция уменьшения числа граждан, оказывающих содействие полиции, с одной стороны, с другой — увеличение числа респондентов, готовых безусловно оказывать помощь органам внутренних дел (табл. 4, 5).

Таблица 4

Оказание помощи полиции респондентами, %

Вариант ответа	2012 г.	2014 г.	2019 г.
Оказывали помощь	16,4	14,6	13,3
Не оказывали	83,6	85,4	86,7

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Таблица 5

Готовность респондентов оказывать помощь полиции, %

Вариант ответа	2012 г.	2014 г.	2019 г.
Безусловно, готов	38,6	42,9	43,8
Да, но при определенных условиях	36,6	40,4	27,7
Не готов	24,8	16,7	28,5

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Одной из задач исследования было определение факторов, влияющих на уровень доверия органам внутренних дел. Исходя из анализа источников, изучающих проблемы определения таких факторов, мы выделили основные из них: демографические (пол, возраст, образование); контекстные (средства массовой коммуникации, уровень дохода, личная безопасность) [27, с. 118]. В связи с этим был проведен анализ проблем, связанных с личной безопасностью населения г. Волгограда. Восприятие безопасности в нашем обследовании измеряется с помощью вопросов об уверенности респондентов в защищенности своих личных и имущественных интересов и о динамике этих ощущений. Кроме того, респондентам задавали вопрос о степени обеспокоенности состоянием преступности в нашем обществе.

Полученные результаты показывают следующую картину состояния мироощущения жителей города. Большинство респондентов (60,8 %) указали, что они в той или иной степени уверены в защищенности своих интересов, 28,5 % не дали утвердительного ответа на данный вопрос. Причем 32,8 % респондентов стали ощущать себя более защищенными, 18,2 % менее, а 36,5 % опрошенных не испытывают изменений в ощущении защищенности своих интересов.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что уровень доверия полиции прямо пропорционален уровню ощущения личной безопасности. Чем выше ощущение защищенности от преступных посягательств, тем выше уровень доверия полиции и тем выше оценка ее работы.

Этот тезис подтверждается таблицей сопряженности по переменным «Доверяете ли полиции?», «Какова степень уверенности в защищенности своих интересов?», «Как оцениваете работу полиции?». Сопоставление ответов на вопросы о личной безопасности с ответами на вопросы о доверии / оценке полиции обнаружило корреляционную связь между ними. Как показало исследование, граждане, ощущающие защищенность своих личных и имущественных интересов (1-я категория), испытывают большее доверие местной полиции и ее следственным подразделениям и, соответственно, выше оценивают их деятельность (79%). Граждан, не доверяющих полиции, в 1-й категории опрошенных 12 %, затруднившихся оценить свой уровень доверия — 9 %. Среди опрошенных 1-й категории 60 % оценивают работу полиции на «хорошо и отлично», «удовлетворительно» — 38 %, плохую оценку дали 2 % респондентов. Граждане, не испытывающие уверенности в защищенности своих интересов (2-я категория), доверяют полиции в меньшей степени. Только 26 % из них доверяют полиции, 51 % не доверяют и затруднились ответить 23 %. В целом деятельность полиции данная группа опрошенных (2-я категория) оценивает значительно ниже, чем 1-я категория. На «хорошо и отлично» оценили 20 %, «удовлетворительно» — 60 %, «плохо» — 20 % респондентов данной категории. Респонденты, которые не смогли оценить уровень своей защищенности (3-я категория), доверяют полиции также ниже (45 %), чем в среднем по выборке (табл. 6).

**Сопряженность по переменным «Доверяете ли полиции?»,
«Какова степень уверенности в защищенности Ваших интересов?»,
«Как оцениваете работу полиции?», %**

Вариант ответа	Доверие полиции			Оценка работы полиции		
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь	Хорошо и отлично	Удовлетворительно	Плохо
Уверен в защищенности своих интересов (1-я категория)	79	12	9	60	38	2
Не уверен (2-я категория)	26	51	23	20	60	20
Затрудняюсь (3-я категория)	45	25	30	25	52	23

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

Следует отметить, что среди тех, кто испытывает защищенность своих интересов, уровень доверия местной полиции выше, чем доверие полиции в целом, на 9 %.

В связи с этим фактом следует пояснить, что выявленные нами связи между доверием / оценкой деятельности полиции, с одной стороны, и ощущением личной безопасности — с другой, не обязательно можно объяснить причинно-следственными связями. Взаимовлияние, скорее всего, может носить обоюдный характер, а также возможны влияния других факторов, взаимодействующих с интерпретируемыми переменными. Но связь достаточно четко прослеживается.

Анализируя обеспокоенность граждан состоянием преступности в российском обществе, мы получили следующие результаты: испытывают тревожность в той или иной степени 77,2 % опрошенных. Среди них: сильно обеспокоены этими проблемами 36,6 % респондентов, не испытывают волнения по поводу преступности 22,5 %. Наиболее выраженная степень беспокойства у работников аппарата управления, работников производст-

венной сферы и неработающих пенсионеров. Эти категории граждан имеют более выраженную степень тревожности по поводу преступности: 79 % среди работников аппарата управления, 79,5 % среди работников производственной сферы, 81 % среди пенсионеров. Наименьшее количество беспокоящихся по поводу преступности наблюдается среди безработных (41 %) и работников непромышленной сферы (67 %).

Мы сопоставили уровень обеспокоенности граждан преступностью с уровнем доверия полиции и оценкой деятельности полиции и следственных подразделений. Среди тех, кого сильно тревожит уровень преступности, удельный вес доверяющих полиции составляет 49 %, что на 11 % меньше, чем в выборке в целом, а не доверяющих полиции — 34 %, что больше на 10 % в среднем по выборке. Среди граждан, не обеспокоенных преступностью, удельный вес доверяющих полиции значительно выше, чем по выборке в целом, и составляет 71 %. То есть связь между состоянием обеспокоенности по поводу преступности коррелирует с уровнем доверия местной полиции (табл. 7).

Таблица 7

**Сопряженность по переменным «Доверяете ли полиции?»
и «Обеспокоенность респондентов состоянием преступности», %**

Степень обеспокоенности	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь
Сильно обеспокоен	49	34	17
Немного обеспокоен	64	20	16
Не обеспокоен	71	17	12

Приведенные данные показывают, что испытывающие большее беспокойство состоянием преступности оценивают работу следственных под-

разделений ниже, чем те, кто не испытывает страха перед преступностью (табл. 8).

Таблица 8

**Сопряженность по переменным
«Оценка деятельности следственных подразделений»
и «Обеспокоенность респондентов состоянием преступности», %**

Степень обеспокоенности	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Затрудняюсь
Сильно обеспокоен	49	13	38
Немного обеспокоен	61	7	31
Не обеспокоен	66	4	30

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

В ходе анализа данных социологического исследования была также обнаружена корреляционная связь между уровнем доверия полиции и виктимностью респондентов. Те, кто указал на то, что был жертвой преступных посягательств, доверяет полиции меньше, чем остальные респонденты,

и ставят ниже оценку работе полиции. Среди жертв преступлений уровень доверия полиции составляет 45 %, уровень недоверия — 41 %. На хорошо и отлично оценивают работу полиции 38 % жертв преступлений, на удовлетворительно — 40 %, плохую оценку поставили 22 % (табл. 9).

Таблица 9

**Сопряженность по переменным «Доверяете ли полиции?»,
«Подвергались ли преступным посягательствам?»,
«Как оцениваете работу полиции?», %**

Вариант ответа	Доверие полиции			Оценка работы полиции		
	Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь	Хорошо и отлично	Удовлетворительно	Плохо
Подвергались преступным посягательствам	45	41	14	38	40	22
Не подвергались	62	22	16	45	47	7

Источник: данные мониторинга общественного мнения социологической группы ВА МВД России.

В поле зрения нашего анализа было включено влияние средств массовой коммуникации на уровень доверия и отношение к полиции в целом и следственным подразделениям в частности. В современном обществе СМИ являются не только источником информации, но прежде всего важнейшим инструментом формирования общественного мнения. Во многом СМИ формируют представления населения о деятельности правоохранительных органов, и в том числе ОВД. Социологические исследования показывают, что большинство населения черпает информацию о деятельности правоохранительных органов, прежде всего из различных

mass media. Для этой цели в анкете был поставлен вопрос: «Из каких источников респонденты получают информацию об органах внутренних дел и следственных подразделениях полиции?». Согласно полученным результатам обследования 2019 г. в основном у населения складывается мнение о полиции на основе сведений из интернета (22 % опрошенных). На втором месте находятся теле- и радиопередачи (17 % респондентов). Третью позицию занимает «личный опыт» (16 %). Далее идут такие источники, как: «на основе публикаций в прессе» (15,7 %), «из бесед с друзьями, знакомыми, в кругу друзей» (15,5 %), «по кино-

фильмам» (7 %), «слухи» (5 %). Примерно в той же последовательности расположились источники информации о следственных подразделениях, за исключением второй и третьей позиции. Среди источников информации о следствии на втором месте находится личный опыт респондентов (18,7 %), а теле- и радиопередачи расположились на третьем месте (16,8 %).

Данные социологического исследования 2019 г. подтверждают прежние выводы о том, что средства массовой информации: публикации в прессе, теле- и радиопередачи и кинофильмы — скорее способствуют положительной оценке деятельности полиции, нежели формируют негативное отношение к ней. Анализ результатов опроса показывает, что респонденты, получающие информацию о деятельности следственных подразделений полиции из СМИ, дают более высокую оценку их работе, нежели те, кто судит об этом исходя из личного опыта. Если в среднем по выборке положительная оценка сотрудников предварительного следствия составляет 57 %, то среди получающих в основном информацию из СМИ — 64,3 %. Соответственно, неудовлетворительная оценка среди общей выборки составляет 8,5 %, а среди получающих информацию в основном из СМИ — 6 %.

Среди тех, у кого представление о работе следственных подразделений сложилось на основе личного опыта, 57 % поставили положительную оценку, 9 % оценили работу следователей неудовлетворительно.

Выводы. Таким образом, в последние годы явно наметилась тенденция роста доверия полиции, что тесно коррелирует с ростом ощущения защищенности от преступных посягательств и уверенности

граждан в защищенности своих интересов. Можно предположить, что усилия, которые предпринимались по совершенствованию деятельности органов внутренних дел и формированию позитивного имиджа российской полиции, принесли определенные плоды. Вместе с тем исследование показывает, что оценка населением работы полиции и доверие ей связано не только с качеством ее работы, но и с социально-политической обстановкой в российском обществе. Важным фактором повышения уровня доверия является информационная деятельность СМИ. Данные социологического исследования показывают важную роль информационного обеспечения деятельности полиции и следственных подразделений органов внутренних дел. В связи с этим необходимо постоянное освещение в средствах массовой коммуникации как результатов работы полиции в целом, так и следственных подразделений в частности.

Исследование, проведенное нами в течение ряда лет, показало, что усилия, направленные на повышение уровня доверия к полиции, дают положительный результат, если учитываются многие факторы, способствующие укреплению взаимодействия населения и органов внутренних дел. Это и формирование общего межличностного доверия населения, и рост уважения к основным социальным институтам государства, повышение уровня защищенности населения от преступных посягательств, активная информационная деятельность служб, направленных на освещение работы различных подразделений органов внутренних дел, и, наконец, личные контакты населения с представителями полиции через различные средства коммуникации.

1. Научная электронная библиотека: сайт. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 04.03.2020).

2. Янбухтин Р. М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. II. С. 213—217.

3. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Влияние СМИ на оценку деятельности полиции (по результатам социологических исследований) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 79—84.

4. Ильченко В. А. Взаимоотношения общества и полиции за рубежом и в России // Вестник Ни-

1. Science electronic library. Available from: https://www.elibrary.ru/query_results.asp. Accessed: 4 March 2020.

2. Yanbukhtin R. M. Law enforcement bodies and mass media: problems and principles of interaction. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2015; 57 (7), Part II: 213—217.

3. Demidov N. N., Zueva O. V. The media influence on the police activities assessment (based on opinion surveys findings). Bulletin of Volgograd State University. Section 7. Philosophy. Sociology and sociological technologies. 2016; 33 (3): 79—84.

4. Ilchenko V. A. The relationship between society and the police abroad and in Russia. Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2015; 1: 138—141.

жегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 138—141.

5. Рахматуллин А. Ф. Модернизация подходов к оценке деятельности современных органов внутренних дел // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1 (27). С. 31—40.

6. Гимпельсон В., Монусова Г. Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 24—47.

7. Демидов Н. Н. Российский опыт контроля общества за деятельностью полиции: региональный аспект (по результатам социологических исследований) // Вестник ВА МВД России. 2018. № 4 (43). С. 22—27.

8. Синяжников Д. А., Ребрищев Н. М. Граждане Российской Федерации — субъект общественного контроля за деятельностью полиции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 239—243.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: [проект федер. закона № 147239-7: ред., внес. в Гос. Думу Федер. Собр. Рос. Федерации, текст по состоянию на 11 апр. 2017 г.]. Ст. 1. URL: <http://asozd/duma.gov.ru/> (дата обращения: 04.03.2020).

10. Андреева И. А. К вопросу о законодательном закреплении презумпции доверия полиции (зарубежный опыт) // Инноватика и экспертиза: науч. тр. 2019. № 1 (26). С. 71—79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37381153> (дата обращения: 12.03.2020).

11. Антонов И. А., Победкин А. В. Презумпции доверия полиции в сфере уголовного судопроизводства (зарубежный опыт) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 74—79.

12. Цоколова О. И. К вопросу о презумпции доверия полиции // Научный портал МВД России. 2019. № 1. С. 126—129.

13. Сельские участковые уполномоченные полиции: доверие населения / Т. Н. Юдина [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 119—128.

14. Ушакова О. В. Доверие граждан как основа эффективного функционирования института участковых уполномоченных полиции // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 1. С. 16—19. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=36881636> (дата обращения: 14.03.2020).

15. Демидов Н. Н., Зуева О. В. Реформирование ОВД в России глазами населения Волгограда (по материалам регионального социологического ис-

5. Rakhmatullin A. F. Modernization of the approaches to evaluation of modern agencies of internal affairs. Bulletin of Perm University. Yuridical Sciences. 2015; 27 (1): 31—40.

6. Gimpelson V., Monusova G. Trust in the police: cross-country comparisons. Voprosy Ekonomiki. 2012; 11: 24—47.

7. Demidov N. N. Russian experience of public monitoring of the police activities from the point of view of population and the media. Bulletin of Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. 2017; 43 (4): 22—27.

8. Sinyazhnikov D. A., Rebrishchev N. M. Role of Russian citizens in public control of the police conduct. Bulletin of economic security. 2016; 1: 239—243.

9. Draft of Federal Law No. 147239-7 revised, introduced to the Federal Assembly of the State Duma, of 11 April 2017. "On modification of the Federal law "On police" and particular legislative acts of the Russian Federation". Art. 1. Available from: <http://asozd/duma.gov.ru/>. Accessed: 4 March 2020.

10. Andreeva I. A. Regarding the issue of legislative attachment of the presumption of trust in the police (foreign experience). Innovation and examination: scientific papers. 2019; 26 (1): 71—79. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37381153>. Accessed: 12 March 2020.

11. Antonov I. A., Pobedkin A. V. Presumption of trust in the police in the sphere of criminal proceedings (foreign experience). Proceedings of Management Academy of the Interior Ministry of Russia. 2019; 50 (2): 74—79.

12. Tsokolova O. I. Regarding the question of presumption of trust in the police. Scientific portal of the Interior Ministry of Russia. 2019; 1: 126—129.

13. Yudina T. N., Bondaletov V. V., Mazaev Y. N. (et al.) Rural district commissioners of the police: the public trust. Bulletin of Volgograd State University. Section 7. Philosophy. Sociology and social technologies. 2016; 34 (4): 119—127.

14. Ushakova O. V. Trust of the citizens as a basis for the effective functioning of district police officers. Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2019; 57 (1): 16—19. Available from: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=36881636>. Accessed: 12 March 2020.

15. Demidov N. N., Zueva O. V. Reforming internal affairs bodies in Russia from the viewpoint of the population of Volgograd (according to the materials of the regional opinion survey). Bulletin of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. 2013; 27 (4): 177—182.

следования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27). С. 177—182.

16. Демидов Н. Н., Тюменцев А. Н. Криминогенная обстановка в Волгоградской области через призму общественного мнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 42—47.

17. Ризер Ю. Почему в России полюбили полицию // 6 ноября фонд «Общественный вердикт» и «Левада-центр» на пресс-конференции в агентстве «Росбалт» представили результаты десятилетнего исследования, посвященного отношению общества к правоохранительным органам. URL: <https://openrussia.org/post/view/778/> (дата обращения: 04.03.2020).

18. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14228> (дата обращения: 14.03.2020).

19. Полиция и граждане: мониторинг общественных оценок. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 24.03.2020).

20. URL: <https://login.webofknowledge.com> (дата обращения: 24.03.2020).

21. URL: <https://www.scopus.com/home.uri> (дата обращения: 24.03.2020).

22. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 145—146.

23. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.

24. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

25. Каминский В. С. Отношение населения Вологодской области к деятельности полиции в 2018 году (на материалах социологических опросов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент». 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 309—320.

26. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Оценка гражданами уровня доверия полиции и защищенности от преступных посягательств // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 56—80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35584649> (дата обращения: 24.03.2020).

27. Муфаздалов С. И. Индикаторы доверия к полиции: теоретические подходы и результаты измерения // Инновационная деятельность. 2015. № 3 (34). С. 117—124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23719048> (дата обращения: 12.03.2020).

16. Demidov N. N., Tyumentsev A. N. Criminogenic situation in Volgograd region as viewed by the public. Bulletin of Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia. 2014; 31 (4): 42—47.

17. Rizer Yu. Why have the people fall in love with the police in Russia // On November 6, Public Verdict Foundation and Levada Center presented the results of a ten-year study on public attitudes towards law enforcement agencies at the press conference at Rosbalt Agency. Available from: <https://openrussia.org/post/view/778/>. Accessed: 24 March 2020.

18. Available from: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14228>. Accessed: 14 March 2020.

19. Police and Citizens: Monitoring of Public Assessments. Available from: <http://www.wciom.ru>. Accessed: 24 March 2020.

20. Available from: <https://login.webofknowledge.com>. Accessed: 24 March 2020.

21. Available from: <https://www.scopus.com/home.uri>. Accessed: 24 March 2020.

22. Darendorf R. Elements of the theory of social conflict. Sociological Studies. 1994; 5: 142—147.

23. Shtompka P. Trust — the basis of society. Moscow: Logos; 2012: 440.

24. Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. Moscow: AST; 2004: 730 p.

25. Kaminski V.S. The attitude of the Vologda region population to the activities of the police in 2018 (on materials of the opinion surveys). Proceedings of the Southwest State University. Economics, Sociology and Management. 2018; 8; 29 (4): 309—320.

26. Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A. Assessment by citizens of the level of trust in the police and protection from criminal entry. Actual Problems of Economics and Law. 2017; 11; 3: 56—80. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35584649>. Accessed: 24 March 2020.

27. Mufazdalov S. I. Indicators of trust in the police: theoretical approaches and evaluation results. Innovative activity. 2015; 34 (3): 117—124. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23719048>. Accessed: 12 March 2020.

© Demidov N. N., Zueva O. V., 2020

© Демидов Н. Н., Зуева О. В., 2020

Демидов Николай Николаевич,

профессор кафедры философии
Волгоградской академии МВД России,
кандидат философских наук, доцент;
e-mail: demidovnick@rambler.ru

Зуева Ольга Владимировна,

доцент кафедры теории
методологии государственного управления
Академии управления МВД России,
кандидат социологических наук;
e-mail: olgazueva-l@rambler.ru

Demidov Nikolay Nikolaevich,

professor at the department of philosophy
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of philosophical sciences, docent;
e-mail: demidovnick@rambler.ru

Zueva Olga Vladimirovna,

associate professor
at the department of theory and methodology
of public administration
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of sociological sciences;
e-mail: olgazueva-l@rambler.ru

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.

2. Уголовное право и криминология.

3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.

4. Страницы истории.

5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20__

подпись

фамилия, инициалы⁵

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.

